

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Дзейтова Разия Башировна

**Основание индивидуальной уголовной ответственности за
преступление агрессии**

Специальность 5.1.4 Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
Филиппов П.А.

Москва – 2024

Введение	3
Глава 1. Установление основания индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии по международному уголовному праву	22
§ 1. Разработка понятия преступления агрессии в международном и международном уголовном праве	22
§ 2. Общие вопросы индивидуальной уголовной ответственности	31
§ 3. Материальный элемент преступления агрессии	48
§ 4. Ментальный элемент преступления агрессии	118
§ 5. Субъект преступления агрессии.....	127
Глава 2. Основание уголовной ответственности за преступление планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны по российскому уголовному законодательству.....	149
§ 1. Понятие и классификация преступлений против мира и безопасности человечества	149
§ 2. Основание индивидуальной ответственности за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны	154
Заключение	213
Список литературы	221
Приложение 1. Судебная практика и иные источники	243
Приложение 2. Проект ст. 353 Уголовного кодекса РФ	251

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Агрессивные действия государств сопровождали человечество практически с момента его возникновения, однако с течением времени их характер и масштабность, количество и оснащенность участников, способы ведения боевых действий и виды применяемого оружия, значимость и последствия военных конфликтов для мирового сообщества существенно менялись. В современном мире военная агрессия рассматривается в качестве одного из наиболее тяжких преступлений, преследуемых как по международному праву, так и по национальному праву многих государств, что, тем не менее, не способствует полному прекращению войн и иных вооруженных конфликтов. Напротив, мировое развитие, согласно действующей Военной доктрине Российской Федерации, характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, приводящим к региональным конфликтам, которые разрешаются преимущественно силовым путем¹.

Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (ООН) в 1992-1996 гг. Б.Б. Гали отмечал, что с момента создания Организации и до 1992 г. имели место более 100 крупных конфликтов, повлекших смерть около 20 млн. человек². Нынешний Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш в докладе о приоритетах Генерального секретаря на 2022 г. перечислил военные конфликты, происходящие на данный момент на территории ряда государств, среди которых: Афганистан, Колумбия, Эфиопия, Израиль,

---

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 25.12.2014 г. № Пр-2976 «О Военной доктрине Российской Федерации». П. 9-10 // СПС КонсультантПлюс.

² Доклад Генерального секретаря на 47 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. A/47/277. 02.06.1992. П. 14: URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/289/17/IMG/N9228917.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.01.2022).

Палестина, Ливия, Мали, Мьянма, Сирия, Судан, Украина и др.³, что явно свидетельствует о кризисе мироустройства⁴ и международных институций.

Кроме количественных критериев, определяющих размах межгосударственных и иных конфликтов в мире, следует иметь в виду меняющиеся качественные характеристики таких конфликтов, в частности, возникновение новых форм агрессии, в том числе применение кибернетических атак, а также новых участников военных столкновений – негосударственные вооруженные организованные группы.

Как справедливо отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации, «повышается роль фактора силы в международных отношениях, в ряде стратегических важных регионов расширяется конфликтное пространство», и использование военной силы в нарушение международного права, а также стирание границ между военными и невоенными средствами межгосударственного противоборства увеличивают угрозу всеобщей безопасности и повышают вероятность эскалации таких конфликтов и их перерастания в локальную, региональную или глобальную войну⁵.

Установление правового запрета на ведение военных действий является одним из средств борьбы с угрозой миру и безопасности человечества и сдерживания военной агрессии. В связи с этим по окончании Второй мировой войны не только нормативно был закреплен запрет на применение силы (ст. 2(4) Устава ООН), но и началась разработка государствами, включая СССР, а впоследствии и Российскую Федерацию, понятий «акт агрессии» и «преступление агрессии».

Для целей международного права определение агрессии было сформулировано и закреплено в Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. (далее – Резолюция 1974 г.). Что

---

³ Secretary General's remarks to the General Assembly on his priorities for 2022: URL: <https://www.un.org/sg/en/node/261520> (дата обращения: 23.01.2022).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Концепция внешней политики Российской Федерации». П. 12 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. П. 11 // СПС КонсультантПлюс.

касается преступления агрессии, то его понятие было разработано и включено в ст. 8бис Римского статута (далее также Статут) Международного уголовного суда (далее также МУС, Суд) в 2010 г., но только в 2017 г. Международный уголовный суд получил право устанавливать свою юрисдикцию применительно к данному преступлению. Таким образом, установление индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии не было одномоментным.

Дефиниция преступления агрессии не может быть признана совершенной и характеризуется: отсутствием четкого терминологического аппарата; сложностями при установлении субъекта преступления; большим числом оценочных признаков, содержание которых нормативно не определено; включением в правовую норму неактуальных форм агрессии, а также непризнанием негосударственных вооруженных организованных групп в качестве субъектов акта агрессии. Недостатки определения преступления агрессии и нерешенность ряда других правовых проблем приводят на практике к тому, что, несмотря на многочисленные акты агрессии, совершенные государственными или негосударственными субъектами, случаев привлечения к ответственности по международному уголовному праву за это преступление нет.

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в главе 34 (Преступления против мира и безопасности человечества) также предусмотрел состав агрессии, признав уголовно наказуемыми планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353). Формально бланкетный характер диспозиции нормы об ответственности за указанное преступление и отсутствие в уголовном или каком-либо ином внутреннем нормативном правовом акте либо обязательном для Российской Федерации международно-правовом акте определения «агрессивной войны» создают трудности в толковании не только этого понятия, но и остальных признаков рассматриваемого состава преступления.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 353 УК РФ, описана аналогично преступлению против мира, предусмотренному в ст. 6(а) Устава Международного военного трибунала 1945 г. (далее также МВТ, Трибунал) и ст. 5а Устава Международного Трибунала по Дальнему Востоку (далее также МТДВ, Трибунал по Дальнему Востоку). При этом в российской литературе⁶ агрессивная война определяется через термин «акт агрессии государства», как это установлено в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. Вместе с тем «акт агрессии» и «агрессивная война» не являются равнозначными терминами, и в существующей формулировке уголовно-правовой нормы объем криминализации в российском уголовном законе уже, чем в международном уголовном праве.

Помимо указанной проблемы, связанной с терминологическим аппаратом, существуют также проблемы определения содержания действий, образующих объективную сторону планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны (ст. 353 УК РФ); установления круга субъектов этого преступления; разграничения со смежными составами преступлений.

Первое разработанное определение государства-агрессора, внесшее значительный вклад в дальнейшее развитие определения агрессии, как будет отмечено дальше, было предложено именно делегацией от СССР. Российская Федерация, принимала непосредственное участие в разработке определения преступления агрессии для целей международного уголовного права, в том числе при разработке Римского статута. Вместе с тем Россия из-за практики применения двойных стандартов ранее не являлась и в настоящее время не является государством-участником Римского статута. Кроме того, в условиях обострения международной обстановки, принимаемые МУС решения напрямую направлены на разрушение России

---

⁶ См., например: Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А.В. Наумова. СПб., 2004. С. 133.

как суверенного, демократического и правового государства. Обеспечивая защиту от политически ангажированных решений суда, Российская Федерация вынуждена была в 2023 году ввести уголовную ответственность за оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Российская Федерация не участвует, или иностранных государственных органов (ст. 284.3. УК РФ).

Тем не менее поскольку одним из приоритетных направлений внешней политики Российской Федерации является обеспечение верховенства права в международных отношениях, служащее одной из основ справедливого и устойчивого мироустройства, поддержания глобальной стабильности, мирного и плодотворного сотрудничества государств и их объединений, и являющееся фактором снижения международной напряженности и повышения предсказуемости мирового развития⁷. В связи с этим было бы не вполне обоснованным и рациональным игнорирование всего опыта разработки дефиниции преступления агрессии, накопленного начиная с Нюрнбергского трибунала до сегодняшних дней. Более того, с учетом вклада делегации от России в разработку Римского статута в целом и ст. 8бис в частности, не должны быть в стороне от всестороннего изучения положения доктрины, выработанные в процессе применения указанного статута.

Теоретические разработки оснований индивидуальной ответственности за преступление агрессии могут быть актуальны при становлении новой системы обеспечения международной безопасности как в рамках ООН, так и в проходящих становление новых межрегиональных межгосударственных объединениях и союзах (БРИКС, ОДКБ и других).

Несомненно, всестороннее изучение этих положений актуально для развития российской науки международного уголовного права, совершенствования нормы ст. 353 УК РФ, а также для толкования преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения

---

⁷ Концепция внешней политики. П. 20.

агрессивной войны, в правоприменительной деятельности российских правоохранительных органов и судов.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о высокой актуальности темы диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы. В юридической науке международно-правовым и уголовно-правовым аспектам вооруженных конфликтов и, в частности, преступления агрессии, а также ответственности за преступления против мира и безопасности человечества были посвящены работы таких правоведов, как: А.Х. Абашидзе, Р.А. Адельханян, А.А. Арямов, И.П. Блищенко, Г.И. Богуш, О.Н. Ведерникова, С.А. Грицаев, С.В. Глотова, Б.А. Дряев, Г.А. Есаков, Л.В. Иногамова-Хегай, В.В. Каболов, А.Г. Кибальник, Н.И. Костенко, Н.Ф. Кузнецова, Д.В. Лобач, Н.М. Лямин, О.В. Малахова, К.Д. Николаев, В.Н. Русинова, И.Г. Соломоненко, П.П. Степанов, А.Н. Трайнин, Е.Н. Трикоз, Б.Р. Тузмухамедов, И.В. Фисенко и другие.

Среди зарубежных авторов проблемам международной агрессии и преступления агрессии свои труды посвятили: Д. Аканде, Ш. Бассиуни, Н. Вейсборд, Г. Верле, Й. Динштейн, М. Джиллет, А. Кассезе, Р. Кларк, К. Кресс, К. МакДугалл, С. Саяпин, Дж. Трэхан, Н. Хадждин, К. Хеллер и другие.

На диссертационном уровне проблемы ответственности за преступление агрессии и иные преступления против мира и безопасности человечества изучались в следующих исследованиях, защищенных по специальностям 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» и 12.00.10 «Международное право; европейское право»: В.В. Каболов Преступления против мира и безопасности человечества (Ростов-на-Дону, 2002); О.В. Малахова Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву (Ставрополь, 2003); Б.А. Дряев Агрессия в российском уголовном праве (М., 2007); Д.В. Лобач Преступления против мира: уголовно-правовое исследование (Саратов, 2013); Н.М. Лямин Международный уголовный суд и

ответственность за преступные нарушения прав человека (М., 2017); С.Г. Тимошков Агрессия как международное преступление (М., 2017); П.П. Степанов Современные военные преступления: их причины и меры противодействия (М., 2018) и других.

Несмотря на ценные теоретические положения, полученные в результате проведенных исследований, проблема ответственности за преступление агрессии по российскому и международному уголовному праву, включающая и вопрос об основаниях индивидуальной ответственности участников преступления, остается недостаточно разработанной.

Так, О.В. Малахова в своем диссертационном исследовании последовательно излагает историю становления института уголовной ответственности за преступление агрессии и анализирует состав планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны. Однако в работе не уделено достаточного внимания соотношению понятий «агрессия» и «агрессивная война» и кругу субъектов преступления агрессии в российском и международном уголовном праве.

В рамках специальности 12.00.10 «Международное право; европейское право» вопрос ответственности за агрессию был рассмотрен С.Г. Тимошковым, который справедливо признает кибератаки, как современную форму совершения акта агрессии, перечисляет различные виды кибератак, отмечая их общественную опасность. Однако в работе не исследуются возможность и последствия включения положений о кибератаках в дефиницию преступления агрессии, а также соотношения кибератак и положений международного права о запрете применении силы.

Таким образом, степень научной разработанности темы, обозначенной в названии настоящего диссертационного исследования, нельзя признать достаточной. Поэтому в данной работе выдвигаются новые предложения по совершенствованию российского законодательства с учетом норм

международного уголовного права, содержащего положения о преступлении агрессии.

Объектом диссертационного исследования являются основания индивидуальной ответственности за преступление агрессии по российскому и международному уголовному праву, проблемы регламентации данного преступления в международно-правовых актах и Уголовном кодексе Российской Федерации, значимость положений международного уголовного права о преступлении агрессии для совершенствования российского уголовного законодательства, а также практика применения норм об ответственности за преступление агрессии.

Предметом диссертационного исследования послужили положения нормативных актов международного, международного уголовного и международного гуманитарного права; положения конституционного, уголовного и иного законодательства Российской Федерации; разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам, рассматриваемым в диссертации, материалы международной и российской судебной практики; научная литература по исследуемой проблематике на русском и английском языках.

Целью диссертационного исследования является решение проблемы определения оснований индивидуальной ответственности за преступление агрессии по российскому и международному уголовному праву путем выработки доктринальных позиций относительно определения преступления агрессии в российском и международном уголовном праве и рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации и практики его применения.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) изучить этапы разработки дефиниций акта агрессии и преступления агрессии на международном уровне;
- 2) раскрыть объективные и субъективные признаки преступления агрессии на международном уровне;

3) изучить практику Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, Международного трибунала по Дальнему Востоку и последующих Нюрнбергских процессов и установить ее значение для понимания объективных и субъективных признаков преступления агрессии по российскому уголовному законодательству и международному уголовному праву;

4) исследовать современные способы осуществления агрессии и рассмотреть возможность отнесения к преступлению агрессии кибернетической агрессии (киберагрессии);

5) рассмотреть основания привлечения к уголовной ответственности за преступление агрессии руководителей негосударственных вооруженных организованных групп;

6) проанализировать проблемы квалификации планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны по уголовному праву Российской Федерации;

7) на основе проведенного исследования сформулировать доктринальные положения и рекомендации, направленные на совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации и практики его применения.

Методологическую основу диссертационного исследования составили такие общенаучные методы, как:

- *исторический* метод применялся для анализа эволюции доктринальных подходов к понятию «агрессивной войны», «акта агрессии» и «преступления агрессии», позиций Международного военного трибунала по вопросу содержания признаков состава преступления против мира;

- *метод обобщения* – относительно позиций зарубежных правоведов по вопросу элементов и признаков преступления агрессии на национальном и международном уровне;

- *системный метод* использовался при изучении системы источников российского уголовного и международного уголовного права, рассмотрении взаимосвязи элементов преступления агрессии на российском и международном уровне, а также для анализа соотношения составов преступления агрессии для целей международного уголовного права и преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны (ст. 353 УК РФ) и разрешения конкуренции состава, предусмотренного в ст. 353 УК РФ, с смежными составами.

Кроме того, в работе использованы частные методы научного познания.

Так, *сравнительно-правовой метод* был использован при исследовании отличий российского законодательства и норм международного и международного уголовного права в части толкования понятия преступления агрессии, а также оснований уголовной ответственности за него. Также в рамках сравнительно-правового метода были использованы труды иностранных ученых, переведенных автором с английского языка.

Формально-юридический метод выразился в толковании источников международного и международного уголовного права, касающихся отдельных вопросов применения силы, признаков понятия «агрессии», а также российского права в части понятия преступления планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны (ст. 353 УК РФ) и оснований уголовной ответственности за них. Применение формально-юридического метода позволило определить юридическое понятие акта агрессии и выявить его характерные признаки для целей российского и международного права, классифицировать преступления против мира и безопасности по российскому уголовному законодательству, а также разработать новую норму об ответственности за преступление агрессии для целей российского уголовного права.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды российских правоведов по уголовному праву, среди которых: Е.В. Благов,

Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, И.Э. Звечаровский, А.И. Коробеев, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.М. Лебедев, Н.А. Лопашенко, А.В. Наумов, А.И. Рарог, А.Н. Трайнин и другие.

Помимо этого, были изучены научные работы российских правоведов-международников: И.П. Блищенко, С.В. Гловой, В.В. Грохотовой, А.Ю. Скуратовой, Л.Н. Тарасовой, Е.Н. Трикоз, И.В. Фисенко и других.

Теоретическая основа исследования включает также труды таких зарубежных правоведов, как: Э. Ваттель, Г. Верле, Г. Гроций, Х. Лаутерпахт, М. Кламберг, М. МакДугал, И. Марчук, Л. Оппенгейм, К. Райт, М. Рейзман, Б. Ференц, В. Шабас, М. Шарф и других авторов.

Нормативную базу исследования составил комплекс источников международного и российского права.

В качестве международно-правовых источников выступают различные международные соглашения, в том числе Устав ООН 1945 г., резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН за период с 1967 по 1990 гг., касающиеся применения силы, Римский статут, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II) от 8 июня 1977 г., уставы Международного трибунала по Руанде, Международного трибунала по Югославии и Специального суда по Сьерра-Леоне.

Нормативной базой исследования охватываются также исторические памятники международного права, в частности, Устав Лиги наций 1920 г., Проект Договора о взаимной помощи 1923 г., Пакт Бриана-Келлога (Парижский пакт) 1928 г., уставы Международного военного трибунала 1945 г. и Международного трибунала по Дальнему Востоку 1946 г.

В области российского права нормативной основой выступают Конституция Российской Федерации 1993 г. с изменениями и дополнениями, Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., Закон Российской Федерации «О безопасности» 1992 г., Федеральный конституционный закон «О военном

положении» 2002 г., Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г., Федеральный закон «О безопасности» 2010 г., Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации 25 декабря 2014 г., Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г., Концепция внешней политики, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. и другие нормативные акты, перечень которых приведен в библиографическом списке к настоящей диссертации.

Эмпирическая база исследования включает в себя:

- решения Международного военного трибунала (1945 г.) и Международного трибунала по Дальнему Востоку в отношении главных военных преступников (1948 г.), приговоры последующих Нюрнбергских процессов, вынесенные в период с 1945-1946 гг., в частности, по делам против: Промышленников («И.Г. Фарбен» и «АГ Крупп»), Верховного военного командования (В. фон Лееб, Г. фон Кюхлер, Г. Гот, Г. Рейнеке и др.) и руководителей министерств Германии (Э. Фон Вайцеккер, К. Вильгельм, Г. Ламмерс, П. Кёрнер и др.);

- решения Международного суда ООН, который рассматривал отдельные вопросы применения силы в Консультативном заключении о законности угрозы ядерным оружием или его применения (1996 г.), в делах Никарагуа против США (1986 г.), Иран против США (2003 г.), Конго против Уганды (2005 г.) и др.;

- решения Международного трибунала по бывшей Югославии, Международного трибунала по Руанде и Специального суда по Сьерра-Леоне по вопросу контроля как одного из основных критериев «лидерского стандарта» преступления агрессии, исследованного в рамках дел: Д. Тадича (1999 г.), Т. Блашкича (2000 г.), З. Алексовски (2000 г.) З. Делалича и З. Мучича (2001 г.), М. Штакича (2003 г.), Д. Кордича и М. Черкеза (2008 г.), К.

Кайишемы (1999 г.), А. Мусемы (2000 г.), Л. Семанзы (2003 г.), Ж. Каджелиджели (2005 г.) и А. Бримы (2007 г.);

- решения Международного уголовного суда и решения по вопросу субъективной стороны в делах: Т. Лубанги (2007 г.), Ж. Катанги (2008 г.) и Ж-П. Бембы (2009 г.);

- материалы подготовительных работ по определению преступления агрессии и документы, принятые по итогам Принстонских встреч (с 2004 г. по 2009 г.), проводившихся для разработки дефиниции преступления агрессии для целей международного уголовного права; проекты дефиниции преступления агрессии, предложенные принимавшими участие в разработке определения агрессии делегациями различных государств, а равно результаты отдельных эмпирических исследований, проведенных другими авторами;

- материалы изучения в 2021-2023 годах судебной практики Российской Федерации по ст. 354¹ и 205² Уголовного кодекса РФ с 2017 г. по 2021 г. Всего изучено 20 решений, вынесенных судами Архангельской области, Омской области, Самарской области, Волгоградской области, Воронежской области, Ульяновской области, Республики Марий Эл, Республики Крым и Республики Калмыкия.

Научная новизна диссертации заключается в комплексе полученных автором новых знаний об основаниях индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии. Научной новизной также обладают знания об объективных и субъективных признаках преступления агрессии с учетом нового определения данного преступления в международном уголовном праве. В диссертационном исследовании разработаны проблемы, связанные с применением таких новых форм агрессии, как кибернетическая атака, и предложены решения, которые в представленном виде не содержатся в других монографических исследованиях, осуществленных к настоящему времени в российской науке уголовного права; содержатся новые данные о законодательных и

правоприменительных проблемах уголовной ответственности за отдельные преступления против мира и безопасности человечества по российскому уголовному праву и сформулированы авторские предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В международном уголовном праве отсутствует категория «оснований индивидуальной уголовной ответственности», в связи с тем, что учение о преступлении сформулировано на основе англо-саксонской модели права. Под основанием индивидуальной уголовной ответственности для целей теории международного уголовного права предлагается понимать исполнение, подстрекательство, побуждение или иным образом виновное участие лица в совершении любого международного преступления, в том числе и преступления агрессии.

2. Структура международных преступлений, включая преступление агрессии, отличается от структуры состава преступления по российскому законодательству и включают только два элемента – материальный и ментальный. Содержание элементов международного преступления отличается от аналогичных элементов состава преступления (объективной и субъективной стороны). Контекстные обстоятельства международных преступлений, в том числе преступления агрессии, входят в материальный элемент международного преступления.

3. Индивидуальная уголовная ответственность за преступление агрессии возможна только при установлении факта совершения государством акта агрессии, достигающего порогового уровня. Вместе с тем акты агрессии могут совершаться не только государствами, но и негосударственными вооруженными организованными группами, которые по своим характеристикам приближены к государственным либо осуществляют публичную власть в отношении населения контролируемой ими территории государства.

4. Агрессия может совершаться не только посредством традиционного применения вооруженной силы, но и посредством кибератак. Поэтому к актам агрессии следует также отнести киберагрессию: «киберагрессия, выраженная в совершении государством или негосударственной вооруженной организованной группой или от их имени кибернетических атак, равносильная перечисленным актам, или значительное участие в них». Под кибернетическими атаками необходимо понимать неправомерное вмешательство в компьютерные системы или информационно-телекоммуникационные сети для изменения, удаления, модификации или иного воздействия на содержащуюся в них компьютерную информацию, направленное против безопасности государства.

5. Совершенные акты агрессии должны соответствовать пороговому требованию, т.е. достигать в силу серьезности, характера и масштаба уровня грубого нарушения Устава ООН. Содержание критериев порогового требования нормативно не установлено. Предлагается масштабным признавать такой акт агрессии, который охватывает значительную географическую территорию одного государства или небольшие участки территорий, но относящиеся к нескольким государствам. Вооруженное нападение на незначительную по площади территорию одного государства может признаваться масштабным при условии, что акт агрессии является интенсивным. Критерий серьезности, свидетельствующий о тяжести причиненных последствий, будет иметь место в случаях, когда акт агрессии привел к многочисленным жертвам, значительным разрушениям или массовой миграции населения государства в соседние страны. Критерий характера, который должен ограничить случаи применения силы до явных и очевидных, должен быть исключен, поскольку общий порог тяжести для всех международных преступлений уже выполняет данную задачу. При этом для признания наличия грубого нарушения требуется установить оба критерия – масштаб и серьезность.

6. К планированию акта агрессии относят встречи, совещания и иные действия по разработке любых планов, стратегий или тактик, направленные на осуществление акта агрессии. Действия, которые выполняются вслед за планированием акта агрессии и направлены на реализацию разработанных планов, являются подготовкой акта агрессии. Иницированием признается начало совершения любого акта агрессии, включенного в перечень актов агрессии. За иницированием акта агрессии следует его осуществление, т.е. принятие стратегических решений и любых действий, направленных на продолжение инициированного акта агрессии.

7. Особая правовая природа преступления агрессии предопределяет ограниченный круг субъектов, способных его совершить. Субъект должен отвечать лидерскому требованию, т.е. быть лицом, которое в состоянии осуществлять руководство или эффективный контроль над политическими или военными действиями государства. Однако содержание терминов «контроль» и «руководство» нормативно не определено. Поэтому под контролем предлагается понимать общее управление военными или политическими действиями государства. При этом в отсутствие такого контроля совершение акта агрессии было бы невозможно, а лицо, обладающее контролем, может использовать методы принуждения и наказания. Руководство должно охватывать деятельность по непосредственному направлению политических или военных действий, а также их обеспечение и корректирование.

8. Закрепление ответственности за преступление агрессии в уголовном законодательстве Российской Федерации нуждается в корректировке в соответствии с положениями международно-правовых актов и российской уголовно-правовой доктрины. Для этого необходимо в норме, предусматривающей уголовную ответственность за преступление агрессии:

- 8.1 заменить термин «агрессивная война» на термин «акт агрессии»;
- 8.2 усовершенствовать определение акта агрессии для целей российского уголовного права;

- 8.3 включить негосударственные вооруженные организованные группы в круг субъектов акта агрессии;
- 8.4 расширить перечень актов агрессии посредством включения новой формы агрессии – киберагрессии;
- 8.5 заменить термины «планирование, подготовка, развязывание или ведение» на «планирование, подготовка, инициирование или осуществление»;
- 8.6 предусмотреть специальный субъект преступления агрессии.

Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном и всестороннем изучении и анализе оснований уголовной ответственности за совершение преступления агрессии, а также преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны в российском уголовном праве.

К теоретической значимости диссертации относятся предложения о разграничении структуры состава преступления в российском уголовном праве и элементов международного преступления, разработка доктринального понимания основания уголовной ответственности в международном уголовном праве, действий материального элемента преступления агрессии, а также критериев порогового требования.

Вкладом в теорию российского уголовного права также представляется возможным признать установление содержания терминов «агрессия» и «агрессивная война» и их различий, содержания действий объективной стороны состава планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны, а также понятий негосударственных вооруженных организованных групп и киберагрессии.

Сформулированные рекомендации будут способствовать развитию теории российского уголовного права и международного уголовного права и могут быть учтены при проведении дальнейших исследований проблем уголовной ответственности за преступление планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны и преступление агрессии.

Практическая значимость диссертационного исследования

заключается в том, что автором внесены конкретные предложения по устранению пробелов уголовного законодательства о преступлении, предусмотренном в ст. 353 УК РФ. Разработанные рекомендации могут быть использованы в российской законотворческой деятельности. К таким рекомендациям можно отнести формулировку новой диспозиции ст. 353 УК РФ, с учетом достижений теории международного уголовного права, а именно: предложения по закреплению специального субъекта в ст. 353 УК РФ, расширению перечня субъектов и перечня актов агрессии, содержанию критериев субъекта преступления агрессии.

Положения диссертационного исследования могут применяться в процессе проведения учебных занятий в образовательных организациях высшего профессионального образования по уголовному праву России и международному уголовному праву.

Достоверность диссертационного исследования обеспечена корректной постановкой целей и задач исследования, которые обусловили выбор и применение методов научного познания; определена изучением специальных зарубежных и отечественных доктринальных источников; обеспечена критическим сопоставлением результатов настоящего исследования с положениями других специальных и смежных научных исследований; научно-теоретическим аргументированием, основанным на изучении широкого круга литературных источников, нормативных актов и собранной эмпирической базой. Также достоверность результатов исследования обеспечена апробацией полученных выводов на конференциях и в учебном процессе.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в пяти научных статьях автора, опубликованных в ведущих рецензируемых научных изданиях из перечня, рекомендованного Министерством образования и науки Российской Федерации, список которых утвержден решением Ученого совета МГУ

имени М.В. Ломоносова, а также в трех статьях в сборниках научно-практических конференций.

Апробация результатов исследования проводилась также путем выступления автора с докладами по теме исследования на Всероссийском уголовно-правовом форуме молодых ученых имени М.Н. Гернета (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 16 декабря 2021 г.), на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Нюрнбергский процесс: преступления и правосудие» (Москва, МГЮУ(А) имени О.Е. Кутафина 2021 г.) на конференции «Международная агора: свежий взгляд на международное и зарубежное уголовное право (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020 г.), на Кузнецовских чтениях (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022 г.).

Апробация была проведена во время проведения занятий по курсу «Международное уголовное право» со студентами магистратуры Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в весеннем семестре 2022 учебного года.

Основные положения и выводы диссертационной работы нашли отражение в подготовленной диссертантом научно-квалификационной работе («Преступление агрессии по международному и национальному уголовному праву: основания и пределы индивидуальной ответственности»), представленной в 2022 году на защиту и получившей высокую положительную оценку экзаменационной комиссии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Положения диссертации докладывались в 2022 и 2024 годах на заседании кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, где получили одобрение.

Структура диссертации соответствует предмету, цели и задачам исследования. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

Глава 1. Установление основания индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии по международному уголовному праву

§ 1. Разработка понятия преступления агрессии в международном и международном уголовном праве

Исследование проблемы установления основания индивидуальной ответственности за преступление агрессии по международному уголовному праву необходимо начать с краткого изложения основных этапов по разработке понятия данного преступления.

В развитии дефиниции преступления агрессии можно выделить два основных этапа: 1) до Римской конференции и принятия Римского статута Международного уголовного суда (с 1919 г. до 1998 г.) и 2) период после принятия Римского статута (с 1998 г. по 2010 г.). Второй этап можно разделить на четыре стадии: 1) деятельность Подготовительной комиссии (с 1999 г. до 2002 г.); 2) деятельность Специальной рабочей группы по разработке дефиниции преступления агрессии (с 2003 г. – по 2009 г.) и, параллельно, проведение неофициальных встреч в Принстонском университете (вследствие чего они получили название «Принстонских процессов»), на которых также велась разработка определения преступления агрессии (с 2004 г. по 2009 г.); 3) вступление Ассамблеи государств - участников Римского статута в процесс разработки дефиниции (с 2009 г. по 2010 г.); 4) 31 мая - 11 июня 2010 г. период работы Конференции по обзору Римского статута Международного уголовного суда в г. Кампале (Уганда) и, соответственно, четвертый и последний этап в деятельности международного сообщества по разработке преступления агрессии.

Впервые попытка установить международно-правовой запрет обращения к войне предпринималась в Уставе Лиги наций 1919 г., который признавал недопустимым обращение к некоторым видам войн. Анализ данного документа позволяет сделать вывод о том, что запрещались именно агрессивные войны, хотя термин «агрессивная война» Устав не содержал.

При этом в ст. 10 устанавливалось, что любое государство-участник Лиги наций принимает на себя обязательство воздерживаться от «внешней агрессии против территориальной неприкосновенности и политической независимости всех государств-членов Лиги наций»⁸ (выделено мной. – Р.Д.).

В 1923 г. на рассмотрение государств-участников Лиги наций был представлен Проект соглашения о взаимопомощи⁹, разработанный Специальным комитетом Временной смешанной комиссии по сокращению вооружений¹⁰ для того, чтобы облегчить применение ст. 10 и ст. 16¹¹ Устава Лиги наций, что следует из его преамбулы. И хотя данный Проект так и не был принят, он содержал важные положения, которые впоследствии использовались при разработке определения агрессии. Так, ст. 1 Проекта объявляла агрессивную войну международным преступлением, а участники договора принимали на себя «торжественное обязательство не совершать этого преступления»¹². В ст. 6 Проекта использовался термин «акт агрессии», без уточнения его содержания. Вместе с тем определение агрессивной войны в документе отсутствовало, поскольку, согласно комментарию Специального комитета Временной смешанной комиссии, такое определение невозможно сформулировать.

Тем не менее в рассматриваемом Проекте предлагался ряд критериев, характеризующих агрессию: а) уже осуществленная государством промышленная и экономическая мобилизация; б) военно-воздушная, химическая или военно-морская атака против другого государства; в) присутствие вооруженных сил на территории другого государства; г) отказ

---

⁸ Устав Лиги наций // Сб. Действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 8. М., 1935. С. 37.

⁹ Проект Договора о взаимной помощи, представленный III Комиссией IV Собранию 28 сентября 1923 г. // Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. IV. Гарантии безопасности по статуту Лиги наций. М., 1937. С. 81.

¹⁰ Временная смешанная комиссия по сокращению вооружений состояла из экспертов в различных областях (права, военного дела, в области промышленности и технологий и т.п.).

¹¹ Статья 16 Устав Лиги наций закрепила санкции для государств за обращение к военным средствам в виде разрыва торговых, финансовых отношений, а также личных отношений с гражданами государства.

¹² Проект Договора о взаимной помощи, представленный III Комиссией IV Собранию 28 сентября 1923 г. Ст. 1.

любого государства-участника вывести войска за пределы линии, установленной Советом Лиги наций; е) очевидно агрессивная политика одного государства в отношении другого и последующий отказ государства-агрессора выполнить рекомендации Совета Лиги наций или решение Постоянной палаты международного правосудия¹³.

Первым актом, прямо закрепившим запрет обращения к войне, принято считать Парижский пакт о воспрещении войны в качестве орудия национальной политики 1928 г. к которому присоединился СССР¹⁴ (далее также - Парижский пакт, Пакт Бриана-Келлога). Данный многосторонний договор признал незаконным обращение к войне и обязал участников обращаться только к мирным средствам для разрешения любого рода международных конфликтов и споров¹⁵. В то же время, как отмечает С. Грицаев, Пакт Бриана-Келлога «лишь объявлял агрессию противоправным деянием со стороны государства, а не преступлением, за которое можно осудить отдельных лиц»¹⁶. К тому же, в Парижском пакте санкции за несоблюдение предусмотренных обязательств отсутствовали.

В зарубежной доктрине, однако, высказывается и противоположное мнение, согласно которому юридическое толкование текста рассматриваемого договора свидетельствует об установлении им определенных правовых последствий в случае нарушения договора (например, отказ государств-участников Парижского пакта соблюдать в отношении государства-агрессора обязанности, предписанные международным правом; право предоставления государству-жертве материальной, финансовой помощи (включая военное снаряжение); обязанность государства-агрессора выплатить компенсацию любому

---

¹³ Ferencz B. Commentary on Definition of a Case of Aggression by Special Committee of the Temporary Mixed Commission, in *Defining International Aggression: The Search for World Peace*. Vol. 1. 1975 // Derechos [сайт]. URL: <http://www.derechos.org/peace/dia/doc/dia04.html> (дата обращения: 18.08.2021).

¹⁴ Пакт Бриана-Келлога (Парижский пакт) от 27 августа 1928 г. // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. 5. М., 1930. Статьи 1 и 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Грицаев С.А. *Международная уголовная ответственность физических лиц. История и современность*. Белгород, 2005. С. 50-51.

государству, подписавшему Парижский пакт, или его гражданам за весь причиненный ущерб)¹⁷.

Важно отметить, что по инициативе СССР были заключены три конвенции об определении агрессии от 3, 4 и 5 июля 1933 г., в которых раскрывалось понятие агрессии посредством закрепления определения государства-агрессора, которым признавалось любое государство, первым совершившее любое из следующих действий: объявление войны; вторжение на территорию государства без объявления войны; нападение сухопутными, военно-морскими или воздушными силами на суда или на воздушные суда другого государства (в том числе и без объявления войны); поддержка, оказанная вооруженным бандам, которые образованы на территории государства-агрессора и вторгаются на территорию другого государства или отказ государства-агрессора принять все зависящие от него меры для лишения таких банд помощи или покровительства; морская блокада¹⁸. Это было первое определение, относящееся к агрессии и сыгравшее значительную роль при разработке определения акта агрессии и видов акта агрессии для целей международного права. Вместе с тем проблема данного определения заключалась в отсутствии возможности установить, какое из государств первым совершило акт агрессии¹⁹.

После Второй мировой войны и создания Организации Объединенных Наций были установлены не только запрет на применение силы, каким-либо образом несовместимое с Уставом ООН²⁰, но и индивидуальная уголовная ответственность за преступление агрессии. Общеизвестно, что для привлечения лиц, ответственных за преступления, совершенные во время Второй мировой войны, был создан Международный военный трибунал и проведены Нюрнбергские процессы. Делегации от СССР принимали активное участие в разработке соглашения о создании МВТ и его Устава.

---

¹⁷ Wright Q. The concept of aggression in International Law // American J. Int'l L. 1935. N 3. Vol. 29. P. 376, 377.

¹⁸ Конвенция об определении агрессии // Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1970. С. 388.

¹⁹ Дзейтова Р.Б. Становление и соотношение понятий «войны», «агрессии» и «агрессивной войны» в международном уголовном праве // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2020. № 4. С. 110.

²⁰ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

Так, проект соглашения о создании МВТ, предложенный заместителем председателя Верховного суда СССР И.Т. Никитченко, «был взят за основу и вошел в окончательный текст»²¹, а научная ценность работы профессора А.Н. Трайнина «Об уголовной ответственности гитлеровцев», изданная в 1944 г., была признана всеми разработчиками Устава МВТ²².

В процессе разработки Устава МВТ между делегациями возникли споры относительно преступности агрессивной войны. Делегация от Франции не считала ее международным преступлением, и наоборот, англичане признавали ее преступный характер, хотя и отмечали отсутствие на тот момент уголовного наказания за данное преступление. В отличие от них, представители от СССР доказывали, что отсутствие санкций не отрицает необходимости преследования за данное преступление²³, признавая тем самым очевидную и назревшую необходимость закрепить преступление в Уставе МВТ.

В итоге, в ст. 6 Устава МВТ²⁴ была предусмотрена ответственность за преступление против мира, влекущее индивидуальную уголовную ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий. Формулировка материального элемента преступления против мира стала основой для разработки последующего определения преступления агрессии.

На данный момент, понятие преступления агрессии закреплено в ст. 8бис Римского статута МУС, который был принят 17 июля 1998 г.²⁵

В процессе разработки Римского статута вопрос предметной юрисдикции был одним из самых спорных. Природа международных

---

²¹ Лебедева Н.С. СССР и Нюрнбергский процесс // Берегиня.777.Сова. 2014. № 4(23). С. 243.

²² Там же. С. 243.

²³ Там же. С. 243.

²⁴ Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. № 11. М., 1955. Ст. 6.

²⁵ Римский статут Международного уголовного суда. 17 июля 1998 г. UN Doc A/CONF 183/10. Ст. 8бис.

преступлений, а именно то, что они представляют угрозу всеобщему миру, безопасности и благополучию (абз. 4 Преамбулы Римского статута), предопределяет и обязанность государств бороться с международными преступлениями. В случае совершения этих преступлений речь должна идти об обязательствах государств «в отношении международного сообщества в целом, вытекающих из таких норм, как запрещение агрессии, геноцида, а также из норм о защите основных прав»²⁶.

Несмотря на то, что преступление агрессии является тягчайшим международным преступлением, на стадии создания Международного уголовного суда делегации из разных стран не пришли к единому мнению относительно его дефиниции и из четырех закрепленных в Римском статуте на момент его принятия в 1998 г. международных преступлений (геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии) только преступление агрессии не было определено.

Вместе с тем значимость и необходимость закрепления уголовной ответственности за это международное преступление отчетливо осознавались международным сообществом. Переломным моментом в решении этой проблемы стала первая Конференция по обзору Римского статута, состоявшаяся в 2010 г. Как отмечает Г.И. Богуш, «это был весьма представительный форум, который предоставил международному сообществу уникальную возможность критического анализа и оценки перспектив дальнейшего развития международного уголовного правосудия»²⁷.

Римский статут является многосторонним международным договором, формулирующим составы преступлений, которые касаются всего международного сообщества²⁸. Действие Статута распространяется только на

---

²⁶ Абашидзе А. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств *erga omnes* // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008. С. 47.

²⁷ Богуш Г.И. Обзорная конференция по Римскому статуту: новые горизонты международного уголовного правосудия // Международное правосудие. 2010. № 5 (78). С. 87.

²⁸ Глотова С.В. Россия и Международный уголовный суд: некоторые вопросы имплементации Римского Статута // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2008. № 3. С. 74.

те государства, которые его ратифицировали, приняли или утвердили²⁹. Однако Российская Федерация, подписавшая Римский статут в 2000 г., не ратифицировала его, а в 2016 г. официально вышла из Римского статута³⁰.

В отечественной и международно-правовой доктрине выделялись следующие недостатки структуры Суда, его деятельности и также Римского статута: 1) у Суда отсутствуют достаточные и эффективные исполнительные или правоприменительные полномочия (например, на досудебной стадии Суд зависит от степени сотрудничества государств в части ареста и передачи обвиняемых, поскольку «не ясно, готовы ли государства использовать свои военные или экономические средства для изгнания деспотичного лидера из страны») ³¹; 2) Суд предвзят, поскольку его деятельность преимущественно сосредоточена на преследовании за совершение международных преступлений гражданами стран Африки³²; 3) Суд не признан многими государствами, что подрывает всю систему международного уголовного права³³; 4) положения Римского статута противоречат конституциям ряда стран³⁴.

Применительно к последнему пункту, российский исследователь Б. Тузмухамедов отмечал существенные расхождения между Конституцией России и Римским статутом, объяснявшие невозможность ратификации (например, требование Римского статута о выдаче граждан (ст. 61 Конституции), ущемление права на суд присяжных (ч. 2 ст. 47 Конституции), права просить о помиловании (п. «в» ст. 89 Конституции), гарантии защиты и

---

²⁹ Римский статут. Ст. 12(1), 125(2).

³⁰ См. Распоряжение Президента РФ от 16.11.2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 47. Ст. 6630.

³¹ Wong F. Criticisms and Shortcomings of the ICC // Access Accountability [сайт]. URL: <https://accessaccountability.org/index.php/2019/09/26/criticisms-and-shortcomings-of-the-icc/#:~:text=Lack%20of%20Resources%3A,cases%20at%20any%20given%20time>. (дата обращения: 20.07.2023)

³² Скуратова А.Ю. Россия и Римский статут Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 129; Kimenyi M. Can the International Criminal Court play fair in Africa? // Brookings [сайт]. URL: <https://www.brookings.edu/articles/can-the-international-criminal-court-play-fair-in-africa/> (дата обращения: 20.07.2023).

³³ Порецкова А.А. Эффективность международного уголовного суда в решении проблем, связанных с геноцидом: взгляд со стороны институционального либерализма // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. Т. 9. № 3. С. 167

³⁴ Подшибякин А.С. Римский Статут и решение проблем его ратификации отдельными государствами // Вестник МГИМО. 2008. № 3. С. 68-69.

покровительства государством своих граждан, находящихся за границей (ч. 2 ст. 67 Конституции) и т.п.)³⁵. Такая точка зрения нашла поддержку и у других отечественных правоведов³⁶.

Противоречащим Конституции, по мнению ряда правоведов, является и ст. 20 Римского статута, которая предусматривает «исключение из правила *non bis in idem*», а именно: в случаях, когда разбирательство в другом суде предназначалось для того, чтобы оградить данное лицо от уголовной ответственности, или когда разбирательство не было проведено независимо или беспристрастно и проводилось таким образом, что не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию, МУС может преследовать данное лицо, невзирая на осуждение³⁷. Как отмечается, данное положение противоречит ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации («Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление»)³⁸.

Поскольку Римский статут не ратифицирован Россией, очевидно, что он не является частью правовой системы нашей страны и не имеет обязательной правовой силы. Однако выход России из Римского статута не исключает императивного характера международного запрета на совершение международных преступлений (этот запрет является нормой *jus cogens*)³⁹. Среди таких норм *jus cogens*, т.е. общепризнанных принципов и норм международного права, которые являются универсальными основополагающими императивными нормами и порождают правоотношения «между всеми» (*erga omnes*), в рамках правовой системы РФ

---

³⁵ Тузмухамедов Б. О некоторых проблемах соответствия Римского статута МУС Конституции РФ // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008. С. 106.

³⁶ См., например: Ведерникова О. Россия и Римский статут Международного уголовного суда: перспективы ратификации // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008. С. 113.

³⁷ Лазутин Л.А., Лихачев М.А. Международный уголовный суд и Россия: быть или не быть вместе // Московский журнал международного права. 2019. № 4. С. 52.

³⁸ Там же. С. 52.

³⁹ Есаков Г.А. Россия и Римский статут: к истории отношений // Закон. 2018. № 2. С. 140.

особое значение имеют «принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств»⁴⁰.

Россия является частью мирового сообщества, постоянным членом Совета Безопасности ООН и участницей ведущих межгосударственных организаций и объединений⁴¹. Обязанность по соблюдению Российской Федерацией международных обязательств, возлагаемых на нее ООН, прямо предусмотрена в Концепции внешней политики России. Так, в п. 47 закреплено, что «...Россия признает и гарантирует права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права...»⁴². Кроме того, «восстановление роли ООН в качестве центрального координирующего механизма в согласовании интересов государств-членов ООН и их действий по достижению целей Устава ООН» признано приоритетным направлением внешней политики России, начиная с 2023 г., а ООН – главной площадкой для прогрессивного развития и кодификации международного права⁴³.

Сначала СССР, а потом и Россия, также принимали активное участие в течение всего периода разработки Статута, а затем и определения акта агрессии и преступления агрессии. И хотя Римский статут – не единственный источник международного права⁴⁴, он является единственным нормативным правовым актом, закрепившим на данный момент дефиницию преступления агрессии (ст. 8бис Статута). Поэтому положения Римского статута представляют научный интерес с точки зрения уголовно-правовых

---

⁴⁰ Малиновский О.Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Философия права: научно-теоретический журнал. 2009. № 1. С. 78.

⁴¹ Концепция внешней политики. П. 5.

⁴² Концепция внешней политики. П. 47.

⁴³ Концепция внешней политики. Пп. 3, п. 19, п. 22.

⁴⁴ К источникам международного уголовного права, согласно ст. 38 Статута Международного суда ООН и ст. 21 Римского статута, относят также другие международные договоры (например, Женевские конвенции от 12.08.1949 г. (Конвенция об улучшении участи раненных и больных в действующих армиях, Конвенция об улучшении участи раненных, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море и Женевская конвенция об обращении с военнопленными), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10.12.1984 г. и т.д.), международный обычай, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, а также судебные решения трибуналов (например, Международного трибунала по Руанде, Международного трибунала по Югославии или Специального суда по Сьерра-Леоне и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций (в качестве вспомогательного средства). Аналогичный перечень источников закреплен в ст. 21 Римского статута.

институтов, конструкций и механизмов. С.В. Глотова обоснованно отмечает: «Россия как правовое государство должна иметь адекватное современному развитию международного права законодательство, позволяющее преследовать за совершение тяжких международных преступлений»⁴⁵.

§ 2. Общие вопросы индивидуальной уголовной ответственности

В ст. 8 УК РФ России предусмотрено, что основанием уголовной ответственности выступает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Однако в правовой доктрине отсутствует единство по данному вопросу. В.Н. Кудрявцев, приводя положения ст. 8 УК РФ, признает состав преступления в качестве необходимого и единственного основания уголовной ответственности, поскольку: «Уже говорилось, что если каждый признак конкретного преступления входит в обобщенный признак состава ... мы говорим, что в действиях этого лица имеется состав преступления. При расхождении хотя бы одного признака основание для наступления уголовной ответственности отсутствует... Ответственность наступает по определенной статье Особенной части уголовного законодательства...»⁴⁶. А.А. Пионтковский также отмечал, что «признание состава преступления единственным основанием уголовной ответственности означает, что лишь в пределах состава преступления можно различать объективные и субъективные основания уголовной ответственности»⁴⁷. Данная точка зрения находит поддержку в уголовно-правовой доктрине⁴⁸.

Вместе с тем рядом правоведов в качестве основания уголовной ответственности признается преступление, вернее, его совершение. Так,

---

⁴⁵ Глотова С.В. Международные преступления и их преследование на национальном уровне // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2008. С. 220.

⁴⁶ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. Издание профессора Малинина – ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб., 2005. С. 11-12.

⁴⁷ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Общая часть. М., 1961. С. 107.

⁴⁸ Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность: понятие, виды, основание: учебное пособие / Е.Ю. Антонова. Хабаровск, 2014. С. 39

например, отмечается: «... предусмотрев фактически основанием уголовной ответственности непосредственно «деяние, содержащее все признаки состава преступления», реально в действительности же в качестве ее основания он [законодатель] продолжает рассматривать «совершение лицом преступления»»⁴⁹. Аналогично И.Э. Звечаровский считает, что, «если не отождествлять понятия преступления и состава преступления, то основанием уголовной ответственности выступает сам факт совершения преступления»⁵⁰.

И.П. Лесниченко, подмечая, что наиболее часто обсуждаемой дилеммой при попытке ответить на вопрос относительно оснований уголовной ответственности является состав преступления или преступление, уточняет, что в ст. 8 речь идет о деянии, содержащем все признаки состава преступления (или «деяние, признаки которого предусмотрены в УК РФ»)⁵¹. Поэтому последнее и стоит признать основанием уголовной ответственности в отечественном уголовном праве.

По мнению Е.В. Благова, основание уголовной ответственности должно быть двуединым, и им выступает совершенное общественно опасное деяние, предусмотренное основным составом преступления, установленным Уголовным кодексом⁵².

Отдельная статья УК РФ посвящена общим условиям уголовной ответственности. В ст. 19 УК РФ указывается, что уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом. По мнению И.П. Лесниченко, законодатель воспринял идею разделения оснований и условий уголовной ответственности, что следует признать не удачным, поскольку признаки субъекта – это признаки состава преступления, а «условием не

---

⁴⁹ Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю. Основания уголовной ответственности в контексте эффективности ее реализации: проблемы теории и правоприменительной практики. Тамбов, 2015. С. 392.

⁵⁰ Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. СПб, 2009. С. 46.

⁵¹ Лесниченко И.П. Понятие и основание уголовной ответственности: лекция. Ставрополь, 2005. С. 50, 51, 52.

⁵² Благов Е.В. Об основании уголовной ответственности // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 1 (146). С. 97-98.

может выступать часть основания чего-либо»⁵³. Таким образом, хоть сама идея отделения условий и не лишена смысла, отдельные признаки состава преступления не могут выступать в качестве условий, наряду с деянием⁵⁴.

В отличие от российского права, в международном уголовном праве отсутствует понятие «оснований» уголовной ответственности. Как отмечает профессор Шериф Бассиуни, Римский статут не затрагивает общие положения об уголовной ответственности, провозглашая при этом принцип индивидуальной уголовной ответственности⁵⁵. Вместе с тем отсутствие данного понятия в Римском статуте объяснимо.

Согласно позиции Герхарда Верле, Римский статут включает элементы доктрин как общего, так и континентального права, объединяя их в «специальную концепцию преступлений по международному праву»⁵⁶. Уточняя данное утверждение, профессор Верле приводит в пример отказ разработчиков использовать термины «преступление» и «обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность», поскольку «использование терминологии общего права могло привести к недоразумению по поводу возможности применения прагматической процессуальной модели распределения бремени доказывания, принятой в состязательном уголовном судебном процессе»⁵⁷, которую из Римского статута предварительно исключили. Вместе с тем выделение в международных преступлениях, согласно практике МУС и доктрине международного уголовного права, материального и ментального элементов свидетельствует о том, что за основу была взята именно англо-американская модель преступления, в которой преступление с точки зрения его структуры можно определить как «единство двух составных элементов, *actus reus* и *mens rea*»⁵⁸. Учение же о составе преступления в англо-саксонской системе права сохранило свое

---

⁵³ Лесниченко И.П. Указ. соч. С. 53.

⁵⁴ Там же. С. 53.

⁵⁵ Bassiouni Ch. *Introduction to International Criminal Law*. Vol I. Leiden, 2014. P. 69.

⁵⁶ Верле Г. *Принципы международного уголовного права*. Феникс, 2011. С. 191.

⁵⁷ Верле Г. Указ. соч. С. 191. FN. 16.

⁵⁸ Есаков Г.А. *Англо-американское уголовное право: эволюция и современное состояние общей части*. Москва, 2007. С. 148.

преимущественно процессуальной значение, в отличие от уголовно-правовой доктрины стран континентальной системы права (к примеру, Германия или Россия), в которой теория состава преступления стала развиваться в рамках материального права и окончательно оформилась как часть материального уголовного права в XVIII-XIX вв.⁵⁹. При этом уже во второй половине XIX в. «немецкие криминалисты стали обращать внимание на исследование различий между преступлением (Verbrechen) и составом преступления (Tatbestand)», который трактовался как «состав закона»⁶⁰.

Вместе с тем в англо-американской модели и, следовательно, в международном уголовном праве, отсутствует дихотомия «состав преступления» и «преступление», в связи с чем отсутствует необходимость введения понятия «основания индивидуальной уголовной ответственности».

Стоит отметить, что ст. 28 Римского статута содержит формулировку «В дополнение к другим основаниям уголовной ответственности по настоящему Статуту» («In addition to other grounds of criminal responsibility under this Statute»). Однако, как отмечает профессор Л. Кортфэльт, «основания индивидуальной уголовной ответственности» в соответствии с Римским статутом следует понимать как «формы участия», перечень которых содержится в ст. 25(3) Статута⁶¹. Аналогично, профессор М. Джексон, анализируя приведенную формулировку ст. 28 Римского статута, отмечает, что исследуемая статья устанавливает еще одну форму участия в совершении преступления, хотя и своеобразным способом⁶². И такое толкование ст. 28 подтверждается «ст. 25(a) и (b) Римского статута, в которых указано, что командир или начальник несет уголовную ответственность за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные их подчиненными»⁶³. По мнению профессора Г. Верле, «Статут

---

⁵⁹ Галиакбаров Р.Р., Шульга А.В., Сокол А.В. История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 39.

⁶⁰ Там же. С. 40.

⁶¹ Klamberg M. Commentary on the Law of the International Criminal Court. Brussels, 2017. P.

⁶² Jackson M., Arnold R. Article 28: Responsibility of Commanders and other Superiors. P. 12 // SSRN [сайт]: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4176909 (дата обращения: 7.05.2023).

⁶³ Ibid. P. 12.

МУС проводит различие, прежде всего, между преступлениями, основаниями для индивидуальной уголовной ответственности и основаниями для ее исключения», а «основания индивидуальной уголовной ответственности содержатся в статьях 25 и 28»⁶⁴. При этом ст. 25(2) Римского статута содержит общие принципы реализации индивидуальной уголовной ответственности, ст. 25(3) Статута – формы участия в совершении преступления, которые дополняются положениями об уголовной ответственности командиров и других начальников в ст. 28 Римского статута⁶⁵.

Из указанного следует, что его понимание оснований индивидуальной уголовной ответственности отличается от того же понятия в отечественной доктрине, и включает в себя принцип индивидуальной уголовной ответственности и формы участия в совершении преступления.

Вопрос оснований индивидуальной уголовной ответственности в международном уголовном праве не разработан в отечественной доктрине. А.В. Бриллиантов отмечает, что международную уголовную ответственность нельзя в полной мере признать разновидностью уголовной ответственности», хотя и признает некоторые сходные черты, в частности, «*фактическое основание* ее возникновения – совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления; связь с обязанностью претерпевать определенные негативные последствия»⁶⁶ (курсив мой – Р.Д.). Таким образом, при исследовании международной уголовной ответственности в отечественной правовой доктрине не поднимается вопрос «оснований» индивидуальной уголовной ответственности, но признается, что фактически таким может выступать преступление. Конечно, теоретически, учитывая особенности международного уголовного права, основанием индивидуальной уголовной ответственности может выступать исполнение, подстрекательство, побуждение или иным образом виновное участие лица в совершении

---

⁶⁴ Верле Г. Указ. соч. С. 192.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. А.В. Бриллиантова. М., 2016. С. 77

преступления, предусмотренного в ст. 5 Римского статута. Вместе с тем, как отмечалось, правового значения институт оснований индивидуальной уголовной ответственности для международного уголовного права не имеет. Вследствие этого, он не закреплён не только в Статуте, но и, например, в уставах Международного трибунала по бывшей Югославии⁶⁷ (далее – МТБЮ) или Международного трибунала по Руанде⁶⁸ (далее – МТР).

В то же время, совершение преступления, т.е. виновного противоправного деяния, влечёт за собой уголовную ответственность⁶⁹, т.е. является фактическим основанием для наступления уголовной ответственности. Поскольку для привлечения к уголовной ответственности необходимо установить наличие элементов преступления, представляется необходимым изучить структуру как международного преступления, так и состава преступления по российскому уголовному праву, а также отличительные особенности преступления агрессии.

Несмотря на то, что в доктрине международного уголовного права разработаны различные определения международного преступления, его понятие или структура отсутствуют в Римском статуте или других международных нормативных источниках. Однако, как отмечалось, практика трибуналов⁷⁰ и МУС⁷¹, наряду с доктриной международного уголовного права, выработали двух-элементную структуру международного преступления. При этом элементы международных преступлений не идентичны объективной и субъективной сторонам составов преступлений по российскому уголовному праву.

---

⁶⁷ Устав Международного трибунала по бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753264?section=status> (дата обращения: 23.10.2023).

⁶⁸ Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. (в ред. от 27 октября 2003 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901960?section=status> (дата обращения: 23.10.2023).

⁶⁹ Hajdin N. Individual Responsibility for the Crime of Aggression: Doctoral Thesis in Legal Science. Stockholm, 2021. P. 43.

⁷⁰ См., например: Prosecutor v. Delalić et al. Case No IT-96-21-T. 16 November 1998. Para 424, 425.

⁷¹ См., например: Prosecutor v. Katanga. Judgment pursuant to article 74 of the Statute. Case No ICC-01/04-01/07. 7 March 2014. P. 292, 294.

В отечественном уголовном праве наряду с преступлением выделяется, как известно, состав преступления. Не вдаваясь в дискуссию относительно подходов к пониманию состава преступления, предлагаем под составом преступления понимать систему обязательных объективных и субъективных элементов, образующих и структурирующих общественно опасное деяние, признаки которых описаны в диспозиции уголовно-правовых норм Общей и Особенной частей УК РФ⁷². Таким образом, состав преступления согласно российской уголовно-правовой доктрине состоит из 4 элементов: объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны, каждый из которых имеет свои признаки.

При анализе структуры международных преступлений отечественные правоведы ошибочно полагают, что международные преступления можно разделить на те же структурные элементы, что и составы преступлений в российском уголовном праве. Так, С.А. Лобанов, соглашаясь с позицией Р.А. Адельханяна⁷³, считает, что схема международного преступления совпадает с общепринятой в теории уголовного права схемой состава преступления (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) и считает такой подход обоснованным, «принимая во внимание, наличие интегративных, системных признаков преступления, присутствующих в преступлениях против мира и безопасности человечества, вполне сводимых в четыре блока указанных элементов состава преступления»⁷⁴. Аналогично, А.В. Бриллиантов пишет: «Структура состава преступления в международном уголовном праве, как и любого состава, также характеризуется наличием объективных и субъективных элементов (признаков), которые обладают спецификой. В качестве таких элементов, если использовать термины, которыми оперирует отечественная уголовно-правовая доктрина, выступают: объект, объективная сторона, субъект,

---

⁷² Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. С. 201.

⁷³ Адельханян Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву. Учебное пособие. М., 2002. С. 13.

⁷⁴ Лобанов С.А. Международная уголовная ответственность за военные преступления: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. С. 222.

субъективная сторона. Поэтому имеющиеся дефиниции состава преступления в международном уголовном праве отражают традиционные подходы к определению понятия «состав преступления» в российском уголовном праве» (курсив мой – Р.Д.)⁷⁵.

С этой позицией соглашается и А.Г. Кибальник, который считает, что для характеристики элементов преступления в международном уголовном праве, можно применить выработанное в российском уголовном праве учение о составе преступления и подтверждение своей позиции видит в ст. 20(1) Римского статута, которая содержит прямое упоминание о «составе преступления»⁷⁶. Вместе с тем в англоязычной версии ст. 20(1) Римского статута используется термин «crime», который нельзя перевести как «состав преступления». В ч. 2 этой же статьи в англоязычной версии также используется термин «crime», который, однако, переводится как «преступление», а не состав преступления. Интересно, что в франкоязычной версии ст. 20 Статута как в ч. 1, так и в ч. 2 используется термин «crime» (который, очевидно, переводится как «преступление»). Кроме того, как уже упоминалось, в международном уголовном праве нет конструкции «состава преступления», что исключает выделение в международном преступлении четырехэлементной структуры, разработанной для отечественного состава преступления.

Верной представляется позиция тех отечественных и зарубежных правоведов, которые при анализе элементов международных преступлений учитывают их особенности, не предпринимая попыток искусственно распространить конструкции российского уголовного права.

Таким образом, анализ ряда положений нормативных актов международного уголовного права (в том числе, Элементов преступлений⁷⁷), а также изучение доктрины международного уголовного права позволяет

---

⁷⁵ Международное уголовное право / под общ. ред. А.В. Бриллиантова. Указ. соч. С. 89-90.

⁷⁶ Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право / под ред. А.В. Наумова. СПб., 2003. С. 104-105.

⁷⁷ Элементы преступлений приняты Ассамблеей государств-участников МУС вместе с Римским статутом в 2002 г. Согласно ст. 9(1) Римского статута и параграфу 1 Общего введения к Элементам преступлений, последние призваны помочь Суду в толковании и применении статей 6-8бис Римского статута.

выделить следующие элементы любого международного преступления: материальный (material element), ментальный (mental element) и контекстуальный (contextual element), именуемый также «контекстные обстоятельства». В зависимости от того, признаются ли контекстные обстоятельства частью материального элемента или преступления в целом, структура международного преступления может быть, соответственно, двух- или трехэлементной.

Материальный элемент (далее также *actus reus*) международного преступления складывается из признаков, характеризующих внешнюю сторону международного преступления⁷⁸. В Римском статуте отсутствует норма, описывающая общие положения о материальном элементе преступлений. Вместе с тем из содержания ст. 30 Римского статута (ментальный элемент), можно сделать вывод, что к признакам материального элемента преступления относят деяние, последствия и обстоятельства. Это подтверждается параграфом 7 Общего введения к Элементам преступлений, содержащего принципы построения документа, и отмечается, что элементы любого преступления касаются поведения, последствий и обстоятельств, связанных с каждым преступлением.

Деяние в Римском статуте относится к действию и бездействию⁷⁹. Особенностью действия или бездействия в международном уголовном праве, по мнению А. Кассесе является то, что они или а) связаны с международным или немеждународным вооруженным конфликтом или, при отсутствии такого конфликта, б) имеют политическую или идеологическую направленность или каким-либо иным образом относятся или связаны с поведением государственных образований или организованных негосударственных групп или образований⁸⁰.

Иногда для наступления уголовной ответственности требуется установить и последствия, т.е. результат преступного деяния, который в

---

⁷⁸ Костенко Н.И. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. М., 2016. С. 201.

⁷⁹ Klamberg M. Op. cit. P. 254.

⁸⁰ Cassese A. International Criminal Law. 2nd ed. Oxford, 2008. P. 54.

правовой доктрине определяется как особо значимое событие в пространстве и времени, вызванное индивидуальными действиями⁸¹. Так, например, последствия обязательны в случае убийства как преступления против человечности или военного преступления (ст. 7(1)(a)⁸² и ст. 8(2)(a)(i)⁸³ Римского статута соответственно) или при совершении геноцида посредством причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства члена одной из четырех групп (ст. 6(2)(ii) Римского статута⁸⁴). В таком случае на практике требует устанавливать и причинно-следственную связь.

В качестве обстоятельств могут выступать «любые объективные или субъективные факты, характеристики или мотивы применительно к субъекту преступления (такие как исполнитель или любой соучастник), потерпевшему или предмету преступления (например, ценность, на которую осуществляется посягательство) или любому другому признаку материального элемента преступления (например, время или место совершения)»⁸⁵. В случае насильственного перемещения населения, к примеру, обстоятельством выступает применение силы для перемещения населения из одного места в другое (ст. 7(d) Римского статута). Стоит отметить, что обстоятельства являются подтверждением недопустимости отождествления отечественной четырехэлементной структуры состава преступления с элементами международных преступлений, поскольку они относятся к материальному элементу, но могут определяться в том числе через мотивы (субъективная сторона состава преступления).

Положения о ментальном элементе закреплены в ст. 30 Римского статута и являются общими для всех преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда, если не предусмотрено иное. Примечательно, что предыдущие трибуналы регулировали вопросы

---

⁸¹ Hajdin N. Individual Responsibility for the Crime of Aggression: Doctoral Thesis in Legal Science. Op. cit. P. 56.

⁸² Prosecutor v. Bemba. Decision pursuant to article 61(7)(a) and (b) of the Rome Statute on the Charges of the Prosecutor Against Jean-Pierre Bemba Gombo. Case No ICC-01/05-01/08. 15 June 2009. Para 132.

⁸³ Cryer R., Friman H. An Introduction to International Criminal Law and Procedure. Cambr., 2007. P. 202, 243.

⁸⁴ Klamberg M. Op. cit. P. 25.

⁸⁵ Cassese A. International Criminal law. 2nd ed. Op. cit. P. 55.

ментального элемента лишь применительно к отдельным видам преступлений и не содержали общие положения⁸⁶.

Согласно ст. 30(1) Римского статута, если не предусмотрено иное, лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за международное преступление только в том случае, если по признакам, характеризующим объективную сторону, оно совершено намеренно и сознательно.

Таким образом, ментальный элемент, в зависимости от его признаков международного преступления, может включать *волевой* компонент – намерение (*intent*) и *интеллектуальный* (когнитивный, познавательный) – осознание/знание (*knowledge*). При этом, согласно ст. 30(2) Статута, данные компоненты определяются применительно к материальным признакам преступления: поведению (деянию), результату и сопутствующим обстоятельствам.

Так, намерение наличествует: в отношении *деяния*, если лицо собирается совершить это деяние, и в отношении *результата*, если лицо собирается причинить этот результат или осознает, что он наступит при обычном ходе событий.

Термин «сознательно» предполагает осознание наличия сопутствующего обстоятельства или наступления результата при обычном ходе событий. Следовательно, намерение относится только к поведению и результату, а осознание – к обстоятельствам и результату. Иными словами, как отмечает профессор Верле, ст. 30(1) Статута нельзя толковать как требующую намерения и осознания в отношении всех материальных признаков. Оба эти требования обязательны только в отношении результата⁸⁷.

В Элементах преступлений конкретный ментальный элемент указывается при необходимости после каждого признака материального элемента. Так, например, в Элементах преступления против человечности в

---

⁸⁶ Верле Г. Указ. соч. С. 201.

⁸⁷ Там же. С. 206.

виде апартеида приводится деяние – исполнитель совершил бесчеловечный акт против одного или нескольких лиц (п. 1 ст. 7(1)(j) Элементов преступлений), за которым следует указание на требуемый ментальный элемент: исполнитель *сознавал* фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о характере такого деяния (п. 3 ст. 7(1)(j) Элементов преступлений). В отличие от этого, в преступлении против человечности в виде принудительной стерилизации ментальный элемент предусмотрен только применительно к контекстуальным обстоятельствам (ст. 7(1)(g)–5 Элементов преступлений). Отсутствие указания на ментальный элемент, согласно общему введению в Элементы преступлений, означает, что применяется ст. 30 Статута на общих основаниях⁸⁸.

Международно-правовую характеристику преступлениям, предусмотренным в ст. 5 Римского статута, придает так называемый «контекстуальный элемент» или «контекстные обстоятельства». Как пишет профессор Герхард Верле, в качестве указанных обстоятельств выступают контекстные обстоятельства или элементы, представляющие собой «то объективное свойство, которое придает индивидуальным деяниям международное измерение»⁸⁹. Так, контекстуальным обстоятельством преступлений против человечности (ст. 7 Римского статута) является совершение любого преступления, перечисленного в ст. 7 Римского статута, в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, в то время как военные преступления (ст. 8 Римского статута), к примеру, должны происходить в связи с вооруженным конфликтом. Согласно одному из принципов построения структуры Элементов преступлений, контекстуальные обстоятельства перечисляются в последнюю очередь.

Среди зарубежных и российских правоведов отсутствует единая позиция по вопросу соотношения контекстуального элемента с

---

⁸⁸ Элементы преступлений. Общее введение. П. 2.

⁸⁹ Там же. С. 198.

материальным и ментальным элементами преступления. Так, П.П. Степанов считает, что контекстуальный элемент имеет аналогию в российском уголовном праве в виде обстановки⁹⁰. Исследуя признаки военных преступлений, П.П. Степанов признает самостоятельное значение контекстуальных обстоятельств в структуре состава международного преступления и отмечает, что «контекстуальный элемент, то есть обстановка и связь деяния с вооруженным конфликтом международного или немеждународного характера, таким образом, является существенным характерным признаком всех военных преступлений»⁹¹. Аналогичная точка зрения высказана в работе Е.А. Маляровой, которая, проанализировав различные точки зрения российских и зарубежных правоведов, приходит к выводу, что контекстуальный элемент является самостоятельным элементом преступления и выполняет две основные задачи: 1) разграничивает международные преступления и 2) выступает критерием отнесения международных преступлений к компетенции органов международной уголовной юстиции⁹².

В российской правовой доктрине высказывается также точка зрения, что контекстуальный элемент является подкатегорией обстоятельств, как признака материального элемента международного преступления, и на практике «включает в себя три следующих элемента: явная линия аналогичного поведения в случае геноцида; широкомасштабное или систематическое нападение на гражданское население в случае преступлений против человечности; вооруженный конфликт в случае военных преступлений»⁹³.

Среди зарубежных правоведов проблемы контекстуального элемента исследованы более подробно. Вместе с тем и среди них отсутствует единая

---

⁹⁰ Степанов П.П. Признаки военных преступлений в практике применения норм международного уголовного права // Евразийский юридический журнал. 2017. № 8 (111). С. 60.

⁹¹ Там же. С. 60.

⁹² Малярова Е.А. Контекстуальные обстоятельства как элемент состава преступления по международному уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 47, 48.

⁹³ Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2007. С. 67.

позиция по вопросу места контекстуального элемента в системе элементов международного преступления.

К примеру, Г. Верле отмечает, что индивидуальное деяние «требуется наличия контекста организованного насилия (контекстный элемент⁹⁴, контекстные обстоятельства, или, как называли их Трибуналы *ad hoc*, общие требования)», который, в зависимости от преступления, присутствует как материальный или ментальный элемент преступления⁹⁵. В качестве примера, подтверждающего не самостоятельное значение контекстных обстоятельств, по мнению Г. Верле, выступает геноцид. Так, как уже отмечалось, контекстный элемент преступлений против человечности, военных преступлений или преступления агрессии заключается в объективных условиях, в то время, как для геноцида «контекст заключается в уничтожении группы, находящейся под защитой, и таким образом является частью ментального элемента; целью субъекта преступления должно быть полное или частичное уничтожение группы»⁹⁶. Никола Хадждин также не признает контекстуальный элемент отдельным элементом международного преступления, указывая следующее: «В международном уголовном праве существуют «контекстные обстоятельства», которые квалифицируют правонарушение как специальное преступление... Обстоятельства являются материальным элементом преступления»⁹⁷. В качестве примера Н. Хадждин приводит причинение смерти: обычно данное деяние противоправно, а если оно совершается в рамках боксерского поединка, оно может быть оправдано; но если причинение смерти происходит в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, тогда оно может быть квалифицировано как преступления против человечности⁹⁸. При этом от исполнителя требуется лишь понимать (*be mindful of*) фактические

---

⁹⁴ По мнению Герхарда Верле, термин «контекстный элемент» соответствует термину в немецком языке «Gesamttat», который позволяет провести четкое различие между индивидуальным деянием (например, убийство солдатом гражданского лица) и контекстом преступления (в данном случае – нападение на гражданское население). См.: Верле Г. Указ. соч. С. 43. FN 176.

⁹⁵ Верле Г. Указ. соч. С. 192.

⁹⁶ Там же. С. 192.

⁹⁷ Hajdin N. Individual Responsibility for the Crime of Aggression: Doctoral Thesis in Legal Science. Op. cit. P. 57.

⁹⁸ Op. cit. P. 57.

обстоятельства, в рамках которых исполнитель предпринимает свои действия, поскольку в трихотомии материального элемента у нарушителя имеется только субъективная связь с обстоятельствами⁹⁹. Таким образом, контекстные обстоятельства понимаются как часть материального элемента международного преступления.

Напротив, профессор Кай Амбос, исследуя контекстуальный элемент преступлений против человечности, отмечает, что вводный абзац ст. 7(1) Римского статута содержит контекстуальный элемент, т.е. условия, в соответствии с которыми совершение любого индивидуального акта, перечисляемого далее в тексте ст. 7 Римского статута, можно признать преступлением против человечности¹⁰⁰. Далее профессор Амбос добавляет, что контекстуальный элемент трансформировался в «международный элемент» в связи с особой тяжестью этих преступлений или неспособностью или нежеланием национальной уголовной системы осуществлять уголовное преследование. Данная позиция также нашла поддержку в доктрине международного уголовного права¹⁰¹.

На наш взгляд, верной следует признать позицию авторов, признающих контекстуальный элемент частью материального элемента международного преступления.

В международном уголовном праве закреплён важнейший принцип международного уголовного права – принцип индивидуальной уголовной ответственности. Первоначально данный принцип был закреплён в ст. 6 Устава МВТ и ст. 5 Устава МТДВ. Только после Второй мировой войны международное сообщество признало необходимость преследования «за серьезные нарушения права войны, не только применительно к

---

⁹⁹ Op. cit. P. 58; Clark R. The Mental Element in International Criminal Law: The Rome Statute of the ICC and the Elements of Offences // Criminal Law Forum. 2002. N 291(12). P. 397. FN 54.

¹⁰⁰ Ambos K. Crimes against Humanity and the International Criminal Court // Forging a Convention for Crimes Against Humanity / Ed. by L. Sadat. Cambr., 2011. P. 283-284.

¹⁰¹ Nehme J., Hassan M. The Meaning and Elements of International Crime // Palarch's J of Archaeology of Egypt/Egyptology. 2022. N 19(2). P. 1087.

традиционной ответственности государств, но и личной ответственности отдельных лиц»¹⁰².

Отраженный также в Принципах международного права, признанных статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в решении этого Трибунала (далее – Нюрнбергские принципы) 1950 г., принцип индивидуальной уголовной ответственности получил свое подтверждение и наполнение в уставах и практике *ad hoc* трибуналов, деятельность которых стала толчком в «длительном процессе развития правил об индивидуальной уголовной ответственности» в международном уголовном праве¹⁰³.

Принцип был закреплен в и Римском статуте. Согласно ст. 25(1) и ст. 25(2) Римского статута, Суд обладает юрисдикцией только в отношении физических лиц; и лицо, которое совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, несет индивидуальную ответственность и подлежит наказанию в соответствии с Статутом. Следовательно, принцип индивидуальной ответственности означает, что лицо несет ответственность по международному уголовному праву, если оно является исполнителем международного преступления или иным образом участвует в его совершении, а также в случае покушения на преступление¹⁰⁴.

Вместе с тем в процессе разработки Римского статута предлагалось включить в круг субъектов уголовно-правовой ответственности и юридические лица (делегация от Франции), но данное предложение впоследствии было отклонено¹⁰⁵. Таким образом, субъектом международных преступлений может быть только физическое лицо.

Привлечение субъекта преступления к индивидуальной уголовной ответственности в международном уголовном праве возможно при его соответствии необходимым условиям. К ним относят возраст, а также

---

¹⁰² Greppi E. The evolution of individual criminal responsibility under international law // *Int'l R. of the Red Cross*. 1999. Vol. 81. N 835. P. 536-537.

¹⁰³ *Ibid.* P. 542-543.

¹⁰⁴ Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право. Указ. соч. С. 65.

¹⁰⁵ Ambos K. Article 25: Individual criminal responsibility // *Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article* / Ed. by Otto Triffterer. 2nd ed. Portland, 2008. P. 747.

вменяемость и иные основания для освобождения от уголовной ответственности¹⁰⁶.

Применительно к возрасту субъекта следует отметить следующее. Статья 26 Римского статута устанавливает, что из юрисдикции Суда исключаются лица, не достигшие на момент предполагаемого совершения преступления восемнадцатилетнего возраста.

Описанные элементы международных преступлений можно выделить и в преступлении агрессии. Однако последнее обладает рядом особенностей. В первую очередь стоит отметить особую двойственную природу преступления агрессии, которая отличает его от остальных международных преступлений: для привлечения к ответственности за преступление агрессии в первую очередь должен быть установлен факт противоправного использования государством силы против другого государства, после чего устанавливается круг субъектов, подлежащих уголовной ответственности за преступление агрессии, и вклад каждого из них в совершенном государством акте агрессии.

Контекстуальный элемент преступления агрессии не установлен даже в теории международного уголовного права. В связи с этим среди правоведов нет единой позиции относительно того, к какому элементу преступления агрессии относятся контекстные обстоятельства.

Кроме того, в отличие от других международных преступлений, преступление агрессии является «преступлением руководства», т.е. может быть совершено только лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства. Как справедливо отмечает Н. Костенко, «государство является абстрактной категорией, не способной действовать самостоятельно. Государство¹⁰⁷ может совершить агрессию лишь при активном участии отдельных лиц, наделенных необходимыми полномочиями

---

¹⁰⁶ Основания для освобождения от уголовной ответственности содержатся в ст. 31-33 Римского статута и будут рассмотрены применительно к преступлению агрессии в параграфе 5 главы 1 данной работы.

¹⁰⁷ При этом, учитывая положения ст. 25(4) Римского статута, в случае совершения государством акта агрессии, оно будет нести международную ответственность, наряду с индивидуальной уголовной ответственностью, которое несет специальный субъект, совершивший преступление агрессии.

и властью, для того чтобы планировать, готовить, начинать или вести агрессию»¹⁰⁸.

Элементы преступления агрессии будут рассмотрены в следующем порядке: материальный элемент, затем ментальный элемент. Отдельно будет рассмотрен субъект преступления.

§ 3. Материальный элемент преступления агрессии

3.1. Противоправный акт государства

Преступление агрессии в международном уголовном праве отличается особая структура его материального элемента: наличие противоправного акта государства – т.е. акта агрессии, описанного в ст. 8бис(2) Статута, и непосредственно противоправные действия субъекта преступления агрессии. При этом вопрос об индивидуальной уголовной ответственности будет рассматриваться только в том случае, если акт агрессии государства достигает уровня грубого нарушения Устава ООН в виду его характера, серьезности и масштаба (т.е. пороговое требование преступления агрессии).

В настоящем диссертационном исследовании противоправный акт государства будет изучен в следующем порядке. Сначала будет рассмотрено понятие акта агрессии, включая: 1) понятие элемента противоправного акта государства и его соотнесение с Резолюцией 1974 г.; 2) покушение на совершение акта агрессии; 3) пороговое требование, предъявляемое к акту агрессии. Затем будет исследована необходимость признания акта агрессии, достигающего порогового требования, в качестве контекстуального элемента акта агрессии.

1) Понятие элемента противоправного акта государства и его соотнесение с Резолюцией 1974 г.

Согласно ст. 8бис(2) Римского статута под актом агрессии понимается «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости

---

¹⁰⁸ Костенко Н.И. Указ. соч. С. 263.

другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций. Любое из следующих действий, независимо от объявления войны, будет квалифицироваться в соответствии с резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 14 декабря 1974 года в качестве акта агрессии: а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или ее части; б) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства; в) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства; г) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы, или морские и воздушные флоты другого государства; д) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения; е) действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства; ж) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них»¹⁰⁹. Закрепленное в статье 8бис(2) Статута

---

¹⁰⁹ Резолюция RC/Res.6. Преступление агрессии. Поправки к Римскому статуту, касающиеся преступления агрессии. URL: <https://crimeofaggression.info/documents/6/RC-Res6-RUS.pdf> (дата обращения: 2.08.2021).

определение в точности повторяет то, что содержится в ст. 1 и 3 Резолюции 3314 (XXIX), принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г.¹¹⁰

Однако для наступления индивидуальной уголовной ответственности недостаточно совершить акт агрессии, предусмотренный в ст. 8бис(2) Статута. Пункт 6 Положений о понимании в отношении поправок к Римскому статуту Международного уголовного суда, касающихся преступления агрессии (далее – Положения о понимании), поясняет, что агрессия – самая серьезная и опасная форма незаконного применения силы¹¹¹. Поэтому акт агрессии должен удовлетворять пороговому требованию – достижение актом агрессии уровня *грубого* нарушения Устава ООН в силу своего характера, серьезности и масштабов.

В процессе разработки определения агрессии не все делегации, представляющие свои государства, были согласны понимать элемент противоправного акта государства через дефиницию акта агрессии, содержащуюся в ст.1 Резолюции 1974 г. Предлагались и следующие варианты: 1) агрессивная война; 2) применение силы; 3) вооруженное нападение; 4) агрессия и 5) их сочетание¹¹². Все предлагаемые варианты уже содержались в международных документах¹¹³. Так, термин «агрессивная война» использовался в уставах МВТ (ст. 6а) и МТДВ (ст. 5а), «применение силы» - в ст. 2(4) Устава ООН и преамбуле Резолюции 1974 г., а «вооруженное нападение» - ст. 51 Устава ООН и в п. «а» и «d» ст. 3 Резолюции 1974 г. Что касается термина «агрессия», то его применение обосновывалось ссылкой на ст. 16¹¹⁴ Проекта кодекса преступлений против

---

¹¹⁰ Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. URL: https://crimeofaggression.info/documents/6/General_Assembly_%20Resolution_%203314.pdf (дата обращения: 2.08.2021).

¹¹¹ Резолюция RC/Res.6. Поправки к Римскому статуту Международного уголовного суда, касающиеся преступления агрессии. Положения о понимании. П. 6. URL: <https://crimeofaggression.info/documents/6/RC-Res6-RUS.pdf> (дата обращения: 2.08.2021).

¹¹² Kreß C. The State Conduct Element // The Crime of Aggression. A Commentary / Ed. by C. Kreß, S. Barriga. Cambr., 2016. P. 414.

¹¹³ Содержание некоторых из терминов также было разработано в международном обычном праве, что будет описано далее в тексте работы.

¹¹⁴ «Лицо, которое в качестве лидера или организатора, активно участвует в или отдает приказ осуществить планирование, подготовку, иницирование или развязывание *агрессии*, совершенной государством будет отвечать за преступление агрессии» (курсив мой – Р.Д.).

мира и безопасности человечества 1996 г.¹¹⁵ Вместе с тем термин также содержался в Резолюции 1974 г., толкование которой позволяет сделать вывод о том, что понятия «агрессия» и «акт агрессии» приравнивались¹¹⁶. Однако в связи с тем, что круг действий государства, который охватывался иными предложенными вариантами, как будет отмечено далее в тексте исследования, существенно отличался, между делегациями возникла дискуссия при выборе наиболее подходящего термина.

Сторонником обозначения преступления агрессии через термин «агрессивная война» была Российская Федерация, предложившая следующую формулировку: «Для целей настоящего Статута и при наличии предварительного установления Советом Безопасности Организации Объединенных Наций наличия акта агрессии, совершенного государством, преступление агрессии означает совершение следующих действий: планирование, подготовку, инициирование, ведение агрессивной войны»¹¹⁷. Таким образом, Российская Федерация опиралась на определение, содержащееся в ст. 6(а) Устава МВТ, с дополнительным условием, касавшимся особых полномочий Совета Безопасности ООН. Большинство делегаций, однако, приняло решение отказаться от концепции «агрессивной войны» как слишком узкой, особенно в свете актов агрессии, перечисленных в ст. 3 Резолюции 1974 г.

Что касается остальных вариантов, то наиболее узким среди них было понимание элемента противоправного акта государства как «вооруженного нападения». Делегации, поддержавшие данный вариант, ссылались на то, что он уже закреплен в Уставе ООН (ст. 51) и согласно практике Международного суда ООН¹¹⁸ охватывает только самые серьезные формы

---

¹¹⁵ International Law Commission Draft Code of Offences. 1996 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 197.

¹¹⁶ Далее по тексту работы эти термины также будут использоваться как равнозначные и взаимозаменяемые.

¹¹⁷ Proposal by the Russian Federation on the Second Session of the Preparatory Commission. July/August 1999 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression / Ed. by C. Kreß, S. Barriga. Cambr., 2011. P. 338.

¹¹⁸ Case concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) // ICJ Reports. 27 June 1986. (далее – Nicaragua v. USA).

применения силы¹¹⁹. Вместе с тем Ной Вейсборд справедливо отметил, что термин «вооруженное нападение» уже, чем «акт агрессии» и исключает конкретные акты агрессии, уже перечисленные в Резолюции 1974 г., например блокаду портов¹²⁰.

Однако во время Принстонских межсессионных встреч 2006 г. и 2007 г. предпочтение отдавалось термину «акт агрессии» и, по мнению Клауса Кресса, причиной тому было закрепление этого термина в Резолюции 1974 г. и в ст. 39 Устава ООН¹²¹. Данных аргументов оказалось достаточно для закрепления этого варианта в Римском статуте. Как отметил Сергей Саяпин, «...этот третий элемент [акт агрессии] расширяет сферу применения новой нормы международного права, по сравнению с «Нюрнбергской и Токийской моделью», которая предполагала осуществление уголовного преследования высших должностных лиц нацистской Германии и Японии за их роль в масштабной *агрессивной войне* (а не *акте агрессии*)»¹²².

Таким образом, в соответствии с международным уголовным правом, **под актом агрессии (агрессией) для целей определения преступления агрессии понимается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН.**

Следует выделить две важные характеристики, касающиеся вышеприведенного определения. Определение акта агрессии в первую очередь отражает принцип запрета применения силы, закрепленный в ст. 2(4) Устава ООН, и формулировка ст. 8бис(2) Статута практически идентична ст. 2(4) Устава ООН, с той лишь разницей, что противоправным признается применение именно «вооруженной» силы, а также совершение акта агрессии

---

¹¹⁹ Report of the Coalition for the International Criminal Court, Informal Inter-sessional Meeting of the Special Working Group on the Crime of Aggression (August 26, 2006) Paras 4-5 // Weisbord N. Prosecuting Aggression // Harvard Int'l L. J. 2008. Vol. 49. N 1. P. 184.

¹²⁰ Weisbord N. Prosecuting aggression. Op. cit. P. 182.

¹²¹ Kreß C. The Crime of Aggression before the First Review of the ICC Statute // Leiden J. Int'l L. 2007. Vol. 20. P. 856.

¹²² Саяпин С. Развитие определения преступления агрессии в международном и национальном уголовном праве // Альманах международного права. 2010. № 2. С. 297.

государством не только против территориальной неприкосновенности или политической независимости (как в ст. 2(4) Устава), но и «суверенитета» другого государства.

Профессор Майкл Гленнон полагает, что вследствие указания признака вооруженности запрет применения силы в определении Специальной рабочей группы ограничивается до случаев применения оружия¹²³. А такое ограничение вызывает множество вопросов, например: какое применение силы, запрещенное Уставом ООН, разрешается определением преступления агрессии, и есть ли смысл тогда разрешать применение силы, которое запрещается Уставом ООН; будет ли применением вооруженной силы использование не смертельного, но выводящего из строя химического или биологического агента?

Шериф Бассиуни и Бенджамин Ференц критикуют включение термина «суверенитет» в определение акта агрессии, поскольку, по их мнению, государства должны «уступать некоторые государственные прерогативы, если необходимо обеспечить какой-либо эффективный контроль над применением вооруженной силы»¹²⁴.

На наш взгляд, прямое указание на признак вооруженности в рассматриваемом определении никак не влияет на понятие применения силы, поскольку, согласно общему пониманию ст. 2(4) Устава, применение силы и так ограничивается до применения вооруженной или физической силы¹²⁵, что следует из доклада Сиднейской конференции по вопросам агрессии и применения силы 2018 г. (далее – Сиднейская конференция)¹²⁶ и подтверждается контекстом Устава ООН и доктриной международного

---

¹²³ Glennon M. The Blank-Prose of the Crime of Aggression // *The Yale J. Int'l L.* 2010. Vol. 35. P. 96.

¹²⁴ Ferencz B., Bassiouni Ch. *The Crime Against Peace and Aggression: From Its Origin to the ICC* // *International Criminal Law. Vol. I.* / Ed. by M. Bassiouni. Leiden, 2008. P. 223.

¹²⁵ Более подробно об этом далее в тексте исследования.

¹²⁶ International Law Association, Resolution 4/2018 (Committee on Use of Force). Sydney Conference (далее – Sydney report). 2018. P. 4. URL: <https://repository.essex.ac.uk/24215/1/ILA%20Use%20of%20Force%202018.pdf> (дата обращения: 12.08.2021)

уголовного права¹²⁷. Точно так же указание на суверенитет никаким образом не вносит содержательные изменения в определение акта агрессии для целей ст. 8бис Статута.

Для более глубокого понимания определения акта агрессии следует рассмотреть практику Международного суда ООН (далее также - МС ООН), Совета Безопасности (далее также – СБ ООН) и Генеральной Ассамблеи ООН (далее также – ГА ООН).

Международный суд ООН ни по одному из рассмотренных дел не признал наличие агрессии в действиях государств, несмотря на то что в некоторых делах имели место и тяжелые формы применения силы, как, например, в деле о военной и военизированной деятельности в Никарагуа¹²⁸ (далее – дело Никарагуа) или в деле, касавшемся вооруженных действий на территории Конго¹²⁹.

В судебных решениях по этим делам термины «агрессия» или «акт агрессии» не использовались. При этом в международно-правовой доктрине отмечается, что МС ООН и не должен был употреблять эти термины в своих решениях, поскольку основным вопросом при анализе случаев применения силы является законность ее применения, а это регулируется ст. 2(4) и 51 Устава ООН, которые термин «агрессия» не содержат¹³⁰.

Согласно ст. 51 Устава ООН каждое государство обладает неотъемлемым правом на индивидуальную или коллективную самооборону, т.е. на обращение к вооруженной силе в ответ на вооруженное нападение. Условиями правомерности применения силы для самообороны будут его применение только против уже начавшегося вооруженного нападения¹³¹, а

---

¹²⁷ Dinstein Y. War, Aggression and Self-Defence. Cambr., 2017. P. 90; Ruys T. The Meaning of “force” and the boundaries of the *jus ad bellum*: are “minimal” uses of force excluded from UN Charter article 2(4)? // American J. Int'l L. 2014. Vol. 108. P. 163.

¹²⁸ Nicaragua v. USA.

¹²⁹ Case concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda) // ICJ Reports. 19 December 2005. (далее – DRC v. Uganda).

¹³⁰ Akande D., Tzanakopoulos A. The International court of justice and the concept of aggression // The Crime of Aggression, A Commentary. Op. cit. P. 219.

¹³¹ Из ст. 51 Устава ООН следует, что самооборона разрешена только от начавшегося вооруженного нападения («если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации»), превентивная самооборона считается недопустимой, хотя в зарубежной доктрине мнения на этот счет расходятся. Некоторые

также неизбежность¹³², необходимость¹³³ и пропорциональность (соразмерность)¹³⁴ применения силы обороняющимся государством. При этом даже в случае самообороны государства обязуются уведомлять Совет Безопасности ООН о предпринятых действиях.

Вместе с тем Международный суд ООН внес свой вклад в развитие понятия акта агрессии¹³⁵, разработав отдельные элементы запрета применения силы и характерные черты вооруженного нападения¹³⁶, позволяющие государствам обратиться к силе в качестве самообороны, а именно: 1) расширение запрета применения силы за счет включения случаев применения силы независимо от вида применяемого оружия¹³⁷; 2) включение случаев косвенного применения силы (в частности, тренировка (обучение) и вооружение банд; при этом простое финансирование не может признаваться даже косвенным применением силы)¹³⁸; 3) разграничение более тяжких форм применения силы (вооруженное нападение) и менее тяжких (пограничные столкновения), отличие которых заключается в «масштабе и последствиях»¹³⁹; 4) вывод, согласно которому только самые тяжелые формы применения силы позволяют государству-жертве, основываясь на ст. 51

зарубежные правоведы утверждают, что запрет на превентивную самооборону не абсолютен и такое применение силы относится к «серой правовой зоне». См., напр.: Petty K., *Criminalizing Force: Resolving the Threshold Question for the Crime of Aggression in the Context of Modern Conflict* // *Seattle U.L. Rev.* 2009. N 22. P. 32; Gray Ch. *International Law and the Use of Force*. Oxford, 2008. P. 112.

¹³² В соответствии с международно-правовой доктриной критерий неизбежности «соотносится с формулой Каролины (1842 г.), согласно которой самооборона может осуществляться только в ситуациях, когда необходимость реагирования является мгновенной, не оставляющей времени для размышлений». См., напр.: Upeniece V. *Conditions for the lawful exercise of the right of the self-defence in international law*. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/01/shsconf_shw2018_01008.pdf (дата обращения: 28.01.2022).

¹³³ Под необходимостью понимается невозможность разрешения конфликта мирными средствами. См., напр.: Upeniece V. *Op. cit.*

¹³⁴ Соразмерность (пропорциональность) является «стандартом разумности при ответе на силу встречной силой», и данный критерий требует обеспечения баланса между ущербом, причиненным государством-нарушителем, и контрмерами, а также «преследует цель заставить нарушителя прекратить свое противоправное поведение». См., напр.: Dinstein Y. *Op. cit.* P. 210, 237; Cassese A. *International law*. Oxford, 2005. P. 306.

¹³⁵ Kreß C. *The ICJ and the Principle of Non-Use of force* // *The Oxford Handbook of the Use of Force in International Law* / Ed. by M. Weller. Oxford, 2015. P. 564.

¹³⁶ Таким образом, акт агрессии (агрессия), как и вооруженное нападение, являются применением силы, в соответствии с ст. 2(4) Устава ООН. При этом применение силы является самым широким понятием, поскольку включает в себя и мелкие пограничные стычки между государствами, в то время как вооруженное нападение – самым узким, поскольку является самой тяжелой формой применения силы.

¹³⁷ *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion* // *ICJ Reports*. 8 July 1996. Para 39.

¹³⁸ *Nicaragua v. USA*. Para 228.

¹³⁹ *Ibid.* Paras 191, 195.

Устава ООН, применить силу, которая должна быть необходимой и пропорциональной вооруженному нападению¹⁴⁰.

Практику Совета Безопасности ООН относительно признания действий государств агрессией также можно назвать малочисленной. СБ ООН принимал резолюции, признающие действия государств актами агрессии всего в 5 ситуациях с 1970 по 1990 гг., используя различную терминологию¹⁴¹: 1) 20 резолюций¹⁴², осуждавших режим апартеида в ЮАР и акты агрессии ЮАР в отношении других государств; 2) 8 резолюций¹⁴³ по ситуации в Зимбабве¹⁴⁴, совершившего акты агрессии в отношении Мозамбика, Замбии, Ботсваны и Анголы; 3) 2 резолюции¹⁴⁵ относительно ситуации с Израилем; 4) 1 резолюция¹⁴⁶ применительно к вторжению иракской армии в Кувейт и 5) 2 резолюции по ситуации в Бенине¹⁴⁷.

В качестве примеров можно привести акты агрессии Израиля в отношении Туниса.

В 1985 г. Израиль подверг бомбардировке штаб-квартиру Организации освобождения Палестины (далее – ООП), находившуюся на территории Туниса, в результате чего погибли все члены ООП и более 200 граждан Туниса, а штаб-квартира была уничтожена. В резолюции 573 (1985) СБ ООН установил, что Израиль совершил акт вооруженной агрессии, который является явным нарушением Устава ООН, международного права и

---

¹⁴⁰ Nicaragua v. USA. Para 195; Oil Platforms (Iran v. U.S.) Judgment // ICJ Reports. 6 November 2003. Para 51 (далее – Iran v. U.S.); DRC v. Uganda. Para 168

¹⁴¹ Strapatas N. Practice of the Security Council Regarding the Concept of Aggression // The Crime of Aggression. A Commentary. Op. cit. P. 184.

¹⁴² См. например: Security Council, Resolution 387 Concerning Angola and South Africa. 31 March 1976, UN Doc. S/RES/387; Security Council, Resolution 418 Concerning South Africa. 4 November 1977, UN Doc. S/RES/418; Resolution, concerning Seychelles: Security Council, Resolution 496 Concerning Seychelles. 15 December 1981, UN Doc. S/RES/496; Security Council, Resolution 572 Concerning Botswana and South Africa. 30 September 1985, UN Doc. S/RES/572; Resolution 580 Concerning Lesotho and South Africa. 30 December 1985, UN Doc. S/RES/580.

¹⁴³ См. например: Security Council, Resolution 326 Concerning Provocation by Southern Rhodesia. 2 February 1973, UN Doc. S/RES/326; Security Council, Resolution 411 Concerning Mozambique and Southern Rhodesia. 30 June 1977, UN Doc. S/RES/411; Security Council, Resolution 455 Concerning Zambia and Southern Rhodesia. 23 November 1979, UN Doc. S/RES/455.

¹⁴⁴ На момент упоминаемых событий – Северная Родезия.

¹⁴⁵ Security Council, Resolution 573 Concerning Israel and Tunisia. 4 October 1985, UN Doc. S/RES/573; Security Council, Resolution 611 Concerning Israel and Tunisia. 25 April 1988, UN Doc. S/RES/611.

¹⁴⁶ Security Council, Resolution 667 Concerning Iraq and Kuwait. 16 September 1990, UN Doc. S/RES/667.

¹⁴⁷ Security Council, Resolution 405 Concerning Benin. 14 April 1977, UN Doc. S/RES/405; Security Council, Resolution 419 Concerning Benin. 24 November 1977, UN Doc. S/RES/419.

общепринятых правил поведения; атака Израиля привела к многочисленным человеческим жертвам и причинению крупного материального ущерба¹⁴⁸.

Следующий акт агрессии был совершен Израилем в 1988 г.: группа израильских агентов проникла на территорию Туниса, в резиденцию Халиля аль-Вазира («Абу-Джихад»), основавшего ООП вместе с Ясиром Арафатом, и убила его, гражданина Туниса и двух охранников. При этом, по сообщению постоянного представителя Туниса при ООН, «в момент проведения этой операции в воздушном пространстве вблизи тунисских берегов находился израильский самолет, который нарушил связь в зоне совершения покушения»¹⁴⁹.

В результате была издана резолюция Совета Безопасности¹⁵⁰, осудившая действия Израиля и установившая наличие факта совершения акта агрессии.

Обращает на себя внимание то, что во втором случае «агрессией против территориальной неприкосновенности и суверенитета Туниса» было признано убийство четырех человек. Однако из этого не следует, что Совет Безопасности расширяет понятие «акта агрессии», поскольку причиной признания наличия акта агрессии в данном случае послужили не только последствия, но и тот факт, что «адресаты резолюций применяли вооруженную силу на протяжении длительного периода времени, против разных государств»¹⁵¹. В данном случае речь идет не только о действиях Израиля, но и сходных действиях ЮАР в отношении Лесото (1982 г.) и Ботсваны (1985 г.). В обоих случаях СБ ООН признал действия ЮАР актом агрессии.

Наиболее очевидным случаем агрессии была оккупация Ираком Кувейта, произошедшая в 1990 г., когда вооруженные силы Саддама Хуссейна вторглись на территорию Кувейта посредством армии и военной

---

¹⁴⁸ Security Council, Resolution 573 Concerning Israel and Tunisia. 4 October 1985, UN Doc. S/RES/573.

¹⁴⁹ Письмо постоянного представителя Туниса при ООН от 19.04.1988 г. на имя председателя Совета Безопасности. S/19798. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/GL0/170/25/PDF/GL017025.pdf?OpenElement> (дата обращения: 1.09.2021).

¹⁵⁰ Security Council, Resolution 611 Concerning Israel and Tunisia. 25 April 1988, UN Doc. S/RES/611.

¹⁵¹ McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Cambr., 2017. P. 86.

техники и аннексировали территорию Кувейта, объявив о ее слиянии с Ираком. Несмотря на то, что конфликт продлился 2 дня, потери с обеих сторон были значительными (в совокупности около 17 тыс. военных были убиты и ранены). СБ ООН издал резолюцию 660, в которой, во-первых, осудил действия Ирака, назвав их «вторжением» на территорию Кувейта, и потребовал от Ирака немедленного вывода войск, а во-вторых, признал действия такого масштаба не агрессией, а «нарушением международного мира и безопасности». Вместе с тем в доктрине международного уголовного права действия Ирака вследствие их масштаба многими учеными рассматриваются не просто как акт агрессии, но даже как акт агрессии, достигающий уровня грубого нарушения Устава ООН¹⁵².

К ситуациям, когда Совет Безопасности не принимал резолюций, которые были необходимы при сложившихся обстоятельствах, можно отнести агрессию США против Ирака.

В 2003 г. США вместе с коалиционными военными силами вторглись на территорию Ирака под предлогом разработки Ираком оружия массового поражения (химического, биологического и ядерного оружия) и неисполнения резолюции СБ ООН, призывавшего Ирак выполнить требования о разоружении. Наличие этого оружия было представлено как угроза национальной безопасности США, вследствие чего администрация Дж. Буша заявила о необходимости защитить страну и привести в исполнение все резолюции ООН в отношении Ирака. В исполнение своего заявления коалиционные военные силы вторглись на территорию Ирака армией численностью в 150 000 человек и подвергли ее территорию масштабным бомбардировкам, совершив тем самым действия, подпадающие под п. «а» (вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства либо любая военная оккупация или аннексия территории другого государства) и п. «b» (бомбардировка вооруженными силами

---

¹⁵² Werle G. The crime of aggression between international and domestic criminal law // Criminal law between War and Peace. Justice and Cooperation in Criminal Matters in International Military Interventions / Ed. by S. Manacorda, A. Nieto. Cuenca, 2009. P. 421; Cassese A. On Some Problematic Aspects of the Crime of Aggression // Leiden J. Int'l L. 2007. Vol. 20. P. 845.

государства территории другого государства) ст. 3 Резолюции 1974 г. соответственно. По окончании акта агрессии никакого оружия массового поражения в Ираке обнаружено не было. В этих обстоятельствах США обратились к концепции гуманитарной интервенции: вторжение коалиционных сил на территорию Ирака имело якобы своей целью свержение диктаторского режима Саддама Хусейна и установление демократии. Тем временем Совет Безопасности не предпринял никаких действий, несмотря на призывы государств-членов ООН принять резолюцию, осуждавшую действия США.

Небольшое количество резолюций или бездействие Совета Безопасности в тех ситуациях, когда он должен был выполнять возложенные на него Уставом ООН обязанности по восстановлению и поддержанию международного мира и безопасности, не единственная проблема. Как справедливо отмечает Керри МакДугалл, принятые резолюции не помогли сформулировать определение акта агрессии для целей *jus ad bellum*¹⁵³. Более того, некоторые установленные Советом Безопасности факты совершения акта агрессии явно не достигают уровня преступления агрессии (например, убийство Израилем 4 человек на территории Туниса)¹⁵⁴.

Генеральная Ассамблея ООН также обращалась в своей практике к случаям агрессии, однако, как и Совет Безопасности, не внесла существенный вклад в понимание акта агрессии. Общей чертой резолюций двух органов ООН можно назвать то, что они признавали агрессией лишь такие действия государств, которые связаны с непосредственным пересечением границы другого государства.

По мнению профессора К. МакДугалл, анализ терминологии, используемой Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей ООН, а также ситуаций, в связи с которыми издавались резолюции, позволяет сделать вывод, что из всего перечня видов актов агрессии, приведенного в ст.

---

¹⁵³ McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Op. cit. P. 96.

¹⁵⁴ Van Schaack B. Negotiating at the Interface of Power & Law: The Crime of Aggression // Santa Clara University School of Law Legal Studies Research Papers Studies. 2010. No. 10-09. P. 37.

3 Резолюции 1974 г., предпочтение отдавалось только пунктам «а» и «b» (см. выше)¹⁵⁵.

Иного мнения придерживается Н. Страпатас¹⁵⁶, отмечая, что некоторые резолюции СБ ООН содержат отсылку к ст. 8бис(2)(d)¹⁵⁷ и ст. 8бис(2)(g)¹⁵⁸ Римского статута (и, соответственно, ст. 3 Резолюции 1974 г.). Примером первого является упоминание Советом Безопасности «вооруженного вмешательства», которое сходно с действиями, предусмотренными в том числе в ст. 8бис(2)(d) Римского статута, а примером второго – «агрессия со стороны государства посредством направления наемных солдат» в ситуации с Сейшелами¹⁵⁹.

Таким образом, практика вышеупомянутых международных органов не внесла ясность в определение акта агрессии. Тем не менее, как уже отмечалось, в процессе подготовительных работ делегации считали, что наиболее подходящим вариантом для определения акта государства для целей установления наличия преступления агрессии является термин «акт агрессии» - вследствие его упоминания в ст. 39 Устава ООН и уже закрепленного понятия акта агрессии в Резолюции 1974 г., которая является своеобразным руководством для дефиниции преступления агрессии¹⁶⁰.

Вместе с тем многочисленные недостатки определения акта агрессии, содержащегося в Резолюции 1974 г., приводят к сложностям его применения. В доктрине отмечаются следующие из них: 1) определение является

---

¹⁵⁵ McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Op. cit. P. 87, 89, 95.

¹⁵⁶ Strapatas N. Op. cit. P. 186.

¹⁵⁷ Согласно ст. 8бис(2)(d) Статута актом агрессии признается «нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы, или морские и воздушные флоты другого государства».

¹⁵⁸ Пункт «g» ст. 8бис(2) признает актом агрессии «засылку государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше акта, или его значительное участие в них».

¹⁵⁹ Речь идет о попытке государственного переворота на Сейшелах, организованной Южной Африкой с использованием 54 наемников.

¹⁶⁰ Report of the Third Princeton Meeting on the definition of crime of aggression. June 2006 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 498-499; Report of Special Working Group on the Crime of Aggression. January 2007 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 538.

чрезмерно широким и двусмысленным¹⁶¹; 2) выбор актов агрессии непоследователен¹⁶², а сами акты довольно спорные по своей природе¹⁶³; 3) агрессия сводится лишь к применению вооруженной силы, исключая иные виды агрессии (например, экономическую агрессию)¹⁶⁴; 4) отсутствует указание на «угрозу применения силы»¹⁶⁵; 5) исключительно политический характер определения¹⁶⁶; 6) устаревшее регулирование¹⁶⁷.

Применительно к первому замечанию необходимо отметить, что в процессе согласования определения агрессии для целей Резолюции 1974 г. сложилось несколько подходов: широкий, узкий и смешанный.

Достоинствами широкого подхода назывались: 1) распространение разработанной общей формулировки на все возможные случаи; 2) уточнение определения агрессии, развиваемое Уставом ООН, а также вклад в развитие международного права; 3) возможность избежать риска внесения изменений в Устав ООН посредством интерпретаций¹⁶⁸.

С критикой такого подхода выступили представители от Польши и СССР, участники Шестого Специального комитета¹⁶⁹ по разработке дефиниции акта агрессии, считавшие необходимым определить акт агрессии посредством перечисления конкретных действий, образующих указанный акт. Так, польские представители полагали, что широкое определение акта агрессии чересчур размытое, а государство-агрессор может воспользоваться

---

¹⁶¹ Ferencz B. *Defining International Aggression: The Search for World Peace*. Vol. 2. Part IV (3) // *Derechos*: [сайт]. URL: <http://www.derechos.org/peace/dia/doc/bf4.html#bf1> (дата обращения: 19.08.2021).

¹⁶² McDougall C. *Crime of aggression under the Rome Statute*. Op. cit. P. 75, 78.

¹⁶³ Bruha T. *The General Assembly's Definition of the Act of Aggression* // *The Crime of Aggression*. A Commentary. Op. cit. P. 160.

¹⁶⁴ Stone J. *Hopes and Loopholes in the 1974 Definition of Aggression* // *The American J. Int'l Law*. 1977. Vol. 71. N 2. P. 224.

¹⁶⁵ Stone J. Op. cit. P. 231; Kemp. G. *Individual criminal liability for the international crime of aggression*. Dissertation for the degree of Doctor of Law. Stellenbosch University, 2008. P. 160.

¹⁶⁶ Bruha T. Op. cit. P. 172.

¹⁶⁷ Weisbord N. *Conceptualizing Aggression* // *Duke J. Comp. & Int'l L.* 2009. Vol. 20. P. 22; Bassiouni Ch. *The History of Aggression in International Law, Its Culmination in the Kampala Amendments, and Its Future Legal Characterization* // *Online Journal*. 2017. Vol. 58. P. 88.

¹⁶⁸ Ferencz B. *Defining International Aggression: The Search for World Peace*. Vol II. Op. cit. Paras 28-29.

¹⁶⁹ Шестой Специальный комитет был учрежден резолюцией 688 (VII) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 1952 г. и состоял из 15 представителей от разных государств. Смог успешно согласовать определение акта агрессии для целей международного права. Принятое определение акта агрессии было закреплено в Резолюции 1974 г. и было призвано помочь Совету Безопасности ООН в реализации его функций в соответствии с ст. 39 Устава ООН.

этими неточностями и избежать ответственности. Представитель от СССР Платон Дмитриевич Морозов¹⁷⁰ отметил, что некоторые делегации предлагали определить агрессию как международное преступление, а это равнозначно тому, чтобы сказать, что агрессия – это агрессия, и такое определение не поможет Шестому Специальному комитету выполнить свою задачу¹⁷¹.

Делегации от Боливии и Мексики выступили с предложением использовать смешанный подход, предполагающий закрепление общего определения с перечислением конкретных актов агрессии, что и было принято за основу.

Аналогичная дискуссия возникла при разработке дефиниции преступления агрессии. Несмотря на то, что определение агрессии Резолюции 1974 г. было взято за основу, участники дискуссии относительно подходов к определению акта агрессии для целей международного уголовного права пришли к консенсусу лишь в 2009 г. на неофициальной встрече делегаций от различных государств в Принстонском университете¹⁷².

По вопросу о перечне актов агрессии профессор Кэрри МакДугалл отмечает, что в ст. 3(b) Резолюции 1974 г. формулировка «использование любого оружия» может быть довольно широко интерпретирована, а это негативным образом скажется на применении статьи (хотя причины включения данной формулировки понятны – попытка охватить ядерное, химическое, биологическое, а также конвенционное оружие)¹⁷³. По мнению профессора МакДугалл, применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения, регулируемое ст. 3(e) Резолюции 1974 г.,

---

¹⁷⁰ Член советской делегации, участвовавшей в судебных заседаниях на Токийском трибунале от СССР.

¹⁷¹ Cit. ex: Ferencz B. *Defining International Aggression: The Search for World Peace*. Vol II. Op. cit. Para 30.

¹⁷² Proposal of the Special Working Group on the Crime of Aggression. February 2009 // *Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression*. Op. cit. P. 663-664.

¹⁷³ McDougall C. *Crime of Aggression under the Rome Statute*. Op. cit. P. 76.

вообще не достигает сравнимого с другими актами агрессии уровня тяжести¹⁷⁴.

Больше всего споров вызвал п. «g» ст. 3 Резолюции 1974 г., в котором фактически упомянут вид косвенной¹⁷⁵ агрессии (применение силы государством посредством нерегулярных вооруженных сил)¹⁷⁶. По мнению некоторых делегаций, косвенную агрессию можно признать неправомерным применением силы, но уровня преступления агрессии она явно не достигает¹⁷⁷. Поэтому часть делегаций, например, Сирия, выступили активно против этой формулировки.

В то же время группа из шести государств (Австралия, Канада, Италия, Япония, Великобритания и США) активно продвигала идею о возможности совершения агрессии посредством организации, поддержки и руководства государством вооруженных банд, иррегулярных и добровольческих сил. Эта позиция основывалась на том, что определение агрессии должно быть всеохватывающим, как это требует Устав ООН, и поэтому должно включать акты косвенного применения силы¹⁷⁸. Кроме того, такой вид косвенной агрессии был самой распространенной и скрытой формой агрессии на момент принятия определения акта агрессии¹⁷⁹.

Представители ряда стран не видели необходимости закреплять данный акт агрессии, но предложили предусмотреть в отдельной статье принимаемой резолюции право государства-жертвы на самооборону в случае

---

¹⁷⁴ Ibid. P. 76.

¹⁷⁵ Стоит отметить, что в процессе разработки дефиниции агрессии для целей Резолюции 1974 г. делегации (СССР и Иран) под косвенной агрессией (*indirect aggression*) понимали, например, прямое или косвенное подстрекательство к гражданской войне, подстрекательство к восстанию путем поставок оружия или другими средствами и т.п. См.: Ferencz B. *Defining International Aggression: The Search for World Peace*. Vol. 2. Op. cit. Para 83. При этом в международно-правовой доктрине под косвенной агрессией понимают *вооруженную* агрессию государства, осуществляемую непрямыми средствами (*aggression involving the use of force by indirect means*), к которой относится, например, засылка вооруженных групп или банд (курсив мой – Р.Д.). См., например: Schwebel S. *Aggression, Intervention and Self-Defence in Modern International Law / Justice in International Law: Selected Writings*. Cambr., 2009. P. 565. В данной работе под косвенной агрессией будет пониматься вооруженная агрессия, осуществляемая непрямыми средствами.

¹⁷⁶ Zimmerman T. *Critical remarks on the International Court of Justice's interpretation of Article 3(g) of the "Definition of Aggression"* (UNGA Resolution 3314/1974) // *Revista Direito GV*. 2018. Vol. 14. N. 1. P. 104.

¹⁷⁷ Ferencz B. *Defining International Aggression: The Search for World Peace*. Vol. 2. Op. cit. Para 69.

¹⁷⁸ Доклад Специального комитета по вопросу об определении агрессии (№ A/8419). Нью-Йорк, 1971. С. 10, 23.

¹⁷⁹ Ferencz B. *Defining International Aggression: The Search for World Peace*. Vol. 2. Op. cit. P. 31.

организации или поддержки государством-агрессором иррегулярных и добровольческих сил или вооруженных банд¹⁸⁰.

В окончательном варианте¹⁸¹ ст. 3 Резолюции 1974 г. к акту агрессии была отнесена «засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них».

Впоследствии Международным судом ООН было рассмотрено дело Никарагуа против США, в котором государство Никарагуа обвинило США в поддержке повстанцев посредством набора, тренировки, вооружения, снаряжения, финансирования и оказания иным образом поддержки, в помощи или осуществлении руководства военными или полувоенными действиями против Никарагуа¹⁸².

Перед Международным Судом ООН встал вопрос о возможности признать действия США актом агрессии по ст. 3(g) Резолюции 1974 г. Международный Суд ООН установил, что п. «g» ст. 3 Резолюции 1974 г. отражает международное обычное право и выполняется при установлении наличия у государства *эффективного контроля* над военными или полувоенными операциями, в ходе выполнения которых совершены предполагаемые нарушения¹⁸³. Вместе с тем для МУС принятое Международным Судом ООН решение не имеет обязательной силы, и при необходимости МУС сможет интерпретировать п. «g» ст. 3 по своему усмотрению. Последняя позиция также была поддержана участниками Сиднейской конференции¹⁸⁴.

---

¹⁸⁰ Zimmerman T. Op. cit. P. 104-105.

¹⁸¹ В специальной литературе высказаны различные позиции о содержании отдельных критериев ст. 3(g) Резолюции 1974 г. и, соответственно, ст. 8бис(2)(g) Статута. См., например: Kreß C. The State Conduct Element. Op. cit.; Zimmermann T. Op. cit.

¹⁸² Nicaragua v. USA. Para 15.

¹⁸³ Ibid. Para 195.

¹⁸⁴ Sydney Report. P. 27.

Еще одним предлагаемым для закрепления видом агрессии стала *экономическая агрессия* (предложение поддержали СССР и в основном страны Латинской Америки и Азии). Делегация от СССР¹⁸⁵ понимала экономическую агрессию как принятие государством мер экономического давления или принуждения, нарушающих суверенитет другого государства и его экономическую независимость и угрожающих основам экономической жизнедеятельности этого государства; принятие мер в отношении другого государства, препятствующих эксплуатации этим государством его собственных ресурсов; экономическую блокаду другого государства¹⁸⁶. В зарубежной доктрине того периода предлагалось под экономической агрессией предлагалось понимать любой односторонний акт государства против другого государства или группы государств, который направлен на то, чтобы лишить и лишает такое государство или государства их *основных* ресурсов или который *серьезно* подрывает его нормальную экономическую деятельность, тем самым угрожая суверенному праву государства принимать свои собственные политические решения¹⁸⁷ (курсив мой – Р.Д.). В качестве таких мер могут выступать замораживание активов, эмбарго на импорт или экспорт, сокращение иностранных инвестиций посредством тактики упреждающей (исключительной) покупки¹⁸⁸, манипулирование зарубежным рынком, отзыв кредита или отказ в его выдаче или искусственное повышение цен¹⁸⁹.

---

¹⁸⁵ Интересно, что в своем предложении делегация от СССР предлагает включить в Резолюцию 1974 г. не только экономическую агрессию, но и идеологическую и косвенную агрессию. Как видно, в предложении СССР проводится различие между экономической агрессией и косвенной агрессией. К последней делегация относит поощрение подрывной деятельности против другого государства (террористические акты, диверсии и т.д.), способствование разжиганию гражданской войны на территории другого государства и способствование перевороту в другом государстве или изменению внутренней политики в пользу государства-агрессора.

¹⁸⁶ Ferencz B. Defining International Aggression: The Search for World Peace. Vol. 2. Op. cit. P. 74-75.

¹⁸⁷ Domb M. Defining Economic Aggression in International Law: The Possibility of Regional Actions by the Organizations of American States // Cornell Int'l L. J. 1978. Vol. 11. Issue 1. P. 99.

¹⁸⁸ Упреждающая покупка является тактикой экономической войны и подразумевает, что одна из сторон конфликта приобретает товары у стран, не участвующих в конфликте, исключительно для того, чтобы лишить другую сторону конфликта возможность их приобрести.

¹⁸⁹ Dempsey P. Economic aggression & Self-Defence in International Law: The Arab Oil Weapon and Alternative American Response Thereto // Case Western Reserve J of Int'l L. 1977. Vol. 9. P. 261.

Страны Латинской Америки отстаивали необходимость включения экономической агрессии в разрабатываемую дефиницию агрессии для целей Резолюции 1974 г. с самого начала работы международного сообщества над данной дефиницией. Делегации выдвигали следующие аргументы в поддержку признания различных мер экономического принуждения одним государством против другого государства агрессией, среди которых: 1) экономическая агрессия нарушает такие фундаментальные принципы ООН, как принцип политической независимости государств, суверенного равенства и невмешательства во внутренние дела государства (представитель Боливии); 2) экономическая агрессия используется экономически развитыми государствами для склонения к исполнению своей воли, угрожая тем самым независимости другого государства (представитель Сирии); 3) экономическая агрессия по своим характеристикам отличается от вооруженной агрессии лишь тем, что сила применяется в скрытой форме (представитель Боливии); 4) несмотря на то, что экономическая агрессия подразумевает обращение к мерам принуждения (в отличие от вооруженной агрессии, которая является обращением к силе), она может ввергнуть страну не только в гражданскую войну и привести к потере независимости, но и привести страну к бедности и голоду (представитель Боливии)¹⁹⁰.

Применительно к перечисленным аргументам стоит отметить следующее.

Действительно, государства нередко обращались к мерам экономического принуждения, а в период разработки дефиниции агрессии именно страны Латинской Америки часто становились потерпевшими от подобных мер. Так, например, в 1960 г. США ввели санкции против Кубы, установив полное эмбарго на продажу Кубе любых товаров (за исключением медикаментов и продуктов питания), что привело к ущербу экономике Кубы в миллиарды долларов. А в 1970 г. США национализировали ряд американских компаний и предприятий, находившихся на территории Чили,

---

¹⁹⁰ Ferencz B. Defining International Aggression: The Search for World Peace. Vol. 2. Op. cit. P. 75-76.

а также отказались исполнять действующие и заключать новые договоренности об оказании экономической поддержки Чили.

Вместе с тем, на наш взгляд, делегации обоснованно не признали меры экономического принуждения агрессией.

Во-первых, экономическая агрессия, в том виде, в котором ее предлагали закрепить в Резолюции 1974 г., не подразумевает применение вооруженной силы, и поэтому не является вооруженной агрессией. Вместе с тем подготовительные работы свидетельствуют о том, что делегации Шестого специального комитета хотели сосредоточиться именно на вооруженной агрессии¹⁹¹. Даже СССР и ряд других государств, предлагавших изначально расширить понятие агрессии посредством включения в том числе и экономической агрессии, в 1972 г. предпочли ограничить дефиницию вооруженной агрессией, поскольку она является «самой серьезной и опасной формой агрессии, на которой и нужно сконцентрироваться на данном этапе»¹⁹².

Во-вторых, в международно-правовой доктрине отсутствует единство по вопросу признания мер экономического принуждения применением силы в соответствии с ст. 2(4) Устава ООН. На данный момент разработано два основных подхода к толкованию ст. 2(4) Устава ООН – расширительный и ограничительный. Согласно первому подходу, термин «сила» охватывает как вооруженную силу, так и «экономическую силу (economic force) ...что соответствует основным принципам и целям Устава ООН (развитие дружественных отношений, уважение равноправия и самоопределения народов, международное сотрудничество в решении экономических и социальных проблем) ...»¹⁹³. Сторонники данного подхода, который Джеймс Деланис именуется «подходом стран третьего мира», отмечают также, что разработчики первоначального текста намеревались изложить ст. 2(4) Устава

---

¹⁹¹ Report of the Special Committee on the Question of Defining Aggression. General Assembly Resolution 1471 (XXIX). A/C.6/SR.1471. 8 October 1974. Para 7 // United Nations Digital Library [сайт]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/766649?ln=en> (дата обращения: 24.11.2023)

¹⁹² Schwebel S. Op. cit. P. 556.

¹⁹³ Delanis J. "Force" under Article 2(4) of the United Nations Charter. The Question of Economic and Political Coercion // Vanderbilt J of Transitional L. 1979. Vol. 12 Issue 1. P. 109.

ООН «в самых широких выражениях...чтобы гарантировать отсутствие лазеек»¹⁹⁴. Противоположный, традиционный¹⁹⁵, подход, занимает большинство европейских государств, «которые, будучи наделенные огромной политической и экономической властью», толкуют ст. 2(4) Устава ООН, как охватывающую только применение *вооруженной* силы¹⁹⁶.

Верным, на наш взгляд, является ограничительное толкование термина «сила» в ст. 2(4) Устава ООН. Несмотря на то, что некоторые сторонники расширительного толкования ст. 2(4) Устава ООН отмечали, что разработчики намеревались охватить любое применение силы или принуждение, материалы подготовительных работ к Уставу ООН свидетельствуют об обратном. Так, на конференции в Сан-Франциско 1945 г.¹⁹⁷ предложение Бразилии включить меры экономического принуждения в понятие «применение силы» было отвергнуто делегациями. Данная позиция нашла свое отражение в дальнейшем в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. (далее – Декларация 1970 г.). Разграничение между принуждением или давлением (*coercion*) и применением силы (*use of force*) проводится уже в преамбуле Декларации 1970 г., в которой разграничиваются «меры давления¹⁹⁸, направленные против политической независимости или территориальной целостности любого государства» и «угроза силой или применение силы против территориальной целостности или политической независимости любого государства»¹⁹⁹. Далее при описании содержания принципа запрета обращения в международных отношениях к угрозе силой или применению силы как против

---

¹⁹⁴ Ibid. P. 109.

¹⁹⁵ Ibid. P. 103.

¹⁹⁶ Ibid. P. 104.

¹⁹⁷ Конференция в Сан-Франциско была проведена в период с апреля по июнь 1945 г. с целью принятия Устава ООН, а также Статута Международного суда ООН.

¹⁹⁸ Такими мерами выступают: военные, политические, экономические и любые другие меры.

¹⁹⁹ Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations. General Assembly Resolution 2625 (XXV). A/Res/25/2625. 24 October 1970. Preamble // UN Documents. Gathering a body of global agreements [сайт]. URL: <http://www.un-documents.net/a25r2625.htm> (дата обращения: 15.11.2023)

территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН, сначала приводится обязанность государств воздерживаться от такого применения силы, после чего уточняется, что «агрессивная война составляет преступление против мира, за которое предусматривается ответственность в соответствии с международным правом»²⁰⁰.

Стоит подчеркнуть, что описываемые в преамбуле Декларации 1970 г. меры экономического принуждения²⁰¹ также могут быть направлены против территориальной неприкосновенности или политической независимости государств. Применением силы такие меры все же не являются. Данная позиция также находит подтверждение в зарубежной доктрине²⁰².

В-третьих, меры экономического принуждения, даже направленные против территориальной неприкосновенности или политической независимости, могут применяться при реализации государством своих дискреционных полномочий. Еще в 1952 г. по итогам заседания Шестого комитета, ответственный секретарь в итоговом отчете отметил следующую критику предложений о включении экономической агрессии: «... Действия, о которых идет речь, не только не связаны с применением силы, но обычно осуществляются государством в силу его суверенитета или дискреционных полномочий. Там, где нет никаких обязательств, государство может устанавливать свои таможенные тарифы и ограничивать или запрещать экспорт и импорт. Если государство заключает коммерческий договор с другим государством, превосходящая политическая, экономическая и финансовая мощь, конечно, может дать ему преимущество перед более слабой стороной; но это применимо к каждому международному договору, и

---

²⁰⁰ Ibid. Para 1.

²⁰¹ При этом недопущение экономического принуждения («ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических мер ... с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ») предусмотрено только в принципе, касающимся обязанности не вмешиваться в дела, входящих во внутреннюю компетенцию другого государства.

²⁰² Dorr O. Use of force // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Oxford Public International Law [сайт]. URL: https://spacelaw.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_spacelaw/EPIL_Use_of_Force_Prohibition_of.pdf (дата обращения: 19.11.2023).

трудно понять, как такое проистекающее из различий в положении неравенство может быть устранено без изменений структуры международного общества и передачи международным органам полномочий, присущих государствам»²⁰³.

Соглашаясь с указанной позицией, отметим также, что меры экономического принуждения по своим последствиям и времени их наступления несоизмеримы с последствиями от вооруженного вторжения на территорию другого государства или даже от засылки, например, наемников или вооруженных банд. Кроме того признание мер экономического принуждения агрессией привело бы не только к расширению определения агрессии, но и увеличению возможных случаев применения силы в качестве самообороны (ст. 51 Устава ООН)²⁰⁴.

Аналогичная аргументация применялась в обоснование нецелесообразности включения «угрозы агрессии» в определение акта агрессии.

Важно отметить существенное отличие Резолюции 1974 г. и ст. 8бис(2) Римского статута, а именно: отсутствие в последнем указания на открытость перечня актов агрессии.

Делегации не смогли прийти к соглашению относительно характера перечня. Сторонники закрытого перечня опирались на принцип законности. Аргумент же другой стороны о «возможном развитии международного права в части агрессии»²⁰⁵ не вызывал никаких проблем у сторонников исчерпывающего списка актов агрессии, так как любые новые формы агрессии можно будет включить в Римский статут посредством внесения изменений. Делегации, поддерживавшие открытый перечень актов агрессии, помимо уже указанного выше аргумента, также отмечали, что принцип законности в случае открытого перечня не нарушается, и в качестве примера

---

²⁰³ Question of defining aggression. Report by the Secretary-General. A/2211. 3 October 1952. Para 446 // UN Nations Digital Library System [сайт]. URL: file:///C:/Users/4456/Downloads/A_2211-EN.pdf (дата обращения: 16.11.2023).

²⁰⁴ Sydney Report. Paras 75-77.

²⁰⁵ Report of the Fourth Princeton Meeting on the definition of crime of aggression. June 2007 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 571.

приводили ст. 7(1)(к) Статута, содержащую следующую формулировку: преступлениями против человечности признаются и «другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью».

Таким образом, делегации не пришли к пониманию того, каким является перечень актов агрессии.

В зарубежной правовой доктрине сложилось три позиции по данному вопросу: 1) перечень актов агрессии является открытым²⁰⁶; 2) перечень является закрытым²⁰⁷ и 3) перечень в принципе открытый, но ограничен положениями, предусмотренными в определении преступления агрессии²⁰⁸.

На наш взгляд, перечень актов агрессии для целей ст. 8бис Статута является *открытым*. Аргумент о нарушении принципа законности в случае признания перечня актов агрессии открытым не обоснован, поскольку подобные нормы уже содержатся в Римском статуте. Так, ст. 7(1)(к) Статута предусматривает ответственность за «другие бесчеловечные деяния», помимо перечисленных. При этом в этом же пункте установлен ряд ограничений для отнесения других бесчеловечных деяний к предусмотренным в указанной статье, а именно: они должны быть 1) «аналогичного характера»; 2) причинять сильные страдания и серьезные телесные повреждения или серьезный ущерб психическому или физическому здоровью и 3) совершаться умышленно. Кроме того, сохраняется требование о наличии контекстуального элемента преступлений против человечности.

В случае же с преступлением агрессии помимо того, что перечисленные в ней акты агрессии уже являются тяжкими, дополнительное

---

²⁰⁶ Kreß C. The State Conduct Element. Op. cit. P. 435-436; Miller K. The Kampala Compromise and Cyberattacks: Can there be an international crime of cyber-aggression? // Southern California Interdisciplinary L. J. 2014. N 23. P. 232; Gillet M. The Anatomy of an International Crime: Aggression at the International Criminal Court. Int'l Crim. L. Rev. 2013. Vol. 13. P. 850.

²⁰⁷ Ambos K. The Crime of Aggression after Kampala // German YIL. 2010. Vol. 53. P. 469; Clark R. The Crime of Aggression // The Law and Practice of the International Criminal Court / Ed. by C. Stahn. Oxford, 2015. P. 782.

²⁰⁸ Trahan J. The Rome Statute Amendments on the Crime of Aggression: Negotiations at the Kampala Review Conference. P. 5 // Derechos. 2012: [сайт]. URL: <http://www.derechos.org/nizkor/aggression/doc/jtrahan1.html> (дата обращения: 12.08.2021).

пороговое требование исключает возможность признания актом агрессии такого применения силы, которое не будет требовать к себе внимания Международного уголовного суда. Признание перечня открытым позволит адекватнее и эффективнее реагировать на появляющиеся новые формы агрессии.

Что касается устаревших конструкций в Резолюции 1974 г., то, как справедливо отмечается в доктрине международного и международного уголовного права, в период принятия резолюции «вооруженные конфликты характеризовались тремя основными чертами: политико-стратегическое соревнование между Советским Союзом и Западом за мировое господство; ядерная война, обычная война за территорию, повстанческое движение, спонсируемое государством, были формами вооруженных конфликтов, которые делегаты стремились урегулировать и, наконец, борьба людей за независимость от колониальных режимов»²⁰⁹. Очевидно, что на современном этапе установлены иные характерные признаки вооруженных конфликтов, а наличие таких устаревших конструкций «дискредитирует нормативную ценность этого документа»²¹⁰.

Вышеперечисленные недостатки определения агрессии, содержащиеся в Резолюции 1974 г., дублируются и в таком элементе преступления агрессии, как противоправный акт государства. Учитывая это, а также то, что определение агрессии в Резолюции 1974 г. не закрепилось в международном обычном праве и в отношении него даже отсутствует *opinio juris* государств (т.е. государства не признали определение акта агрессии в качестве нормы обычного права)²¹¹, сомнительным представляется решение делегаций включить определение акта агрессии в дефиницию преступления агрессии. Более того, применительно к действующему определению преступления агрессии следует также выделить следующие недостатки.

---

²⁰⁹ Weisbord N. Conceptualizing Aggression. Op. cit. P. 22.

²¹⁰ Weisbord N. Conceptualizing Aggression. Op. cit. P. 22.

²¹¹ McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Op. cit. P. 95.

Устаревший перечень актов агрессии. Предусмотренный в Резолюции 1974 г. перечень актов агрессии можно признать актуальным, но только на момент принятия данного документа. Представляется необходимым включение в перечень актов агрессии совершение преступления агрессии посредством кибернетических атак (кибератак) на важные для безопасности и суверенитета страны объекты, которое можно также именовать «киберагрессия».

Из Военной доктрины Российской Федерации следует, что наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство посредством «использования информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву ... и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности»²¹². Более того, международное сообщество в 2015 г. объединило усилия для создания универсальных рамок для взаимных действий государств в киберпространстве, договорившись не использовать кибертехнологии для атак на объекты критически важной инфраструктуры²¹³.

В международно-правовых актах определение кибератаки отсутствует. Зарубежная доктрина также не выработала единого определения этого понятия.

Для целей международного уголовного права в зарубежной доктрине предлагается под кибератакой понимать кибероперацию наступательного или оборонительного характера, которая, как обоснованно утверждается, может причинить вред здоровью или привести к смерти людей, а также к повреждению или разрушению различных объектов²¹⁴. При этом кибероперацией, по мнению профессора Й. Динштейна, признается 1) незаконный доступ к компьютерам, компьютерным системам или сетям с

---

²¹² Военная доктрина Российской Федерации. П. 11, пп. «м» п. 12 // СПС КонсультантПлюс.

²¹³ Тимошков С.Г. Агрессия как международное преступление: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 70.

²¹⁴ Valo J. Cyber Attacks and the Use of Force in International Law. Master's Thesis. Helsinki, 2014. P. 6.

целью получения информации, но без обязательного воздействия на функциональность системы, к которой осуществляется доступ, или внесения изменений, искажения или удаления содержащихся в ней данных; 2) операции наступательного характера, направленные на изменение, удаление, повреждение или отказ в доступе к компьютерным данным или программному обеспечению в целях пропаганды или обмана; частичное или полное нарушение функционирования компьютера, компьютерной системы или сети и связанной с ними физической инфраструктуры, управляемой компьютером (при наличии); или причинение физического ущерба, не связанного с компьютером, компьютерной системой или сетью²¹⁵. Таким образом, понятие «кибероперации» шире, чем «кибератаки», поскольку может включать в себя, например, кибершпионаж, который, очевидно, не может привести к тяжким последствиям, обязательным для кибератак.

Вышеуказанное определение кибератак требует уточнения.

Во-первых, как определение кибератаки, так и определение кибероперации следует ограничить только операциями наступательного характера, поскольку только они в теории могут привести к последствиям в виде вреда здоровью или смерти, а также материальному ущербу.

Во-вторых, необходимо отметить, что для признания кибератак применением вооруженной силы они должны быть направлены против государства, а не какого-либо предприятия или лица внутри страны²¹⁶. При этом кибератаки должны быть нацелены на подрыв безопасности страны (политической и национальной²¹⁷), поэтому посягательство осуществляется на объекты, отвечающие за такую безопасность. Это позволит отделить

---

²¹⁵ Dinstein Y., Dahl W. Oslo Manual on Select Topics of the Law of Armed Conflict. Rules and Commentary. Springer, 2020. P. 20.

²¹⁶ В качестве примера можно привести кибератаки на сотни американских компаний в различных отраслях промышленности в 2006 г., совершенных хакерской группой APT1 (Comment Crew/Shanghai group), или взлом Сирийской электронной армией в 2013 г. аккаунта Associated Press в Твиттере. См., например: Mcwhorter D. Mandiant Report. APT1: Exposing One of China's Cyber Espionage Units. P. 21 // Mandiant Advantage Platform: [сайт]. URL: <https://www.mandiant.com/sites/default/files/2021-09/mandiant-apt1-report.pdf> (дата обращения: 01.02.2022); Pro-Assad Syrian hackers launching cyber-attacks on western media. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/apr/29/assad-syrian-hackers-cyber-attacks> (дата обращения: 01.02.2022).

²¹⁷ Hathaway O., Crootof R., Levitz Ph., Nix H., Nowlan A., Perdue W., Spiegel J. The Law of Cyber-Attack // California L Rev. 2012. Vol. 100. P. 821, 830, 831.

кибератаки для целей международного уголовного права от кибернетических преступлений.

Самыми известными и масштабными кибератаками такого вида являются совершенные в 2007 г. израильскими военными воздушные атаки на завод в Сирии, на котором предположительно разрабатывалось ядерное оружие. Интерес в данном случае представляет то, что атака в ее традиционном понимании сопровождалась кибератакой. Израиль использовал компьютерную программу «Suter», которая нейтрализовала системы противовоздушной обороны, не позволив Сирии среагировать на атаку Израиля.

Наиболее масштабной была кибератака Израиля на центрифуги IR-1 по обогащению урана, расположенные на территории Ирана, в г. Натанза в 2010 г. В этом случае использовалась не имевшая аналогов вредоносная программа – «Stuxnet», которая физически уничтожила более тысячи центрифуг Ирана.

Во-третьих, необходимо установить возможность признания кибератак применением вооруженной силы.

Как представляется, любая кибероперация наступательного характера (а не только кибератака) может рассматриваться в качестве применения вооруженной силы.

Для установления возможности квалификации любой кибероперации в качестве применения силы правоведы предлагают учитывать ряд критериев (отмечая при этом неполноту перечня критериев, которыми можно руководствоваться), среди которых, например, тяжесть (серьезность) последствий, прямая связь между кибероперацией и последствиями, степень вмешательства кибероперации в системы государства-жертвы или его киберсистемы, измеримость последствий, наличие связи с военными операциями (связь кибероперации с традиционной военной операцией повышает вероятность ее квалификации как применения силы), степень

вовлеченности государства и т.д.²¹⁸. Проблема приведенных критериев в том, что они, как отмечается в доктрине, «не являются объективно-измеримыми переменными»²¹⁹.

В связи с этим, по аналогии с квалификацией действий США в деле Никарагуа, в международно-правовой доктрине отмечается, что «государства, которые предоставляют организованной вооруженной группе вредоносное программное обеспечение и организуют обучение, необходимое для проведения кибероперации против другого государства, участвуют в применении силы против другого государства до тех пор, пока оказывают содействие и обучают группу осуществлять кибероперации, которые достигают уровня применения силы»²²⁰.

Что касается термина «вооруженности», то он не ограничивается традиционным оружием, что подтверждается консультативным заключением Международного суда ООН по вопросу законности угрозы ядерным оружием или его применением: «Эти положения [статьи 2(4), 41 и 51 Устава] не относятся к определенному оружию. Они применяются к любому случаю применения силы, независимо от применяемого оружия»²²¹. Кроме того, как уже отмечалось, в деле Никарагуа Международный суд ООН признал обучение и вооружение повстанцев применением силы в соответствии с ст. 2(4) Устава ООН.

В зарубежной доктрине также поддерживается широкое понимание термина «вооруженная сила» и отмечается, что это «все формы спонсируемого военными или государством применения силы» и до тех пор, пока «установлено наличие агрессивного намерения»²²², а примененная сила удовлетворяет пороговому требованию и нарушает положения Устава ООН, физические характеристики применяемого вооружения не имеют большого

---

²¹⁸ Tanodomdej P. Op. cit. P.79-80.

²¹⁹ Papanastasiou A. Application of International Law in Cyber Warfare Operations. P. 14 // SSRN Papers. 2010: [сайт]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1673785 (дата обращения: 5.02.2022).

²²⁰ Ibid. P.78.

²²¹ Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion. Para 39.

²²² Стоит отметить, что автор данной работы не считает, что из ст. 8бис Статута требует установления специального умысла или намерения.

значения»²²³. Кроме того, если масштаб и последствия кибероперации сопоставимы с масштабом и последствиями некибернетических операций, которые могут быть квалифицированы как применение вооруженной силы, то и кибероперации могут признаваться применением вооруженной силы²²⁴.

Таким образом, кибератака может признаваться применением вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства. При этом она может быть признана актом агрессии сама по себе, в отсутствие традиционного применения силы.

Кибератаки, согласно международно-правовой доктрине, могут даже признаваться вооруженным нападением по смыслу ст. 51 Устава ООН, если соответствуют требуемым международным правом масштабу и последствиям²²⁵. Из этого правила также следует, что потерпевшие от кибератаки получают право на самооборону, согласно ст. 51 Устава ООН. Однако в российской правовой доктрине высказываются опасения относительно самообороны от кибератак, поскольку «широкое истолкование акта агрессии посредством применения кибероружия повышает риски злонамеренного применения национальных вооруженных сил против другого государства»²²⁶. Действительно, такая проблема возможна, однако, в отсутствие «необходимой правоприменительной практики в области самообороны от агрессивных действий в информационно-коммуникационном пространстве»²²⁷, могут применяться разработанные на данный момент в международном праве критерии обращения к самообороне и применения силы в случае самообороны.

---

²²³ Miller K. Op. cit. P. 235.

²²⁴ Tanodomdej P. The Tallinn Manuals and the Making of the International law on Cyber Operations // Masaryak University J of Law & Technology. Vol. 13. 2019. P.78.

²²⁵ Jensen E. Computer Attacks on Critical National Infrastructure: A Use of Force Invoking the Right of Self-Defense // Stanford J Int'l L. Vol. 38. Issue 207. P. 224-225.

²²⁶ Лобач Д., Смирнова Е. Компьютерные сетевые атаки как акт агрессии в условиях развития современных международных отношений: pro et contra // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 4. С. 61-62.

²²⁷ Там же. С. 63.

В-третьих, необходимым признаком любой кибератаки являются последствия в виде жертв среди населения или повреждение или разрушение объектов. Вместе с тем последствия от кибератак, все же, не идентичны тем, которые наступают от операций некибернетического характера, т.е. от традиционных военных операций. Профессор М. Росцини верно отмечает, что первичными последствиями в случае кибератак выступают повреждение компьютера и его программного обеспечения или повреждение инфраструктуры, обслуживаемой программным обеспечением²²⁸. Хотя последствия в виде человеческих жертв или материального ущерба не являются первичными в случае кибератак, такие последствия, тем не менее, могут признаваться применением силы поскольку ст. 2(4) Устава ООН охватывает и такое применение силы, которое может не иметь непосредственных последствий в виде, например, материального ущерба²²⁹. Кроме того, кибератаки могут достигать масштаба, аналогичного любому акту агрессии. Например, отключение информационной системы, контролирующей сооружения водоснабжения и плотины, может привести к затоплению населенных пунктов и гибели людей²³⁰.

Более того, ряд зарубежных правоведов утверждают, что некоторые кибератаки уже сейчас охватываются действующим перечнем актов агрессии. Кевин Миллер приводит в качестве примера DDoS-атаку на Грузию. Данная атака, по мнению автора, сходна с блокадой портов или берегов государства. В качестве другого примера рассматривается ситуация, при которой Китай разрешает Северной Корее использовать свои компьютерные сети для совершения кибератаки против Южной Кореи (что подпадает под ситуацию, при которой одно государство дает согласие использовать свою территорию другому государству для совершения преступления против третьего)²³¹.

---

²²⁸ Roscini M. *Cyber Operations and the Use of Force in International law*. Oxford, 2014. P. 52-53

²²⁹ Roscini M. *World Wide Warfare – Jus ad bellum and the Use of Cyber Force* // Max Planck Y.B. U.N. L. 2010. N 14. P. 107.

²³⁰ Dinstein Y. *Op. cit.* P. 105.

²³¹ Miller K. *Op. cit.* P. 234.

В-четвертых, необходимо ограничить использование автоматизированных систем и искусственного интеллекта в военное время от киберагрессии. Представим две ситуации. В первой ситуации государство А создает боевые дроны, программирует их на уничтожение заданных целей, направляет на территорию государства Б для обстрела деревни. Во второй - государство А в результате массовых DDoS атак получает доступ к программам управления дронами государства Б, и дроны, уже под контролем государства А, обстреливают деревню. В качестве киберагрессии следует квалифицировать только вторую ситуацию, поскольку в первом случае отсутствует кибератака, т.е. неправомерное вмешательство в компьютерную систему или сети для воздействия каким-либо образом (например, уничтожение, изменение, блокирование и иное манипулирование) на данные этих систем, которая привела к вреду здоровью и смерти граждан государства Б. Данная позиция находит поддержку в зарубежной доктрине. Так, например, справедливо отмечается, что «использование компьютерной сети в Неваде для управления дроном Predator, который совершает кинетическую атаку на территории Пакистана, не является кибератакой...»²³². Вместе с тем сложно согласиться с позицией тех авторов, которые считают, что даже физические атаки на компьютерные сети (например, когда «взрывчаткой перерезаются подводные сетевые кабели, по которым передается информация между континентами»²³³) признаются кибератаками.

Таким образом, необходимо выделить следующие признаки любой кибератаки, наличие которых обязательно для ее признания актом агрессии: 1) кибератака направлена против государства (а не отдельных предприятий или лиц внутри страны); 2) осуществляется неправомерное вмешательство в компьютерную систему или информационно-телекоммуникационные сети для изменения, удаления или иного воздействия на содержащуюся в них

---

²³² Hathaway O. et al. Op. cit. P. 827.

²³³ Hathaway O. et al. Op. cit. P. 827.

компьютерную информацию; 3) эти системы и сети обеспечивают функционирование объектов, важных для безопасности государства, поэтому на них и осуществляется посягательство; 4) кибератака привела к последствиям в виде причинения вреда здоровью, смерти и/или материальному ущербу.

Очевидно, что сложившееся понимание актов агрессии «не отвечает интересам международного мира и безопасности человечества» в условиях развития научно-технического прогресса, «так как появляются новые виды силовых форм деструктивного воздействия, которые могут порождать последствия, сравнимые с последствиями от использования обычных вооружений»²³⁴. Кроме того, как отмечается в зарубежной доктрине, наряду с традиционной армией, созданы и действуют так называемые кибервойска (например, в США и Великобритании), что подтверждает необходимость урегулирования вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности за киберагрессию.

В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным расширить перечень актов агрессии следующей формулировкой: «киберагрессия, выраженная в совершении государством или негосударственной вооруженной организованной группой или от их имени кибернетических атак, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или значительное участие в них». При этом под кибернетическими атаками предлагается понимать неправомерное вмешательство в компьютерные системы или информационно-телекоммуникационные сети для изменения, удаления, модификации или иного воздействия на содержащуюся в них компьютерную информацию, направленное против безопасности государства.

Ограничение круга субъектов актов агрессии. Еще одним недостатком определения ст. 8бис Статута является ограничение круга

---

²³⁴ Лобач Д., Смирнова Е. Указ. соч. С. 63.

субъектов²³⁵ акта агрессии до государств. В определении преступления агрессии, содержащемся в Римском статуте, предусмотрено, что акт агрессии может быть совершен одним *государством* против другого *государства*. Таким образом, преступление агрессии по Статуту даже не охватывает случаи совершения агрессии образованием со спорной государственностью, т.е. государственным образованием, обладающим «в большинстве случаев ключевыми атрибутами государственности»²³⁶ (имеет свою территорию, население, систему управления и т.п.), но не получившим признания со стороны международного сообщества или совершение акта агрессии против такого государства. Как отмечает Николас Страпатас²³⁷, Резолюция 1974 г. допускает признание агрессией действий субъекта со спорной государственностью, поскольку в пояснительной записке к определению агрессии содержит широкое толкование термина «государство»²³⁸, чтобы исключить такие случаи, когда одно государство применяет вооруженную силу против другого государства и заявляет о спорной государственности последнего с целью избежать ответственности.

В то же время, как уже было отмечено выше, в тексте ст. 8бис(2) Статута содержится отсылка к определенным положениям Резолюции 1974 г., в том числе к ст. 1 Резолюции 1974 г., которая содержит широкое толкование понятия «государство»: «...В настоящем определении термин «государство» а) употребляется, не предвешая вопроса о признании или вопроса о том, является ли государство членом Организации Объединенных Наций...».

---

²³⁵ Термин «субъект акта агрессии» в данной связи употребляется в международно-правовом понимании, т.е. описываются действия государства, как субъекта международного права.

²³⁶ Силаева З.В. Признание независимости спорных государств в современной мировой политике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7(13). Ч. I. С. 135.

²³⁷ Strapatas N. Op. cit. P. 185.

²³⁸ Статья 1 Резолюции 1974 г. содержит следующее пояснительное примечание: «В настоящем определении термин «государство» а) употребляется, не предвешая вопроса о признании или вопроса о том, является ли государство членом Организации Объединенных Наций; б) включает там, где это уместно, понятие «группы государств».

В результате остается неясным, охватывает ли ст. 8бис(2) Римского статута случаи совершения акта агрессии непризнанным государством или против такого.

Примером такого государства является Палестина – частично признанное государство, у которого нет четко определенной территории, т.е. границы государства оспариваются. Спорными являются территории Западного берега, сектора Газа и восточного Иерусалима, которые, как отмечает специальный докладчик по вопросам прав человека на палестинских территориях Майкл Линк, оккупированы Израилем с 1967 г.²³⁹

Среди зарубежных правоведов отсутствует единство по вопросу признания Палестины государством для целей международного уголовного права. Так, Ш. Бассиуни считает, что разработчики Статута желали, чтобы термин «государство» в ст. 12 Статута понимался в соответствии с общими правилами международного права²⁴⁰ о государственности²⁴¹. Напротив, профессор Ли Хеён допускает, что «непризнанные государствовподобные образования, не отвечающие традиционному стандарту эффективности государственности, также могут считаться «государствами» для целей международного уголовного права»²⁴².

По нашему мнению, термин «государство» для рассматриваемых целей следует понимать не только как образование, обладающее внешним и внутренним суверенитетом, полнотой власти на всей территории и членством в различных международных организациях, но и такие государственные образования, которые не получили всеобщего международного признания, но

---

²³⁹ Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Palestinian territories occupied since 1967 on the 71-st session. Situation of human rights in the Palestinian territories occupied since 1967. A/71/554. 19 October 2016. Para 41. URL: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-188965/> (дата обращения: 18.01.2022).

²⁴⁰ Под общими правилами международного права профессор Бассиуни подразумевает «критерии Монтевидео» - признаки государства, предопределяющие его признание в качестве субъекта международного права, которые предусмотрены в ст. 1 Конвенции о правах и обязанностях государств от 26 декабря 1933 г. К указанным критериям относят: 1) постоянное население, 2) определенную территорию, 3) правительство и 4) способность к вступлению в отношения с другими государствами.

²⁴¹ Bassiouni M. Response to the opinions expressed by Professors George Fletcher and John Quigley concerning the Palestinian Authority's submission of the Situation in Gaza // ICCForum. 2010: [сайт]. URL: <https://iccforum.com/forum/permalink/7/859> (дата обращения: 18.01.2022).

²⁴² Lee H. Defining “State” for the Purpose of the International Criminal Court: The problem Ahead After the Palestine Decision // University of Pittsburgh L Rev. 2016. Vol. 77. P. 380.

могут быть и выступают субъектами международных отношений. Таким образом, международно-правовое признание или непризнание политического образования государством не должно иметь значения, поскольку такое государство также может совершить акт агрессии. Данная позиция подтверждается ст. 3 Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств, согласно которой политическое существование государства не зависит от признания другими государствами²⁴³. Широкое толкование термина «государство» позволит охватить все возможные случаи актов агрессии и не допустить злоупотребления правом. В связи с указанным, на наш взгляд, необходимо термин «государство» понимать с учетом ст. 1 Резолюции 1974 г.

Негосударственные вооруженные организованные группы также не признаются субъектами акта агрессии, несмотря на то что они представляют угрозу международному миру и безопасности человечества, и война «больше не ведется традиционно между национальными государствами, а доминируют негосударственные субъекты»²⁴⁴.

По мнению Антонио Кассезе, которое заслуживает поддержки, лица, действующие в интересах негосударственных образований, должны привлекаться к уголовной ответственности, если мировое сообщество поставило перед собой цель защиты от серьезных нарушений мира²⁴⁵. Высказывается, однако, и противоположная позиция. Так, профессор МакДугалл не видит признаков того, что государства уступят свое центральное место в международном праве, и полагает, что никаких предпосылок или оснований для распространения понятия преступления агрессии на негосударственных субъектов нет²⁴⁶.

---

²⁴³ Montevideo Convention on the Rights and Duties of States. 26 December 1933. Art. 3 // International Law Students Association [сайт]. URL: <https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup15/Montevideo%20Convention.pdf> (дата обращения: 23.12.2023).

²⁴⁴ Godara K. Crime of aggression: Expanding the relatively narrow parameters of article 8 *bis* of the Rome Statute // *Novum Jus*. 2019. Vol. 13. N 2. P. 154.

²⁴⁵ Cassese A. *International criminal law*. 2nd ed. Op. cit. P. 157.

²⁴⁶ McDougall. *The Crime of Aggression under the Rome Statute*. Op. cit. P. 110.

Соглашаясь с позицией авторов, поддерживающих включение негосударственных вооруженных организованных групп в число субъектов акта агрессии, отметим следующее.

В вопросе ответственности негосударственных субъектов, на наш взгляд, следует различать два аспекта – фактический или юрисдикционный. Под первым мы понимаем объективные условия, обуславливающие назревшую потребность признания негосударственных вооруженных групп в качестве субъектов международного права и международного уголовного права.

Так, статистика вооруженных конфликтов немеждународного характера подтверждает усиливающуюся активную деятельность вооруженных негосударственных субъектов. Согласно данным Женевской академии²⁴⁷, на территории Африки на данный момент существует более 35 вооруженных конфликтов, стороной которых являются вооруженные негосударственные субъекты, а на территории Азии – 19 подобных конфликтов²⁴⁸.

Несмотря на увеличивающуюся активность негосударственных вооруженных групп в международных отношениях, согласованное определение таких групп в каких-либо нормативных актах или правовой доктрине отсутствует.

Изучение международно-правовых норм показывает, что негосударственные вооруженные организованные группы способны быть стороной в немеждународном вооруженном конфликте, определение которого дано в ст. 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). Согласно данному Протоколу, он «... применяется ко всем вооруженным конфликтам... происходящим на

---

²⁴⁷ Женевская академия международного гуманитарного права и прав человека – центр, проводящий правовые и политические исследования в области международного права вооруженных конфликтов, международного права прав человека и обязанностей вооруженных негосударственных субъектов.

²⁴⁸ Geneva Academy Report. Today's Armed Conflicts. URL: <https://geneva-academy.ch/galleries/today-s-armed-conflicts> (дата обращения: 27.07.2022).

территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными вооруженными силами или другими организованными вооруженными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол»²⁴⁹. Из этого положения следует, что для признания в качестве стороны в немеждународном вооруженном конфликте негосударственный субъект должен обладать следующими характеристиками: 1) организованность; 2) вооруженность; 3) наличие ответственного командования; 4) контроль над территорией, позволяющий таким группам непрерывно вести согласованные военные действия.

В ст. 8(2)(f) Римского статута предусмотрено, что к вооруженным конфликтам немеждународного характера относятся вооруженные конфликты между правительственными властями, с одной стороны, и организованными вооруженными группами – с другой, либо между указанными вооруженными группами. Таким образом, в Статуте выделяются только два признака негосударственных групп – вооруженность и организованность.

Клаудия Хофманн и Ульрих Шнекенер предлагают под негосударственными вооруженными группами понимать отдельные организации, которые «i) желают и способны применять насилие для достижения своих целей и ii) не являются частью официальных государственных институтов, таких как регулярная армия, президентская охрана, полиция или специальные силы. Вследствие этого они iii) обладают определенной степенью независимости в части политики, военных операций, ресурсов и инфраструктуры»²⁵⁰. В то же время возможна поддержка этих

---

²⁴⁹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II). 8 июня 1977 г. Ст. 1. // Действующее международное право. Т. 2. М., 1997.

²⁵⁰ Hofmann C., Schnekenner U. Engaging non-state armed actors in state- and peace-building: options and strategies // *International Review of the Red Cross*. 2011. Vol. 93. N 883. P. 604.

групп – скрытая или явная - со стороны государства, что, тем не менее, не исключает их признания в качестве негосударственных вооруженных групп.

На наш взгляд, под негосударственными субъектами для целей дефиниции преступления агрессии следует понимать такие организованные вооруженные группы, которые по своим характеристикам приближаются к государствам, так называемые государство-подобные субъекты. Такая позиция находит поддержку в международно-правовой доктрине²⁵¹. Ярким примером таких групп может служить Хезболла. Ряд государств признает ее террористической организацией. Вместе с тем она в течение длительного времени полностью контролирует юг Ливана, имеет четкую организационную структуру, интегрирована в социально-политическую жизнь Ливана, пользуется поддержкой среди населения Ливана, имеет свою армию и различное вооружение (в том числе, ракеты). Данные характеристики позволяют характеризовать Хезболлу, скорее, как государство-подобную организованную вооруженную группу, нежели террористическую организацию. И если негосударственная группа, подобная Хезболле, т.е. та, которая контролирует часть территории государства (тем временем само государство не контролирует эту территорию вовсе или в незначительной степени), наделена финансовыми и военными средствами для поддержания контроля в течение длительного времени²⁵² и, тем самым, устойчива, совершит акт агрессии, представляется нецелесообразным исключать такие группы и их руководителей из действия международного уголовного права.

Вторым аспектом вопроса ответственности негосударственных вооруженных групп за преступление агрессии является юрисдикционный. Участниками Римского статута могут быть только государства, что

---

²⁵¹ См. например: Weisbord N. Conceptualizing aggression. Op. cit. P. 30 (именует государствоподобные вооруженные группы «политико-военизированными организациями»); Boas A. The definition of the crime of aggression and its relevance for contemporary armed conflict. P. 11 // International Crimes Database. Commentaries. Brief 1. 2013: [сайт]. URL: <https://www.internationalcrimesdatabase.org/upload/documents/20141020T170547-ICD%20Brief%201%20-%20Boas.pdf> (дата обращения: 27.07.2022).

²⁵² АМЛ Р., Вюрцнер К. Вооруженные группы, санкции и имплементация международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. 2008. Т. 90. № 870. С. 172.

предусмотрено уже в Преамбуле Статута: «Государства-участники настоящего Статута...»²⁵³. И если применительно к другим международным преступлениям участников таких организованных групп можно привлечь к ответственности, если они, например, совершили преступление на территории государства-участника, то в случае преступления агрессии, т.е. преступления, совершаемого лидерами государств, распространить юрисдикцию на указанные группы не представляется возможным. Нельзя забывать, что юрисдикция Суда – это делегированная юрисдикция государства, поэтому какое-либо политическое образование должно обладать юрисдикцией, чтобы ее делегировать. Между тем негосударственные субъекты такой юрисдикцией не обладают.

На данном этапе развития международного уголовного права, поскольку негосударственные вооруженные организованные группы, в соответствии с ст. 8бис(2) Римского статута, не признаны субъектами актов агрессии, привлечение их руководителей МУС за преступление агрессии невозможно.

Вместе с тем, с учетом действующих норм, если негосударственная вооруженная организованная группа совершит акт агрессии, ответственность может нести государство посредством применения теории присвоения поведения лица или группы государству - на основании ст. 8 принятых Комиссией международного права ООН²⁵⁴ Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее – Статьи об ответственности)²⁵⁵. Данная статья предусматривает, что поведение лица или группы лиц рассматривается как деяние государства, если эти лица действуют: 1) по указанию либо 2) под руководством или контролем этого государства при осуществлении такого поведения. Однако в таком случае требования к уровню организованности группы меняются. Поскольку Статьи

---

²⁵³ Римский статут. Преамбула.

²⁵⁴ Комиссия международного права ООН учреждена резолюцией A/RES/174(II) в 1947 г. и преследует цель развития и кодификации международного права. В состав Комиссии международного права ООН входят 34 юриста в области международного права.

²⁵⁵ Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts. A/56/49. 12 December 2001. Art. 8 // Yearbook of the International Law Commission Vol. II (Part Two). United Nations, 2001.

об ответственности могут применяться только в случае наличия контроля или руководства со стороны государства над такими группами или последние действуют по указанию государств, группа не должна обладать государственно-подобными характеристиками. Достаточно, чтобы такая группа соответствовала требованиям негосударственной вооруженной организованной группы, предъявляемым в международном гуманитарном праве, т.е., как уже отмечалось, обладала определенной степенью организованности (командная структура и руководящий орган²⁵⁶), контролем над территорией, определенной степенью независимости и вооружением.

Применение теории присвоения на данном этапе позволит привлечь к ответственности руководителей государств, которые используют такие группы для применения силы вследствие недостатков действующих норм международного уголовного права.

Таким образом, установившаяся на мировой арене ситуация явно свидетельствует о необходимости признания негосударственных вооруженных организованных групп в качестве субъектов актов агрессии. Круг таких групп должен быть до ограничен самостоятельных негосударственных групп, которые по своим характеристикам приближены к государственным.

Для целей настоящего диссертационного исследования необходимо отметить, что в процессе разработки дефиниции преступления агрессии до 2001 г. делегации не разделяли *противоправный акт государства и индивидуальный акт субъекта преступления в предлагаемых дефинициях*.

Так, группа арабских государств представила на рассмотрение делегаций следующее определение преступления агрессии: «...преступление агрессии совершается лицом, которое в состоянии осуществлять контроль или способно руководить политическими/военными делами в своем государстве, против другого государства, или лишить других лиц их права на

---

²⁵⁶ АМЛ Р., Вюрцнер К. Указ. соч. С. 170-171.

самоопределение, свободы и независимости²⁵⁷, в нарушение Устава Организации Объединенных Наций, посредством обращения к вооруженной силе для угрозы или нарушения суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости того государства или неотчуждаемых прав этих людей^{258,259}.

Греция и Португалия предлагали под агрессией понимать «использование вооруженной силы, включая вследствие этого и инициирование²⁶⁰, лицом, которое в состоянии осуществлять контроль или руководство военными или политическими действиями государства, против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости государства в нарушение Устава Организации Объединенных Наций»²⁶¹.

С 2001 г. в предложениях от различных делегаций прослеживается разделение противоправного акта государства и индивидуального акта субъекта преступления. Четкое их разграничение произошло в июле 2002 г. Сильвия Фернандес де Гурменди, председатель Ассамблеи государств-участников Римского статута, выдвинула на обсуждение документ Координатора встречи представителей государств, в котором в самостоятельном пункте было закреплено определение акта агрессии как противоправного акта государства. Такое решение методологически стало значительным шагом вперед.²⁶²

---

²⁵⁷ Довольно интересным представляется то, что это единственное предложение, в котором преступление агрессии охватывает не только противоправные действия государства в отношении другого государства, но и посягательство на упомянутые права людей.

²⁵⁸ Proposal by Arab States on the First Session of the Preparatory Commission. February 1999 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 335.

²⁵⁹ Здесь и далее материалы подготовительных работ и нормативные источники международного и международного уголовного права приведены в авторском переводе.

²⁶⁰ В пояснительной записке к выдвинутому предложению делегации пояснили, что этапы планирования и подготовки агрессивной войны в предложении не отражены, так как они и так содержатся в ст. 25 Римского статута (формы индивидуальной уголовной ответственности). Что касается термина «инициирование», то его отражение в дефиниции – дань исторической традиции, так как «он отдельно отмечен как в ст. 6(a) Устава МВТ, так и в последующих документах, касавшихся агрессии».

²⁶¹ Proposal by Greece and Portugal on the Sixth Session of the Preparatory Commission. November/December 2000

// Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 375.

²⁶² Barriga S. Negotiating the Amendments on the crime of aggression // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 10.

Таким образом, при разработке определения акта агрессии и его видов за основу была принята Резолюция 1974 г. Вместе с тем недостатки, содержащиеся в резолюции, сохраняются и в настоящее время.

2) Покушение на совершение акта агрессии. Дискуссия²⁶³ о возможности установления ответственности за покушение на совершение акта агрессии возникла в 2005 г. и продолжилась в 2006 г., наряду с проблемой покушения на индивидуальный акт преступления агрессии. Мнения разделились по существу вопроса: является ли завершённый акт агрессии обязательным условием для привлечения лица к уголовной ответственности за преступление агрессии?

Высказывались различные позиции. В частности, сторонники включения считали, что концепция покушения очень широкая и увеличит круг актов, которые будут охвачены определением, и, вследствие этого, полезна, поскольку подтверждает необходимость дополнительного порогового требования²⁶⁴. Кроме того, в Статуте и в предлагаемых проектах ст. 8бис также содержались ограничительные механизмы: полномочия Прокурора «анализировать конкретную ситуацию и не расследовать несущественные случаи покушения» с одной стороны, и полномочия Совета Безопасности²⁶⁵ устанавливать наличие или отсутствие акта агрессии²⁶⁶ с другой. В качестве примеров покушения на акт агрессии приводились случаи неудачного запуска государством-агрессором ракет в сторону государства-

---

²⁶³ Первое упоминание проблемы покушения на акт агрессии содержится еще в предложении Колумбии 2002 г. Тогда Колумбия выразила сомнения о возможности покушения на акт агрессии (отметив, параллельно, что покушение на индивидуальный акт возможно).

²⁶⁴ Report of the Third Princeton Meeting. June 2006 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 503.

²⁶⁵ Согласно новой ст. 15бис(6) Римского статута, когда Прокурор приходит к выводу о том, что имеется разумное основание начать расследование, он должен сначала выяснить, вынес ли Совет Безопасности определение в отношении акта агрессии. Если Совет Безопасности вынес такое определение, Прокурор может начать расследование (ст. 15бис(7) Статута); если же такого определения нет в течении 6 месяцев с момента уведомления, Прокурор может начать расследование, но только при условии наличия санкции Палаты предварительного производства на начало расследования и при отсутствии решения Совета Безопасности об отсрочке расследования, согласно ст. 16 Статута (ст. 15бис(8) Статута).

²⁶⁶ Report of the Second Princeton Meeting. June 2005 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 456.

жертвы, когда они не достигли цели или были сбиты, не долетев до территории государства-жертвы²⁶⁷.

Противники же покушения на акт агрессии государства считали, что требование о том, чтобы государство *совершило* акт агрессии, содержится в ст. 39 Устава ООН²⁶⁸. Приводимые сторонниками допустимости привлечения к уголовной ответственности и в отсутствие оконченного акта агрессии примеры отвергались. По мнению данной группы делегаций, запуск ракет, которые не достигли цели, «представляли бы собой применением вооруженной силы и охватывались бы резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи, независимо от того, были ли они осуществлены успешно или нет»²⁶⁹. Что касается ракет, которые были сбиты, не долетев до территории государства-жертвы, они также признавались применением вооруженным силы: «...нападение было нейтрализовано за пределами национальной территории, что должно признаваться завершенным актом агрессии; характеристики современной войны свидетельствуют о том, что пересечение границ территории не является обязательным условием совершения акта агрессии... резолюция Генеральной Ассамблеи 3314 (XXIX) требует не пересечения территориальной границы вооруженными силами государства, а применения вооруженной силы против суверенитета, территориальной целостности или политической независимости другого государства»²⁷⁰.

Обсуждение данного вопроса завершилось в 2006 г., когда было принято решение *не закреплять* покушение на акт агрессии в новом определении. Принятое решение было отражено в пункте 3 Элементов преступлений к преступлению агрессии, который включает формулировку

---

²⁶⁷ Ibid. P. 503.

²⁶⁸ В продолжение этого аргумента даже предлагалось исключить планирование и подготовку как действия объективной стороны преступления агрессии. Однако этот аргумент был отклонен, т.к. делегации пришли к выводу, что эти действия относятся к «акту участия отдельного лица в совершении преступления агрессии, а не к акту государства» (...the view was expressed that the phrase referred to the acts of participation of an individual in the commission of a crime of aggression rather than the act of State). См.: Report of the Third Princeton Meeting. June 2006 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 502.

²⁶⁹ Report of the Third Princeton Meeting. June 2006 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 503.

²⁷⁰ Ibid. P. 503.

«был совершен акт агрессии». Делегация от Австралии, которая сыграла решающую роль в разработке Элементов к преступлению агрессии, отмечала, что пункт 3 был введен в том числе с целью разъяснить, что совершенный акт агрессии является предварительным условием наступления уголовной ответственности²⁷¹.

При обсуждении рассматриваемого вопроса делегации неоднократно отмечали, что он будет, скорее, теоретическим, поэтому не требует длительных дискуссий. Вместе с тем смущение вызывает отнесение приведенных примеров к завершенным актам агрессии государства. Возникает вопрос – какие именно действия государства могут в таком случае подпадать под покушение на акт агрессии? Будет ли, например, «стягивание войск на границу с предполагаемым государством-жертвой покушением на акт агрессии или для этого нужно пересечь границу»²⁷²? А сосредоточение войск вокруг порта для его блокады? Согласно высказанной на Принстонских встречах позиции, эти действия государства будут считаться завершенными актами агрессии.

С одной стороны, такое понимание противоречит концепции «покушения» (которая предполагает начало выполнения объективной стороны) и на практике становится невозможным привести примеры, которые подпадали бы под покушение на акт агрессии. Однако, с другой стороны, в такой логике видится признание делегациями особой опасности актов агрессии для всего международного сообщества. И, в связи с этим, принятое делегациями решение представляется верным. Кроме того, важно отметить, что «ни одно из решений, сформировавших Нюрнбергский и Токийский прецедент по преступлениям против мира, не дает оснований для вывода о том, что индивидуальная уголовная ответственность может простираться так далеко»²⁷³.

---

²⁷¹ Anggadi F., French G., Potter J. Negotiating the Elements of the Crime of Aggression // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 69.

²⁷² Report of the First Princeton Meeting. June 2004 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 436.

²⁷³ Kreß C. The State Conduct Element. Op. cit. P. 540.

Аналогично, в практике Совета Безопасности или Генеральной Ассамблеи отсутствуют случаи признания покушения на применение государством вооруженной силы агрессией. Кроме того, следует иметь в виду, что делегации предусмотрели дополнительное пороговое требование²⁷⁴ для преступления агрессии, т.е. акт агрессии должен достигать уровня грубого нарушения Устава ООН в силу своего характера, серьезности и масштаба. В связи с этим, сложно представить покушение на акт агрессии, которое достигало бы требуемого порогового уровня.

Следует также отметить, что требование об обязательном совершении акта агрессии государством содержалось и в Проекте Кодекса преступлений против мира и безопасности 1994 г. (далее – Проект Кодекса). Так, комментарий к п. 2 ст. 23 Проекта Кодекса 1994 г. поясняет, что акт агрессии должен быть совершен и Совет Безопасности должен установить этот факт (только после этого Международный уголовный суд, который будет создан, может рассматривать это дело)²⁷⁵. А в Проекте Кодекса 1996 г. комментарий прямо указывает, что нарушение государством запрета применения силы посредством агрессии – *conditio sine qua non* для возможного привлечения лица к ответственности за преступление агрессии²⁷⁶.

Таким образом, согласно Элементам преступлений к преступлению агрессии и подготовительным работам, ст. 8бис Статута не распространяется на покушение на акт агрессии.

3) Пороговое требование. Статья 8бис(1) Римского статута закрепляет, что любой акт агрессии государства должен быть таких масштаба, серьезности и характера, чтобы достигать уровня грубого нарушения Устава ООН. За включение данного специального требования выступало большинство государств. Причины назывались разные: 1) МУС призван рассматривать только самые тяжкие преступления, а данное

---

²⁷⁴ Подробнее об этом далее в работе.

²⁷⁵ International Law Commission Draft Statute for an International Criminal Court. 1994 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 193.

²⁷⁶ International Law Commission Draft Code of Offences. 1996 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 199.

требование позволит исключить незначительные пограничные стычки²⁷⁷ и включить только акты, которые бесспорно нарушают положения Устава ООН²⁷⁸; 2) из юрисдикции Суда исключаются дела, которые не достигают требуемого уровня тяжести и попадают в «серую зону» (такие как, например, гуманитарная интервенция)²⁷⁹.

Профессор К. МакДугалл приходит к выводу, что «намерением по крайней мере части государств состояло в том, что ссылка на «явное нарушение» в ст. 8бис(1) Римского статута требует не только того, чтобы акт агрессии соответствовал определенному уровню серьезности, но и того, чтобы акт агрессии представлял собой неоспоримое правовое нарушение Устава ООН»²⁸⁰, поскольку ряд делегаций, участвовавших в обсуждении дефиниции преступления агрессии предлагали установить пороговое требование с целью «исключения, в дополнение к актам недостаточной серьезности, такое применение силы, законность которого является предметом подлинных дебатов»²⁸¹. Таким образом, делегации стремились исключить такие акты агрессии, серьезность которых не была очевидной.

При этом была и группа государств, выступавшая против такого ограничения, поскольку любой акт агрессии уже тяжкий и является грубым нарушением Устава ООН, поэтому нельзя исключать какие-либо акты агрессии из-под юрисдикции Суда. Да и сама формулировка порогового требования, скорее, создает еще больше дискуссий, так как является очень двусмысленной и широкой²⁸². Были и такие делегации, которые не возражали непосредственно против формулировки порогового требования, но и не возлагали на нее особых надежд, ведь Римский статут уже содержит общее

---

²⁷⁷ Report of the Third Princeton Meeting. June 2006 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 499.

²⁷⁸ McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Op. cit. P. 126.

²⁷⁹ Report of Special Working Group on the Crime of Aggression. June 2008 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 606.

²⁸⁰ McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Op. cit. P. 126.

²⁸¹ Barriga S. Negotiating the Amendments on the Crime of Aggression. Op. cit. P. 29.

²⁸² Report of Special Working Group on the Crime of Aggression. June 2008 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 607; Statement by Cuba as Observer State after the adoption of resolution RC/Res.6 on the crime of aggression // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 814.

требование о достижении любым преступлением, входящим в предметную юрисдикцию Суда, определенного уровня тяжести (ст. 17 Статута).

Согласно установленному в Римском статуте требованию, акт агрессии признается грубым нарушением Устава ООН из-за соответствия определенным количественным и качественным критериям: 1) характеру, 2) масштабу и 3) серьезности. При этом ни в самом определении преступления агрессии, ни в Элементах преступлений к преступлению агрессии или Положениях о понимании не содержится определения или пояснения содержания этих критериев.

Из материалов подготовительных работ²⁸³ и доктрины²⁸⁴ следует, что «характер» акта агрессии, как качественный признак, требуется для исключения незначительных пограничных столкновений и ситуаций, подпадающих под «серую правовую зону». Однако некоторые ученые полагают, что этот признак настолько неопределенный, что закреплять его в ст. 8бис Статута нет необходимости²⁸⁵. Признак *серьезности* акта агрессии, будучи количественным признаком, предполагает наступление таких существенных последствий, как большое количество жертв, значительные разрушения, порабощение и эксплуатация населения в течение длительного периода времени²⁸⁶. *Масштаб* акта агрессии, также выступающий количественным признаком, может выражаться в объеме мобилизованных ресурсов и уровне планирования акта агрессии²⁸⁷ или географическом охвате²⁸⁸.

При определении понятий порогового требования важно не смешивать их с уже закрепленными в Римском статуте критериями широкомасштабности или крупномасштабности, предусмотренными для

---

²⁸³ Anggadi F., French G., Potter J. Negotiating the Elements of the Crime of Aggression // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 76.

²⁸⁴ Van Schaack B. The Crime of Aggression and Humanitarian Intervention on Behalf of Women // Int'l Crim. L. Rev. 2011. N 3. P. 481; Trahan J. A Meaningful Definition of the Crime of Aggression: A Response to Michael Glennon // University of Pennsylvania J. Int'l L. 2012. Vol. 33. P. 936, 937.

²⁸⁵ Paulus A. A. Second Thoughts on the Crime of Aggression // Eur. J. Int'l L. 2009. Vol. 20. P. 1121.

²⁸⁶ Proposal by Germany on the Sixth Session of the Preparatory Commission. November/December 2000 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 369.

²⁸⁷ Miller K. Op. cit. P. 238.

²⁸⁸ Petty K. Op. cit. P. 118.

преступлений против человечности (ст. 7) и военных преступлений (ст. 8) соответственно, а также с термином «серьезность», который в Статуте отвечает за общий пороговый уровень, которому должно соответствовать любое международное преступление для действий со стороны Суда (ст. 17(1)(d) Статута).

На наш взгляд, масштабным следует признавать такой акт агрессии, который охватывает значительную по площади территории одного государства или небольшие участки территорий, но нескольких государств. Так, бомбардировки вооруженными силами будут масштабными, если ими была охвачена значительная территория государства (как, например, при атаке НАТО Югославии).

Масштабным будет признаваться и такое вооруженное нападение, которое охватывает незначительную географическую площадь территории одного государства, но в последнем случае акт агрессии должен сопровождаться такими интенсивными действиями, как, например, массированные обстрелы, или действия, которые будут длительными по времени. Кроме того, если акт агрессии осуществляется на незначительной части территории, также следует учитывать последствия от такого акта, которые охватываются другим критерием порогового требования – серьезность. Серьезным будет акт агрессии, который привел к многочисленным жертвам, значительным разрушениям, а также, например, к массовой миграции населения государства в соседние страны.

Характер акта агрессии, как следует из намерения разработчиков, должен исключать неявные случаи применения силы, среди которых гуманитарная интервенция и пограничные стычки. Вместе с тем общий порог тяжести международных преступлений и перечень актов агрессии, закрепленные в ст. 8бис(2) Статута, уже исключают незначительные пограничные стычки.

Применительно к вопросу о гуманитарной интервенции следует отметить следующее. К настоящему времени доктрина о гуманитарной

интервенции не нашла своего отражения ни в одном международном или национальном нормативном акте. В зарубежной и отечественной литературе также не существует какого-либо общего определения данного понятия. Большинство авторов выделяют следующие признаки любой гуманитарной интервенции: 1) специальная цель - защита населения того государства, в отношении которого применяется сила; 2) применение вооруженной силы; 3) сила применяется без согласия государства, в отношении которого осуществляется интервенция; 4) отсутствие санкции на данные действия со стороны Совета Безопасности ООН²⁸⁹.

Отсутствие в международном праве нормы, предоставляющей право на обращение к гуманитарной интервенции, и отсутствие, вместе с тем, ответственности за нее, позволяет отнести такое применение вооруженной силы к «серой правовой зоне». Поскольку гуманитарная интервенция сопряжена с применением силы, в процессе разработки дефиниции преступления агрессии возник вопрос о том, охватывает ли агрессия применение силы в гуманитарных целях. Несмотря на то, что делегации не рассмотрели детально данный вопрос и не пришли к единому мнению, Ной Вейсборд считает, что материалы подготовительных работ прямо свидетельствуют о нежелании делегаций признавать гуманитарные интервенции достигающими уровня грубого нарушения Устава ООН и подпадающими под ст. 8бис Статута²⁹⁰. Такая позиция находит поддержку в доктрине международного уголовного права²⁹¹.

В отсутствие определенности по данному вопросу, возникает вопрос о целесообразности закрепления такого критерия порогового требования, как «характер». Очевидно, что в случаях, когда государство применяет силу в отношении другого государства, необходимо в первую очередь оценивать правомерность применения такой силы.

---

²⁸⁹ Дзейтова Р.Б. Преступление агрессии и гуманитарная интервенция // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1(164). С. 262-263.

²⁹⁰ Weisbord N. Judging aggression. // Columbia J. Trans'l L. 2011. Vol. 50. P. 165.

²⁹¹ См., напр.: Trahan J. The Rome Statute's Amendment on the Crime of Aggression Negotiations at the Kampala Review Conference.

Как известно, в международном праве предусмотрено только два случая правомерного применения силы – необходимая оборона (ст. 51 Устава ООН) и принудительные меры (ст. 41 Устава ООН)²⁹². Если будет установлено, что применение силы неправомерно, то вопрос о том гуманитарная ли это интервенция или нет, естественно, не возникнет. В связи с этим критерий «характер» акта агрессии представляется излишним²⁹³.

Пороговое требование установлено не только в Римском статуте, но и в Положениях о понимании поправок к Римскому статуту. Так, в Положении 7 содержится правило установления наличия *явного* нарушения Устава ООН: существует понимание, что для установления того, является ли факт агрессии явным нарушением Устава ООН, трех компонентов – характера, тяжести и масштаба - должно быть достаточно для того, чтобы подкрепить определение нарушения как «явного»; и ни один компонент сам по себе не является достаточно значимым для того, чтобы соответствовать стандарту явного нарушения²⁹⁴. Исходя из приведенной формулировки, неясно, сколько критериев необходимо установить для констатации явного нарушения Устава ООН: все три или достаточно двух (серьезности и масштаба).

Интересным является тот факт, что это понимание было предложено делегацией от США и имело другую формулировку. В частности, в

---

²⁹² Принудительные меры, предусмотренные главой VII Устава ООН, применяются в определенных обстоятельствах и в определенной последовательности. При наличии угрозы миру, любого нарушения мира или совершении акта агрессии, СБ ООН может потребовать от заинтересованных сторон выполнить необходимые или желательные, по его мнению, временные меры (ст. 40 Устава ООН) для предотвращения ухудшения ситуации или сразу перейти к рекомендации или решению о том, какие меры предпринять для поддержания мира или восстановления международной безопасности (ст. 39 Устава ООН). В первую очередь применяются меры, не связанные с использованием вооруженных сил, перечень которых открыт и к которым могут относиться, например, полный или частичный перерыв экономических отношений и разрыв дипломатических отношений. При их неэффективности СБ ООН обращается к вооруженным средствам. Последние, в соответствии с международно-правовой доктриной, проводятся международными силами, организованными ООН (оказание военной помощи для защиты территории Конго от агрессии со стороны Бельгии в 1960-1964 гг.); государствами-членами ООН, но с санкции СБ ООН (во время оккупации Ираком Кувейта в 1990-1991 гг.); региональными органами с санкции СБ ООН. См., например: Ширёва И.В. К вопросу о применении принудительных мер ООН в целях защиты прав человека // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2009. № 1. С. 98.

²⁹³ Несмотря на то, что, по нашему мнению, «характер» следует исключить из ст. 8бис(1) Статута, далее по тексту работы анализ преступления агрессии по ст. 8бис и предложения о внесении изменений будет произведен исходя из действующих положений Римского статута и Положений о понимании.

²⁹⁴ Следует отметить, что в русскоязычной версии Резолюции RC-Res/6 используется два варианта перевода слова “manifest”, содержащегося в англоязычной версии: «грубый», который используется непосредственно в определении преступления агрессии в ст. 8бис(1) и «явный» - в Положении 7 о понимании преступления агрессии.

первоначальной формулировке предусматривалось: “It is understood that in determining whether an act is manifest, *all three* components of character, gravity and scale must be sufficient to justify a ‘manifest’ determination. *Satisfaction of one criterion could not by itself be sufficiently severe to meet the ‘manifest’ standard*”²⁹⁵ (курсив мой. – Р.Д.). Таким образом, США предпочитали, чтобы все 3 критерия были установлены. Впоследствии указанная формулировка по предложению Канады была удалена и, для достижения консенсуса, по предложению США добавили второе предложение Положения 7 («Ни один компонент сам по себе не является достаточно значимым для того, чтобы соответствовать стандарту явного нарушения»)²⁹⁶.

С одной стороны, отказ от прямого закрепления обязательного установления всех трех компонентов по предложению США означает, что достаточно установить и два компонента. Однако с другой стороны, наличие даже двух компонентов не означает, что пороговое требование достигается *автоматически* и причиной тому - второе предложение Положения 7: утверждение о том, что ни один компонент сам по себе не является достаточным для установления наличия явного нарушения, не означает, что МУС уже при наличии двух из трех компонентов должен признать применение силы очевидно противоправным; напротив, Суд должен всегда смотреть на присутствие всех трех компонентов, пусть и в разной степени²⁹⁷. На основе этого профессор МакДугалл приходит к выводу, что Суд, для установления факта достижения актом агрессии порогового требования, должен решить, является ли совокупность характера, серьезности и масштаба противоправным и серьезным актом²⁹⁸.

Иной точки зрения придерживается Дж. Рут, отмечая, что грамматический анализ ст. 8бис(1) Статута позволяет сделать вывод о

---

²⁹⁵ «Понятно, что при определении того, является ли акт грубым нарушением, всех трех компонентов – характер, тяжесть и масштаб, должно быть достаточно, чтобы обосновать наличие «грубого» нарушения. Наличие одного критерия само по себе не является достаточно значимым для того, чтобы соответствовать стандарту «грубого» нарушения».

²⁹⁶ McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Op. cit. P. 129.

²⁹⁷ Kreß C., Von Holtendorff L. The Kampala Compromise on the Crime of Aggression // J. Int'l. Crim. Justice. 2010. N 8. P. 1207.

²⁹⁸ McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Op. cit. P. 130.

необходимости применять все три критерия, тем временем Положение 7 ограничивается двумя, и, вместо того, чтобы ограничить сферу применения ст. 8бис Статута, как того хотела делегация от США, Положение 7, напротив, может ее расширить²⁹⁹.

Нормативные акты не дают ответ на вопрос, какие конкретно акты агрессии будут соответствовать пороговому требованию, и этот вопрос остается на усмотрение МУС. При этом, как пишет Герхард Верле, очевидно, что бомбардировка территории другого государства, которая сопровождается человеческими жертвами и существенным ущербом имуществу государства-жертвы, будет отвечать пороговому требованию агрессии, в отличие от, к примеру, блокады портов или простого нахождения на территории другого государства без его согласия, которая будет признана актом агрессии на основе ст. 3 Резолюции, но никак не преступлением агрессии по ст. 8бис Римского статута³⁰⁰.

Важно отметить, что пороговое требование также существенно осложняет возможность привлечения к ответственности за киберагрессию, поскольку на практике пока неизвестны кибератаки, которые были бы таких характера, серьезности или масштаба, чтобы признаваться *грубым нарушением* Устава ООН.

Изучение порогового требования ст. 8бис Римского статута позволяет проанализировать вопрос о контекстуальном элементе преступления агрессии.

В процессе разработки вопрос о контекстуальном элементе преступления агрессии не был рассмотрен отдельно, хотя многие делегации в качестве такового признавали акт агрессии³⁰¹. По мнению ряда зарубежных

---

²⁹⁹ Root J.L. First Do No Harm: Interpreting the Crime of Aggression to Exclude the Humanitarian Intervention // University of Baltimore J. Int'l L. 2013. Vol. 2. P. 87.

³⁰⁰ Werle G. Op.cit. P. 411.

³⁰¹ Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression / Ed. by C. Kreß, S. Barriga. Cambr., 2011. P. 464.

правоведов, акт агрессии правильнее относить к последствиям преступления агрессии, нежели чем к контекстуальному элементу³⁰².

На наш взгляд, акт агрессии является контекстуальным элементом преступления агрессии, но только когда он достигает требуемого порогового уровня. Контекстуальный элемент – это то, что позволяет назвать любое преступное деяние международным и отличает данное преступление от других – закрепленных в национальном праве или преступлений международного характера. И если посмотреть на уже упомянутые преступления против человечности, то от обычного убийства или преследования, например, по политическим мотивам, их отличает именно особый масштаб, серьезные последствия, которые позволяют говорить о достижении определенного уровня тяжести, для признания их международными преступлениями.

В отношении преступления агрессии, делегации, пришли к выводу, что совершение любого из предусмотренного в ст. 8бис(2) Статута акта агрессии недостаточно для установления ответственности за преступление агрессии, поскольку он не достигает требуемого уровня тяжести и установили для него дополнительное пороговое требование. В связи с этим, на наш взгляд, контекстуальным элементом будет именно акт агрессии, достигающий уровня грубого нарушения Устава ООН, а не просто акт агрессии.

Формулировка порогового требования вызывает заслуженную критику.

В первую очередь, ст. 8бис Статута предусматривает ряд критериев, содержание которых не определено. При этом практическая ценность и эффективность критерия характера акта агрессии вызывает сомнения. Любые спорные случаи применения силы уже исключены определением преступления агрессии, вследствие чего этот критерий предлагается исключить.

Недостатком порогового требования является также отсутствие четкого указания на требуемое количество критериев порогового требования для

---

³⁰² См., например: Hajdin N. *The actus reus of the crime of aggression* // *Leiden J Int'l L.* 2021. Vol. 34. P. 502.

установления наличия грубого нарушения Устава ООН. На наш взгляд, для установления грубого нарушения Устава ООН необходимо установить серьезность и масштаб акта агрессии. Вместе с тем возникают опасения касательно смещения деятельности в сторону преимущественно анализа акта агрессии, т.е. законности действий государства по международному праву, нежели преступления агрессии.

На основании вышеизложенного можно сделать **следующие выводы**. Несмотря на то, что дефиниция преступления агрессия является достижением мирового сообщества и результатом многолетнего труда, формулирование материального элемента этого преступления в международных документах обладает определенными недостатками.

Определение акта агрессии для целей ст. 8бис Статута полностью повторяет понятие акта агрессии, закрепленное в ст. 1 и 3 Резолюции 1974 г. Однако недостатки определения акта агрессии Резолюции 1974 г. полностью повторяются и в новом определении агрессии.

Так, понятие акта агрессии не закреплено в международном обычном праве, а попытки различных международных органов, в частности Международного суда ООН, Совета Безопасности ООН – главного органа, обеспечивающего международный мир и безопасность, и Генеральной Ассамблеи ООН, определить его точное содержание не увенчались успехом.

Кроме того, перечень актов агрессии следует признать устаревшим, поскольку агрессия качественно видоизменяется и приобретает различные формы, которые необходимо отразить в указанном перечне. Одной из таких форм является киберагрессия, которая может быть включена в перечень актов агрессии, несмотря на требования, предъявляемые к контекстуальному элементу преступления агрессии.

Неопределенность возникает и при толковании термина «государство» для целей агрессии, а именно охватывает ли оно непризнанные государства или нет. Стоит положительно оценить наметившуюся тенденцию, направленную на включение непризнанных государств, которые не получили

повсеместного международного признания в качестве равноправного субъекта международного права, но обладают ключевыми атрибутами государственности. Расширенное толкование термина «государство» нам представляется верным, поскольку непризнанные государства способны совершить акт агрессии, наряду с признанными государствами. Более того, количество непризнанных государств за последние десятилетия увеличилось, и они становятся активными субъектами международных отношений.

В настоящее время государства не являются единственными субъектами ведения военных действий. Все активнее к вооруженной силе обращаются негосударственные организованные вооруженные группы. Их активная вооруженная деятельность представляет признанную угрозу международному миру и безопасности человечества, а способность совершить акты агрессии не подвергается сомнению. В случае, если деятельность негосударственных вооруженных организованных групп осуществляется под контролем или руководством государств или по указаниям государств, то лидеров таких государств можно привлечь за совершение преступления агрессии на основе теории присвоения поведения.

Что касается дополнительного порогового требования, трансформирующего противоправный акт государства в преступление агрессии, его содержание размыто, а критерии – характер, серьезность и масштаб – в настоящее время не определены. Масштабный акт агрессии, на наш взгляд, должен охватывать значительную по площади географическую территорию государства. Акт агрессии может охватывать и незначительную по площади территорию, но нескольких государств для признания его масштабным. Если же акт агрессии совершается на незначительной части территории одного государства, то он дополнительно должен быть длительным по времени или интенсивным по применяемому оружию. Серьезным будет признаваться акт агрессии, повлекший различного рода тяжкие последствия: жертвы среди населения, значительный имущественный ущерб, тяжкие сопутствующие последствия в виде потока беженцев.

Толкование содержания критерия «характер», по нашему мнению, будет сопряжено с серьезными трудностями.

Что касается проблемы требуемого количества критериев для установления уровня грубого нарушения Устава ООН, то требуется установить наличие обоих критериев - масштаба и серьезности.

Любое преступление приобретает международное измерение в связи с таким обязательным элементом, как контекстуальный элемент (контекстные обстоятельства). В отличие от других международных преступлений, контекстуальные элементы которых установлены нормативно и выработаны практикой, контекстуальный элемент преступления агрессии не установлен. На наш взгляд, таковым является акт агрессии государства (в том числе и непризнанного) или негосударственной организованной вооруженной группы, достигающий порогового уровня.

В целом, применение норм об ответственности за преступление агрессии на практике осложняется тем, что органы ООН не смогли выработать четкого и однозначного понимания акта агрессии даже спустя 50 лет после закрепления определения данного термина в Резолюции 1974 г.

3.2. Индивидуальный акт

В соответствии с ст. 8бис(1) Римского статута преступление агрессии может быть выражено в таких действиях, как **планирование, подготовка, инициирование**³⁰³ или **осуществление акта агрессии**, обладающего рассмотренными выше признаками, включая пороговое требование. При этом совершения одного из предусмотренных действий достаточно для привлечения к ответственности.

Вместе с тем Римский статут или Поправки к элементам преступлений содержание данных действий не раскрывают. Указанные альтернативные действия были предусмотрены и в ст. 6(а) Устава МВТ, предусматривающей

---

³⁰³ В англоязычной версии ст. 6(а) Устава МВТ употребляется термин “initiation” (и он же употребляется в ст. 8бис Статута). В русскоязычной для описания этого действия объективной стороны используются два термина: «развязывание» для ст. 6(а) Устава МВТ и «инициирование» для ст. 8бис Статута.

ответственность за преступление против мира, с той лишь разницей, что согласно Уставу МВТ, наказывалось ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений (waging), а в ст. 8бис Римского статута речь идет об осуществлении акта агрессии (execution). Кроме того, наряду с планированием, подготовкой, развязыванием или ведением агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений (Пункт 2 обвинения) статьей 6(a) Устава МВТ наказывалось и участие в общем плане или заговоре, направленных на осуществление любого из вышеперечисленных действий (Пункт 1 обвинения).

Несмотря на то, что ст. 6(a) Устава МВТ предусматривает ответственность за агрессивную войну, полагаем, что для определения содержания действий материального элемента можно обратиться к практике МВТ.

Отметим, что МВТ был не единственным трибуналом, который осуществлял уголовное преследование за преступления против мира. После уголовного процесса над главными военными преступниками³⁰⁴, окончившегося вынесением 1 октября 1946 г. приговора, СССР, США, Франция и Великобритания провели дополнительные процессы в своих оккупационных зонах на территории Германии и Австрии. Правовой основой таких процессов стал Закон Контрольного совета Германии от 20 декабря 1945 г. № 10, который был принят «с целью дополнения деятельности Международного военного трибунала и предоставления права судам, учрежденным в зонах влияния союзников, преследовать военных

---

³⁰⁴ По мнению А.И. Полторака, главными военными преступниками были лица, которые одновременно отвечали следующим требованиям: 1) территориальный критерий (эти лица совершали преступления на территории двух и более государств), который обязательно применялся наряду с критерием масштаба преступлений (главным военным преступником признавалось и лицо, совершившее тяжчайшие по характеру и масштабу преступления, но на территории одной страны); 2) субъективный критерий (лицо занимает такое положение, которое позволяло бы ему а) быть информированным об общем плане или заговоре и б) оказывать влияние на осуществление целей заговора в любой форме соучастия и в любом качестве соучастника). См.: Полторака А.И. Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы. М., 1966. С. 33.

преступников, вне зависимости от места совершения преступления»³⁰⁵. США создали на своей оккупационной территории (г. Нюрнберг) Нюрнбергский военный трибунал (далее – НВТ) и в период с 1946 г. по 1949 г. провели еще 12 судебных процессов, так называемые «последующие» или «малые» Нюрнбергские процессы, в отношении остальных нацистских преступников (например, врачей, юристов или членов айнзацгрупп). В данной работе будут проанализированы следующие дела, рассмотренные НВТ: дело руководителей министерств Германии, дело Верховного военного командования, а также дело Промышленников. Кроме того, действовал Трибунал по Дальнему Востоку, который осуществлял уголовное преследование японских военных преступников в период с 1946 г. по 1948 г.

Переходя к изучению действий материального элемента преступления агрессии, стоит отметить следующее. Статьей 6(а) Устава МВТ Трибунал решил, в первую очередь, объединить и рассмотреть вопросы наличия общего плана и агрессивной войны, после чего перешел к установлению индивидуальной уголовной ответственности³⁰⁶, поскольку по обоим пунктам обвинения были представлены одни и те же доказательства, да и по своей сути они представляли собой одно и то же³⁰⁷. Поэтому для понимания криминализованных действий в данной работе будет одновременно рассмотрено и участие в общем плане или заговоре.

Трибунал не привел определение планирования или подготовки, как и развязывания и ведения агрессивной войны. Более того, обвинитель Р. Джексон в своей заключительной речи не выделял планирование или развязывание агрессивной войны, уделив внимание лишь ее подготовке и ведению³⁰⁸.

Однако применительно к планированию Трибунал обозначил, какие действия не должны таковыми признаваться. В частности, рассматривая

---

³⁰⁵ Степанов П.П. Современные военные преступления: их причины и меры противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 65-66.

³⁰⁶ 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 186.

³⁰⁷ Historical Review of Developments relating to Aggression. United Nations. New York. 2003. P. 31. URL: <https://www.un.org/law/books/HistoricalReview-Aggression.pdf> (дата обращения: 19.07.2021).

³⁰⁸ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8 т. Т. 8 / отв. ред. Н.С. Лебедева. М., 1999. С. 300.

вопрос об ответственности за общий план или заговор, Трибунал отметил, что простое объявление, например, партийной программы, как это было сделано в Германии в 1920 г. нацистской партией, или признание политических утверждений, выраженных в работе А. Гитлера «Mein Kampf», уголовно наказуемым планированием не признается. Необходимо установить наличие конкретного плана развязать войну, причем в случае с рассматриваемым делом, было разработано несколько отдельных планов³⁰⁹. Вместе с тем разницу между планированием и подготовкой МВТ не провел.

Так, анализируя правовую основу общего плана или заговора и описывая действия, составляющие *планирование*, Трибунал прямо предусматривает, что эти действия являются и планированием, и *подготовкой*. Если говорить о действиях, которые могли, по мнению суда, составлять планирование, то «планирование и подготовка осуществлялись систематически на каждом этапе истории»: установление нацистского режима и контроля над всеми сферами жизни, преследование евреев, выход Германии из Всемирной конференции по разоружению и Лиги Наций в 1933 г., тайное перевооружение, экономическая перестройка на военный лад, планирование и осуществление акта агрессии в отношении Австрии и Чехословакии, сопровождавшегося планированием и развязыванием уже агрессивной войны в отношении Польши и 10 других стран³¹⁰. Как отмечал главный обвинитель от СССР Роман Андреевич Руденко в своей заключительной речи, подготовка началась уже с того момента, когда фашисты захватили государственную власть и использовали ее для своих преступных целей³¹¹. Таким образом, судом вне всяких сомнений было установлено продолжительное планирование, целью которого было развязывание агрессивной войны.

Рассматривая вопрос уголовной ответственности отдельных обвиняемых, МВТ признал, что для привлечения их к ответственности

---

³⁰⁹ 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 225.

³¹⁰ Ibid. P. 224-225.

³¹¹ Нюрнбергский процесс. Т. 8. Указ. соч. С. 471.

необходимо установить роль каждого из участников в этом плане³¹². Так, Г. Геринг был ближайшим соратником А. Гитлера и одним из наиболее влиятельных людей в нацистской Германии, присутствовал на всех главных собраниях Гитлера, а также был экономическим лидером Рейха в теории и на практике³¹³. Будучи командиром военно-воздушных сил Германии, спланировал воздушное нападение при захвате Судетской области, а также руководил нападением на Польшу. При нападении на Польшу Г. Геринг удачно использовал различные дипломатические маневры, чтобы не позволить Великобритании исполнить свои обязательства перед Польшей. Кроме того, он активно участвовал в планировании и подготовке³¹⁴ агрессии против СССР. По утверждению А.Р. Руденко, Г. Геринг, «вместе с Розенбергом, Кейтелем и Борманом на совещании у Гитлера 16 июля 1941 г. конкретизировал планы расчленения Советского Союза, порабощения народов... Это при его участии тогда планировалось «сровнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам»...»³¹⁵.

Спорным стало решение суда в отношении Я. Шахта, осуществлявшего экономическую подготовку к войне. Приговором МВТ он был признан невиновным в пунктах 1 и 2 обвинения, так как, несмотря на то, что он был центральной фигурой в программе перевооружения Германии и способствовал активному и значительному росту военной мощи нацистской Германии на ранних ее этапах, он не совершал данные действия для реализации планов развязать агрессивную войну. Суд решил, что Я. Шахт всего лишь хотел возродить сильную и независимую Германию и, узнав об агрессивных планах нацистов, даже пытался предотвратить дальнейший рост вооружения Германии³¹⁶. Трибунал также заметил, что участие Я. Шахта в оккупации Австрии и Судетской области было настолько незначительным,

---

³¹² Ibid. P. 225.

³¹³ Ibid. P. 279.

³¹⁴ Примечательно, что в своей речи главный обвинитель от СССР также не разграничивал планирование и подготовку. Хотя А.Р. Руденко отдельно поддерживал обвинение Г. Геринга в подготовке агрессивной войны, непосредственное перечисление действий Г. Геринга, которые могли бы признаваться подготовкой, в речи А.Р. Руденко отсутствовали.

³¹⁵ Нюрнбергский процесс. Т. 8. Указ. соч. С. 479.

³¹⁶ Ibid. P. 309.

что даже не может быть признано участием в общем плане по пункту 1 обвинения. При этом, что конкретно понимать под таким участием и какое участие может быть признано достаточным по пункту 1 обвинения, судом описано не было. Существенным фактором в пользу установления невиновности Я. Шахта стало также то, что он не входил в ближайший круг Гитлера, вследствие чего и не участвовал непосредственно в разработке планов.

Иного мнения придерживался Иона Тимофеевич Никитченко, советский юрист, судья Международного военного трибунала от СССР. Как отмечал судья Никитченко³¹⁷, собранные доказательства подтверждали, что Я. Шахт уже в 1930 г. сотрудничал с Герингом и Гитлером, поддерживал их партию и нацистский режим, а после назначения в 1934 г. рейхсминистром экономики получил прямой приказ начать экономическую подготовку к войне. Ввиду того, что его полномочия и возможности в экономической сфере ничем не ограничивались, он развернул «новую программу», которая, по словам самого Шахта, сыграла исключительную роль в перевооружении Германии. Утверждение же о том, что обвиняемый не знал о возможных планах использовать это оружие на войне, несостоятельно, так как «следует принять во внимание беспрецедентный масштаб и очевидное предпочтение, отдаваемое именно наступательному вооружению (тяжелые танки, бомбардировщики и т.д.). Вследствие этого, необходимо признать преступлением против мира действия Я. Шахта по экономической подготовке к войне и исполнению общего плана, а именно: 1) активная помощь обвиняемого нацистской партии получить власть; 2) предоставление экономической и финансовой базы для создания Гитлером военной машины; 3) подготовка немецкой экономики для ведения агрессивной войны»³¹⁸.

В российской правовой доктрине также отмечалось, что Я. Шахт занимался экономической и финансовой подготовкой фашистской агрессии,

---

³¹⁷ Dissenting opinion of the Soviet member of the International Military Tribunal. 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 345.

³¹⁸ Ibid. P. 348.

перейдя «от сбора подписей к сбору денег» для фашистской военной кампании³¹⁹. Таким образом, Я. Шахт был тем политиком, который «дейтельно помог захвату власти фашистами и тем экономистом, который энергично питал средствами военную машину агрессора»³²⁰.

Интересно, что О. Штамер, защитник Г. Геринга, также утверждал, что «Германия вооружалась не для ведения агрессивной войны. Не для подготовки агрессивной войны осуществлялся и четырехлетний план... созданные в ходе вооружения военно-воздушные силы имели только оборонительные цели, негодные для ведения агрессивной войны. Такое скромное вооружение Германии не дает основания сделать вывод о ее агрессивных намерениях»³²¹. По заявлению защитника О. Штамера, вооружение лишь должно было придать больше веса голосу Германии в достижении такой цели Г. Геринга, как ликвидация Версальского договора и обеспечение Германии ее прежнего положения крупной державы³²².

За *ведение* агрессивной войны по пункту 2 обвинения был привлечен к ответственности К. Дёниц, командующий подводным флотом, главнокомандующий военно-морским флотом и преемник Гитлера в 1945 г. Обвиняемый не присутствовал на важных конференциях по разработке планов осуществления агрессии и доказательств того, что он был о них уведомлен, нет, поэтому по обвинению в участии в общем плане или заговоре К. Дёниц был оправдан. Тем не менее, «Дёниц вел агрессивную войну в том значении этого слова, которое используется в Уставе»³²³. При этом само значение слова «ведение» нигде не приводится. Однако в приговоре МВТ описываются действия обвиняемого, которые могут быть признаны ведением агрессивной войны: «фюрер подводных лодок» сначала был кадровым офицером, потом стал руководить всей армией подводных лодок, которые причинили «реальный вред врагу ... о чем свидетельствуют

---

³¹⁹ Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 684.

³²⁰ Там же. С. 684.

³²¹ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8 т. Т. 8. Указ. соч. С. 33

³²² Там же. С. 32.

³²³ 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 310.

миллионы затопленных судов союзников. Дёниц единолично отвечал за ведение этой войны»³²⁴; с 1943 г. он консультировался с Гитлером по возникающим проблемам военно-морских сил; приказал продолжать борьбу в 1945 г., когда стал преемником Гитлера.

Вопрос о *развязывании* агрессивной войны применительно к конкретному обвиняемому судом не рассматривался. Трибунал отметил, что «Гитлер не мог вести агрессивную войну сам. Он должен был заручиться поддержкой и помощью государственных и военных деятелей, дипломатов, бизнесменов. Когда они, зная о его целях, оказывали ему свое содействие, они становились участниками плана, который он *инициировал*»³²⁵.

Фактически трибунал довольно скудно описал действия, которые можно признать планированием, подготовкой, инициированием или ведением агрессивной войны. Из приговора Трибунала, по мнению профессора МакДугалл, следует, что термины «планирование», «подготовка» и «инициирование» признаются определенными этапами осуществления войны и расположены в строго хронологическом порядке, поэтому такое тактическое «планирование», которое происходит после начала военных действий, признается уже «ведением» агрессивной войны³²⁶.

Аналогично Роджер С. Кларк замечает, что «когда дело доходит до обсуждения вины или невиновности отдельных обвиняемых, анализ не подкрепляется доказательствами, приводятся лишь выводы... Обсуждение дела Германа Геринга является наиболее развернутым, в отличие от других дел, но даже оно не следует точному языку Устава МВТ. Основная формулировка в постановляющей части решения гласит: «Не может быть никаких сомнений в том, что Геринг был движущей силой агрессивной войны, уступая только Гитлеру. Он был планировщиком и главным

---

³²⁴ Ibid. P. 311.

³²⁵ Ibid. P. 226.

³²⁶ McDougall C. The Crimes against Peace Precedent // The Crime of Aggression. A Commentary. Op. cit. P. 86.

движущим фактором в военной и дипломатической подготовке к войне, которую вела Германия». Здесь не так уж много анализа!»³²⁷.

Таким образом, ни в общем описании фактических обстоятельств, ни применительно к каждому конкретному обвиняемому трибунал не сформулировал суждений о том, какие действия могут быть признаны планированием, подготовкой, развязыванием или ведением агрессивной войны согласно ст. 6(a) Устава МВТ.

Трибунал по Дальнему Востоку рассматривал дела главных японских преступников, которые обвинялись в организации и осуществлении заговора против мира и человечности. 28 человек, которые предстали перед судьями Трибунала по Дальнему Востоку, занимали руководящие посты, активно участвовали в вовлечении Японии в войну, намеревались и действительно планировали, подготавливали, развязывали и вели агрессивные войны³²⁸.

Однако и в решениях Трибунала по Дальнему Востоку действия, образующие материальный элемент преступления, описаны скупо. МТДВ решил не рассматривать планирование и подготовку агрессивной войны отдельно от обвинения в участии в общем плане или сговоре, поскольку планирование и подготовка направлены на реализацию такого плана или сговора. В случае присоединения других лиц они будут рассматриваться как соучастники сговора или общего плана, если примут цель этого сговора или общего плана и осуществят планирование/подготовку для его воплощения. Поэтому в итоге все обвиняемые привлекаются к ответственности за сговор или участие в общем плане³²⁹.

Аналогичный подход был выработан и применительно к «развязыванию» и «ведению» агрессивной войны или войны в нарушение договоров и соглашений. Трибунал по Дальнему Востоку их не разграничивал. Однако, в отличие от МВТ, в решениях МТДВ содержится

---

³²⁷ Clark R. Individual Conduct // The Crime of Aggression. A Commentary. Op. cit. P. 568.

³²⁸ Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2022. С. 403.

³²⁹ International Military Tribunal for the Far East. Judgment. 1948. P. 32-33.

минимальное определение развязывания войны как начала боевых действий. И «в этом смысле оно охватывает «ведение»»³³⁰.

В последующем данная позиция изменилась и под «ведением» агрессивной войны судьи НВТ стали понимать официальное объявление войны другому государству или осуществление первого выстрела³³¹. В момент совершения данных действий развязывание войны оканчивается и начинается ее ведение. По мнению Николы Хадждина, термин «развязывание» охватывает действия на стратегическом уровне применительно к решениям, напрямую ведущим к применению вооруженной силы, в отличие от решения действовать агрессивно (что является стадией планирования) и решений на тактическом уровне, которые следуют за развязыванием агрессивных действий со стороны государства³³².

На основе решений МВТ и последующих Нюрнбергских процессов, Генеральной Ассамблеей ООН было принято решение обобщить и кодифицировать основные правовые принципы, которые лежали в основе этих процессов. Итогом данной работы стали Нюрнбергские принципы и комментарии к ним, также принятые в 1950 г. Согласно комментариям к Нюрнбергским принципам, трибунал не провел различий между «планированием» и «подготовкой», а «вести» агрессивную войну могли только высокопоставленные военные и государственные чиновники³³³.

В дальнейшем Комиссией международного права ООН³³⁴ также разрабатывались и принимались проекты кодексов преступлений против мира и безопасности (1951, 1954, 1991, 1994 и 1996 гг.). Регулирование ответственности за преступление агрессии менялось в них от формулирования его в свете международного права (когда акцент был на

---

³³⁰ Ibid. P. 33.

³³¹ United States v. von Leeb et al. Military Tribunal XI, 14 Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Washington, 1949. P. 486.

³³² Hajdin N. The *actus reus* of the crime of aggression. Op. cit. P. 495.

³³³ Principles of International Law recognized in the Charter of the Nürnberg Tribunal and in the Judgment of the Tribunal, with commentaries. Principle VI // YIL Commission, 1950. Vol. II. Paras 116, 117. P. 376.

³³⁴ Комиссия международного права ООН учреждена резолюцией A/RES/174(II) в 1947 г. и преследует цель развития и кодификации международного права. В состав Комиссии международного права ООН входят 34 юриста в области международного права.

акте агрессии) до ограничения дефиниции данного преступления только уголовной сферой.

Например, в Проекте Кодекса 1954 г. предусматривалась уголовная ответственность за «совершение любого акта агрессии, включая применение властями государства вооруженной силы против другого государства с любой целью, за исключением случаев государственной или коллективной самообороны или во исполнение решения или рекомендации компетентного органа ООН»³³⁵. При этом определение акта агрессии не давалось.

Согласно Проекту 1996 г. «лицо, которое является лидером или организатором, активно участвует в осуществлении или приказывает осуществление планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессии, совершенной государством, будет нести ответственность за преступление агрессии» (ст. 16)³³⁶. При этом определение акта агрессии государства выносится за пределы статьи³³⁷. Содержание понятий «планирование, подготовка, развязывание или ведение» агрессивной войны, упомянутых только в рассматриваемом Проекте, не объяснялось. Логично предположить, что, раз разработчики основывали свое определение на ст. 6(a) Устава МВТ, то и значение в перечисленные понятия вкладывалось то, которое содержалось в решениях международных трибуналов.

Среди отечественных правоведов высказывается позиция о невозможности провести четкую границу между «планированием» и «подготовкой», поскольку «в сущности своей планирование есть одна из форм подготовки агрессии»³³⁸. Пример агрессии против СССР подтверждает, что меры по планированию тесно переплетаются с подготовкой агрессии: «общее указание о подготовке к нападению на СССР было дано Гитлером еще летом 1940 г. Во исполнение этого указания был принят ряд мер, связанных с постепенной передислокацией войск, проведением маневров и

---

³³⁵ International Law Commission Draft Code of Offences. 1951 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 150.

³³⁶ International Law Commission Draft Code of Offences. 1996 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 197.

³³⁷ Ibid. P. 198.

³³⁸ Полтораки А.И. Указ. соч. С. 123.

т.д. Сам же «План Барбаросса» был подписан и утвержден только 18 декабря 1940 г. Таким образом, подготовка началась раньше, чем был составлен общий план войны»³³⁹.

В международно-правовой доктрине предпринимаются попытки разграничить термины «планирование» и «подготовка». При этом отмечается, что «планирование» агрессивной войны заключается в формулировании ее схемы, в то время как «подготовка» — это те этапы, которые предпринимаются для воплощения разработанного плана в жизнь, до начала военных действий³⁴⁰.

По мнению профессора Кэрри МакДугалл, «планирование» агрессивной войны предполагает преимущественно участие во встречах, на которых разрабатываются планы применения силы, а «подготовка» может включать действия по созданию необходимых военных и экономических средств для осуществления акта агрессии (например, приобретение оружия для совершения акта агрессии или стягивание войск к границе будущего государства-жертвы), а также политические и дипломатические меры (например, создание военных союзов)³⁴¹. Инициирование же связано с началом войны, а ведение — продолжение войны вплоть до ее окончания³⁴².

Как отмечалось ранее, привлечение к уголовной ответственности за преступление агрессии возможно только когда государством совершен акт агрессии. И особенность материального элемента рассматриваемого преступления заключается в оценке вклада каждого субъекта преступления в совершение государством акта агрессии. Как отмечается в правовой доктрине, исполнителем преступления агрессии будет «лицо, которое в части фактического применения вооруженной силы действует через многих других лиц, находящихся под его контролем»³⁴³.

---

³³⁹ Там же. С. 123.

³⁴⁰ Greenspan M. *The Modern Law of Land Warfare*. P. 455 cit. from *War, Aggression and Self-Defence* / Ed. by Y. Dinstein Y. Cambr., 2005.

³⁴¹ McDougall C. *Crime of Aggression under the Rome Statute*. Op. cit. P. 187.

³⁴² Dinstein Y. Op. cit. P. 132.

³⁴³ Clark R. *Individual Conduct // The Crime of Aggression. A Commentary*. Op. cit. P. 578.

Учитывая практику предыдущих трибуналов и особенности материального элемента преступления агрессии, предлагается определить действия *actus reus* преступления агрессии следующим образом.

Под планированием следует понимать действия по разработке любых планов, стратегий или тактик, которые направлены на инициирование и осуществление акта агрессии.

Подготовка же включает первоначальные действия по реализации разработанных планов. Так, например, если планирование выразилось в разработке мобилизационных планов, то подготовкой будет издание указов по мобилизации и организация деятельности мобилизационных пунктов для осуществления призыва.

Инициированием признается начало совершения любого акта агрессии, перечисленного в ст. 8бис(2) Статута.

За инициированием акта агрессии следует его осуществление, под которым следует понимать любые действия, направленные на продолжение инициированного акта агрессии.

Ввиду отсутствия в решениях предыдущих трибуналов, а также в Элементах преступлений или Положениях о понимании к преступлению агрессии разъяснений относительно содержания действий, образующих материальный элемент преступления агрессии, необходимо выработать понимание этих признаков.

Представляется необходимым рассмотреть отдельно вопрос возможности покушения на индивидуальный акт. Как уже было отмечено, покушение на акт агрессии невозможно³⁴⁴. Однако касательно покушения на индивидуальный акт такого запрета не содержится. По мнению делегации Самоа, под покушение на индивидуальный акт подпадают ситуации, когда «лицо пыталось осуществить вклад в планирование, подготовку, инициирование или ведение агрессии, которая осуществляется, но не

---

³⁴⁴ Элементы преступлений. Элемент 3.

смогло»³⁴⁵. Хотя делегации пришли к выводу, что вопрос покушения на индивидуальный акт скорее теоретический вопрос, в Документе для обсуждения № 1 содержался такой пример покушения: «высший субъект в военной иерархии должен был издать важный приказ в ходе применения силы государством, но не смог его издать»³⁴⁶. Последнее обсуждение вопроса покушения на индивидуальный акт произошло на Принстонской встрече в 2007 г., на которой прозвучали предложения предусмотреть невозможность применения ст. 25(3)(f) Статута о покушении на преступление. Однако это предложение не было поддержано, а впоследствии никакого решения относительно исключения ст. 25(3)(f) Статута принято не было, в связи с этим, согласно новым положениям о ст. 8бис Статута, покушение на индивидуальный акт возможно.

Таким образом, вопрос о покушении на преступление агрессии возникнет в том случае, если совершен акт агрессии. В таком случае необходимо оценивать вклад каждого лица в планирование, подготовку, инициирование или осуществление акта агрессии. Если действия лица по планированию, подготовке, инициированию или осуществлению акта агрессии были прерваны по не зависящим от него обстоятельствам, оно будет подлежать ответственности за покушение на преступление агрессии.

На наш взгляд, такое регулирование представляется верным, поскольку на практике могут возникнуть ситуации, при которых действия лица по осуществлению вклада в планирование, подготовку, инициирование или осуществление акта агрессии могут быть прерваны по не зависящим от лица обстоятельствам.

На основании вышеизложенного можно сделать **следующие выводы**.

В международном уголовном праве, в том числе трибуналами, не выработано четких определений «планирования», «подготовки», «инициирования» или «осуществления» акта агрессии. Практика

---

³⁴⁵ Proposal by Samoa on the Tenth Session of the Preparatory Commission. 2002 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 409. Para. 17.

³⁴⁶ Discussion Paper 1 at the Fourth Session of Assembly of State Parties. 2005 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 480.

предыдущих трибуналов также не внесла ясности. На наш взгляд, под планированием следует понимать действия по разработке стратегий или планов, на основе которых будет совершен акт агрессии. Подготовка акта агрессии – это действия, совершаемые после планирования или наряду с ним до инициирования акта агрессии и направленные на реализацию разработанных планов. Инициирование следует признать началом совершения акта агрессии, следом за которым идет осуществление. Под последним понимаются действия по продолжению инициированного акта агрессии. Вместе с тем очевидно, что на практике эти действия могут совпадать.

Правовая природа преступления агрессии отличает его от трех других международных преступлений также тем, что альтернативные действия, следует понимать, скорее, как способы, которыми лицо может участвовать в преступлении (а не просто определяется сам объективный состав преступления как такового³⁴⁷). Поскольку первоначальным этапом и обязательным элементом преступления агрессии является акт агрессии государства, то для привлечения исполнителей преступления агрессии, необходимо установить вклад каждого из них в совершенном государством акте агрессии.

Вопрос о возможности покушения на преступление агрессии не был всесторонне рассмотрен в процессе разработки нового определения преступления агрессии. Действующие положения Римского статута допускают покушение на преступление агрессии.

§ 4. Ментальный элемент преступления агрессии

Как отмечалось, международное преступление должно быть совершено намерено и сознательно, а содержание намерения и осознания находится в зависимости от признаков материального элемента.

---

³⁴⁷ «This varies from the definitions of war crimes, crimes against humanity and genocide, as it refers to the ways in which an individual may participate in the crime rather than just defining the objective crime itself». См.: Gillet M. Op. cit. P. 22.

Дело Томаса Лубанги³⁴⁸ стало первым делом³⁴⁹, в котором был рассмотрен вопрос о содержании намерения и осознания. Используя терминологию континентальной правовой семьи, судьи описали совокупность волевого и когнитивного признаков как *dolus*³⁵⁰, выделив три его формы: 1) *dolus directus* первой степени; 2) *dolus directus* второй степени и 3) *dolus eventualis*³⁵¹.

В случае *dolus directus* первой степени преступник знает, что его действие или бездействие приведут к выполнению материального элемента преступления, и совершает их с конкретным намерением или желанием осуществить материальный элемент³⁵². Главную роль здесь играет именно волевой компонент ментального элемента.

Иначе складывается соотношение волевого и когнитивного элемента в случае с *dolus directus* второй степени, при котором у преступника отсутствует конкретизированный умысел в отношении материальных признаков преступления, но он осознает, что его действие или бездействие способны привести к выполнению материального элемента *при обычном течении обстоятельств*³⁵³.

Dolus eventualis охватывает случаи, когда субъект осознает риск того, что материальный элемент преступления *может* быть выполнен в результате его действия или бездействия, и принимает такой исход, примирившись или согласившись с ним³⁵⁴.

---

³⁴⁸ Томас Лубанга Дильо – главарь одной из повстанческих групп (Союз конголезских патриотов) в период межэтнического конфликта (между народами ленду и хема), разразившегося на территории провинции Итури, Демократическая Республика Конго в 1999 г. В 2012 г. был приговорен к 14 г. лишения свободы за совершение военных преступлений.

³⁴⁹ Prosecutor v. Lubanga. Decision on the conformation of charges. Case No ICC-01/04-01/06. 29 January 2007. Para 349.

³⁵⁰ Schabas W. The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. Oxford, 2011. P. 475.

³⁵¹ Prosecutor v. Lubanga. Para 352.

³⁵² Ibid. Paras 352-353.

³⁵³ Schabas W. The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. Op. cit. P. 476; Marchuk I. The Fundamental Concept of Crime in International Criminal Law. A Comparative Law Analysis. Springer, 2014. P. 129.

³⁵⁴ Prosecutor v. Lubanga. Paras 352-353.

Несмотря на то, что в решении Палаты предварительного производства I в деле против обвиняемых Жермена Катанги и Матьё Нгуджоло Шуи³⁵⁵ включение в содержание ст. 30 Статута *dolus eventualis* было подтверждено³⁵⁶, в дальнейшем суд исключил эту форму *dolus*³⁵⁷.

Такое решение нашло поддержку в доктрине. В частности, профессор И. Марчук справедливо отмечает, что понимание *dolus eventualis*, разработанное в деле Лубанги, неправильное, так как Палата предварительного производства I допустила смешение волевого признака принятия риска с когнитивным, подразумевающим осознание существенной вероятности наступления запрещенного результата. Для установления же этого вида *dolus* необходимо доказывать не существенную вероятность, а вероятность того, что могут быть выполнены материальные признаки преступления и принятие такого риска³⁵⁸.

На наш взгляд, исключение *dolus eventualis* является правильным еще и потому, что его применение к преступлению агрессии было бы невозможно. В противном случае это привело бы к необходимости предусмотреть специальный умысел для данного преступления, от чего, как будет показано в дальнейшем, в процессе разработки дефиниции агрессии отказались.

Положения ст. 30 Римского статута применяются и к преступлению агрессии. Вместе с тем, учитывая особенности преступления агрессии, а также в связи с тем, что ст. 30 Статута требует наличия как намерения, так и осознания, только лишь знания о том, что государство планирует совершить акт агрессии, без доказывания того, что обвиняемый также намеренно участвует в его совершении, недостаточно³⁵⁹. Особенности ментального элемента преступления агрессии уточняются в Элементах преступлений к

---

³⁵⁵ Также участники межэтнического конфликта в Итури, которые обвинялись в совершении преступлений против человечности и военных преступлений в ходе конфликта. Ж. Катанга был бригадным генералом Вооруженных сил ДРК, а М. Шуи - полковником этих же вооруженных сил. Будучи этническими ленду и нгити нападали и совершали преступления против представителей народа хема.

³⁵⁶ Prosecutor v. Katanga et. al. Decision on the conformation of charges. Case No 01/04-01/07. 30 September 2008. FN. 329.

³⁵⁷ Prosecutor v. Bemba. Decision on the conformation of charges. Case No ICC-01/05-01/08. 15 June 2009. Paras 360-362.

³⁵⁸ Marchuk I. Op. cit. P. 131.

³⁵⁹ Gillet M. Op. cit. P. 27.

преступлению агрессии, которые также были приняты по итогам Кампальской конференции.

Согласно первому Элементу, нарушитель планировал, подготавливал, инициировал или осуществлял акт агрессии. Так как этот материальный элемент относится к поведению, то ментальным элементом будет намерение. В доктрине дополнительно отмечается, что «обвиняемый должен *иметь цель совершить*³⁶⁰ указанные действия»³⁶¹.

Второй Элемент содержит лидерский стандарт и в доктрине международного уголовного права данный элемент относят к сопутствующим обстоятельствам материального элемента, в связи с чем требуемым ментальным элементом будет «*знание* лица о том, что он или она являются лидерами государства и в состоянии эффективно осуществлять контроль (не просто формально, как номинальный лидер) или руководство над политическими или военными действиями государства»³⁶² (курсив мой – Р.Д.).

В соответствии с Элементом 3 Элементов преступлений необходимо непосредственно совершение акта агрессии. Однако такой акт, в отличие от перечисленных в Элементе 1, не является индивидуальным актом, поэтому вопрос о ментальном элементе здесь не возникает.

Элемент 4 указывает на *знание* исполнителем фактических обстоятельств, свидетельствующих о несовместимости применения вооруженной силы с Уставом ООН.

Римский статут и Элементы преступлений не содержат разъяснений относительно содержания этого признака. Из материалов Подготовительных работ следует, что в 2009 г. при формулировании данного положения

---

³⁶⁰ Соглашаясь с указанной позицией, отметим, что наличие этой цели выполнить любое действие объективной стороны свидетельствует о применении в отношении ст. 8бис Статута *dolus directus* первой степени.

³⁶¹ Weisbord N. The Mens Rea of the Crime of Aggression // Washington University Global Studies L. Rev. 2013. Vol. 13. P. 492.

³⁶² См., например: Weisbord. N. The Mens Rea of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 493; Anggadi F., French G., Potter J. Op. cit. P. 67.

группой экспертов (далее – группа Монтрё³⁶³) был использован стандарт знания о фактических обстоятельствах³⁶⁴. Субъект должен знать факты, подтверждающие использование государством вооруженной силы, а также то, что использование такой силы несовместимо с Уставом ООН. В качестве подобных обстоятельств, о которых должен знать исполнитель, могут служить факты применения вооруженной силы против другого государства, наличие или отсутствие резолюций Совета Безопасности и их содержание, предшествующее или неминуемое нападение со стороны государства³⁶⁵.

И хотя эксперты понимали, что такой подход является отступлением от практики НВТ³⁶⁶, предусматривавшей строгий стандарт «знания закона»³⁶⁷, они надеялись таким образом исключить обязанность доказывать знание закона и ссылки обвиняемых на умышленное неведение (*willful blindness*) касательно законности своих действий с целью избежать уголовной ответственности³⁶⁸.

Исключение умышленного неведения требуется также для того, чтобы избежать ссылок обвиняемых на отсутствие закона и вытекающих из этого проблем с обратной силой закона. Так, во время процесса над главными военными преступниками сторона защиты утверждала, что «...до 1939 г. в действительной международной жизни государств не существовало никакого эффективного общего урегулирования вопроса о запрещенных войнах с точки зрения международного права», поэтому и в сознании руководящих государственных деятелей и народов такого общего урегулирования не существовало³⁶⁹.

---

³⁶³ Группа экспертов (23 участника) получила свое название в честь города Монтрё, Швейцария, в котором проходила встреча для обсуждения Элементов преступления агрессии в период с 16 до 18 апреля 2009 г.

³⁶⁴ Несмотря на то, что в англоязычной версии используется термин «aware», из материалов Подготовительных работ следует, что он приравнивается к термину «knowledge».

³⁶⁵ Chairman's Non-Paper on the Elements of Crimes. 2009 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 683.

³⁶⁶ Так, в деле Верховного военного командования для привлечения к ответственности за преступление против мира субъект должен был знать, что планирование или подготовка к войне, в которых он участвовал, были конкретными планами и подготовительными мероприятиями к агрессивной войне.

³⁶⁷ Chairman's Non-Paper on the Elements of Crimes. 2009 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 683.

³⁶⁸ Anggadi F., French G., Potter J. Op. cit. P. 71.

³⁶⁹ Яртых И.С. Нюрнбергский процесс: Защитительные речи адвокатов. Т. I. М., 2008. С. 28, 48-49.

Еще одним аргументом в пользу стандарта «знания о фактических обстоятельствах» является то, что такое понимание исключает возможность привлечения к ответственности за преступление агрессии в случае законного применения силы на основе самообороны или разрешения Совета Безопасности.

Аналогичный стандарт знания применяется и для последнего материального элемента преступления агрессии, установленного в Элементе 5, – достижение актом агрессии в силу своего характера, серьезности и масштаба уровня грубого нарушения Устава ООН, т.е. порогового требования. Согласно Элементу 6 исполнитель должен знать о фактических обстоятельствах, указывающих на такое грубое нарушение Устава ООН. Это положение дополняет Элемент 4, так как могут быть случаи, когда исполнитель, знает, например, о совершении акта агрессии посредством перемещения войск через границу, но не знает о масштабах этого акта и о том, достигает ли он уровня грубого нарушения Устава ООН³⁷⁰. При этом требование о «грубом нарушении» является объективным критерием, т.е. на обвиняемом не лежит обязанность давать правовую оценку своих действий, что также исключает случаи добросовестного заблуждения. Так, если руководитель государства планировал (следовательно, знал об этом факте) небольшое столкновение на границе, но оно вышло из-под контроля и привело к широкомасштабному вторжению, о чем руководитель заранее не знал, он не подлежит ответственности за преступление агрессии³⁷¹.

Элементы 4 и 6 тесно связаны со ст. 32 Римского статута, предусматривающей такие основания освобождения от уголовной ответственности, как фактическая ошибка (ч. 1) и юридическая ошибка (ч. 2). Возможность применения норм об ошибке к преступлению агрессии ограничена, так как в Элементах 4 и 6 предусмотрено знание именно фактических обстоятельств. Как пишет Кай Амбос, «в отличие от других

---

³⁷⁰ Chairman's Non-Paper on the Elements of Crimes. 2009 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. Para 25. P. 684.

³⁷¹ Anggadi F., French G., Potter J. Op. cit. P. 76.

преступлений Статута, такое осознание не равносильно правовому пониманию, то есть знанию правовых критериев, которые превращают использование силы в неправомерный акт государства или даже преступление агрессии»³⁷². Вместе с тем обращение к ст. 32(2) Статута и так ограничено, ведь применение государством силы, при достижении последней требуемого порогового уровня, будет очевидно несовместимо с Уставом ООН.

Несмотря на то, что применение сниженного, по сравнению с практикой НВТ, стандарта знания критикуется в зарубежной доктрине³⁷³, на наш взгляд, это правильно, поскольку несостоятельны любые ссылки на незнание того, что применение силы запрещено в международном праве. Предоставление же исполнителям преступления агрессии возможности ссылаться на незнание закона не соответствует намерению разработчиков преследовать виновных лиц за самое тяжкое международное преступление.

Более того, такое понимание ментального элемента позволит охватить и случаи кибератак³⁷⁴. Например, лицо взломало и перепрограммировало дрон государства-жертвы, совершив тем самым кибератаку, для обстрела населенного пункта государства-жертвы, что привело к тяжким потерям среди населения. Данные действия свидетельствуют о намеренном совершении данного действия и осознании лицом всех фактических обстоятельств.

Ни Римский статут, ни Элементы преступлений не содержат положений о *специальном умысле* (*animus aggressionis*) для преступления агрессии. Отказ от формулирования специального умысла для данного преступления наметился еще в процессе Подготовительных работ. Рабочая группа довольно быстро пришла к выводу, что ст. 30 Статута полностью

---

³⁷² Ambos K. The Crime of Aggression after Kampala. Op. cit. P. 27.

³⁷³ См. например: Weisbord N. The Mens Rea of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 506.

³⁷⁴ Дзейтова Р.Б. Ответственность за киберагрессию по международному уголовному праву: основание и условия наступления // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2021. № 6. С. 98-99.

применима и к преступлению агрессии³⁷⁵, поэтому исключила из статьи о преступлении агрессии указание на «намеренное и осознанное» совершение деяния³⁷⁶.

Однако в процессе разработки дефиниции преступления агрессии все-таки выдвигались предложения о включении специальной цели в определение, и наиболее активно в данном направлении работала делегация от США. В предложенном на неофициальной встрече варианте дефиниции агрессии содержалось упоминание «цели акта агрессии», назначение которой было предоставить возможность прямо предусмотреть законность гуманитарной интервенции³⁷⁷.

По мнению зарубежных правоведов³⁷⁸, делегациям в Кампале стоило последовать практике Нюрнберга, разграничивавшей законную войну от незаконной в зависимости от намерения *и цели*³⁷⁹, и предусмотреть такой повышенный стандарт для ментального элемента, как, например, специальный умысел или мотив для незаконного захвата территории, или даже политическую цель. В таком случае Суд мог бы избежать любых вопросов, связанных с гуманитарной интервенцией. Большинство ученых с такой точкой зрения не согласны. Например, Майкл Джиллет утверждает, что криминализация менее серьезного применения силы, нежели акт агрессии, и так ограничена тем, что преступление требует намерения и осознания, а также содержит такой порог, как «грубое нарушение Устава ООН»³⁸⁰.

Поддерживая позицию правоведов, отрицающих необходимость установления специальной цели в преступлении агрессии, добавим, что

---

³⁷⁵ Report of the First Princeton Meeting on the definition of crime of aggression. June 2004 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 439; Report of the Second Princeton Meeting on the definition of crime of aggression. June 2005 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 458.

³⁷⁶ Coordinator's Paper on the Tenth Session of the Preparatory Commission. July 2002 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 412.

³⁷⁷ Schaack B.V. The Grass that Gets Trampled when Elephants Fight: Will the Codification of the Crime of Aggression Protect Women? // Santa Clara University Legal Studies Research Paper. 2010. Vol. 10. P. 38.

³⁷⁸ См. например: Schaack B.V. The Grass that Gets Trampled when Elephants Fight: Will the Codification of the Crime of Aggression Protect Women? Op. cit. P. 42.

³⁷⁹ United States v. von Leeb et. al. P. 486.

³⁸⁰ Gillet M. Op. cit. P. 861.

повышение стандарта знания через цель или мотив представляется необоснованным. Акт агрессии в современном понимании отличается от агрессивной войны по своим масштабам, длительности и интенсивности. Для привлечения к ответственности за преступление агрессии не требуется ведения длительных войн, с вовлечением трех или более государств. Акт агрессии должен достигать определенного порогового требования, но этот порог будет меньше, чем его уровень для агрессивной войны – в соответствии с решениями МВТ, НВТ или МТДВ. В свою очередь, и ментальный элемент для целей ответственности за преступление агрессии должен отличаться от разработанного для преступлений против мира.

Подводя итоги исследованию ментального элемента преступления агрессии, необходимо отметить следующее. К данному преступлению применяются общие правила о ментальном элементе. Субъект преступления намеренно выполняет деяние, а именно планирование, подготовку, инициирование или осуществление совершаемого государством акта агрессии и должен осознавать, что он является лицом, в состоянии эффективно контролировать или руководить политическими или военными действиями государства, фактические обстоятельства, свидетельствующие о несовместимости применения вооруженной силы с Уставом ООН и фактические обстоятельства, указывающие на грубое нарушение Устава ООН.

Еще в процессе разработки определения преступления агрессии большинство делегаций отказались предусмотреть требование о специальном умысле. Вместе с тем существуют очевидные трудности применения уже закрепленных в Римском статуте положений о ментальном элементе. Так, стандарт знания применительно к Элементам 4 и 6 существенно снижен по сравнению с практикой НВТ, а содержание «осознания фактических обстоятельств, указывающих на грубое нарушение Устава ООН» нормативно не определено.

Отсутствуют также разъяснения по вопросу применимости к преступлению агрессии оснований для освобождения от уголовной ответственности, некоторые из которых даже не применимы к преступлению агрессии (например, совершение преступления по приказу³⁸¹).

§ 5. Субъект преступления агрессии

Как уже отмечалось, субъект преступления агрессии специальный и, в соответствии с русскоязычной версией ст. 8бис Римского статута, исполнителем данного преступления является «лицо, которое в состоянии фактически осуществлять контроль или руководство за политическими или военными действиями государства». При этом обязательным критериям субъекта может отвечать более одного лица³⁸². Вместе с тем в англоязычной версии акт агрессии, достигающий порогового требования, должен совершаться «by a person in a position effectively to exercise control over or to direct political or military action of a State»³⁸³. Таким образом в русскоязычной версии термин «position» переводится как «состояние», а требование «effectively» заменено на требование «фактически». В связи с этим в работе будут проанализированы признаки субъекта в том виде, в котором они закреплены в англоязычной версии, и показано их соотношение с аналогичными признаками в русскоязычной версии.

Особенности субъекта преступления агрессии предопределили его понимание как преступления лидерского характера (преступления руководства). Круг субъектов был ограничен уже в практике Международного военного трибунала в г. Нюрнберге, преследовавшего за преступления против мира. В своем вступительном слове Прокурор Р. Джексон отметил, что основная цель МВТ – судить тех лиц, без которых мир

---

³⁸¹ Более подробно об этом в § 5 главы 1 исследования.

³⁸² Элементы преступлений. Элемент 2.

³⁸³ Причина по которой приводится именно англоязычный текст заключается в отсутствие четкого понимания критериев самого лидерского требования, о чем будет сказано далее.

не впал бы на столь длительный период в состояние насилия и бесправия, исключив при этом весь германский народ³⁸⁴.

Заметим, что Международный военный трибунал в г. Нюрнберге не выработал критерии лидерского стандарта, поскольку МВТ был создан для преследования *главных* военных преступников и в разработке указанных критериев необходимость отсутствовала. Все преступники были высокопоставленными должностными лицами, приближенными к А. Гитлеру и участвовавшими в четырех главных собраниях, на которых разрабатывался и обсуждался план агрессивной войны. Например, Г. Геринг и И. фон Риббентроп занимали высокие должности и присутствовали на совещании Хоссбах 5 ноября 1937 г.³⁸⁵, на котором были изложены планы Германии по вторжению в ряд государств³⁸⁶. В то же время в отношении Э. Кальтенбруннера отсутствовали доказательства его участия в планировании агрессивной войны, вследствие чего за преступление против мира его оправдали³⁸⁷. После агрессивных действий Германии в отношении Австрии Э. Кальтенбруннер остался руководить СС в Австрии и не участвовал в совещаниях, на которых планы по ведению агрессивной войны в отношении других государств непосредственно обсуждались.

Несмотря на то, что конкретные критерии лидерского стандарта в практике МВТ разработаны не были, в литературе называются некие общие условия, при наличии которых лицо привлекалось к ответственности за преступление против мира: 1) знание об агрессивных планах; 2) участие в агрессивной войне; 3) руководящая должность в нацистской партии, государстве или вооруженных силах (причем трибунал более важным считал наличие де-факто полномочий, нежели де-юре); 4) приближенность к

---

³⁸⁴ Opening Statement at Nuremberg by Robert L. Jackson, Chief Prosecutor for the United States in *United States v. Göring et al.*, 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal (1946) 105.

³⁸⁵ Совещание Хоссбаха – секретное совещание, проведенное А. Гитлером 5 ноября 1937 г., на котором присутствовал ограниченный круг военного руководства Германии. На этом совещании А. Гитлер впервые заявил о своем желании развернуть войну и уведомил о конкретных действиях, которые он собирался предпринять.

³⁸⁶ *Ibid.* P. 279.

³⁸⁷ *Ibid.* P. 291.

Гитлеру (так, Риббентроп, Геринг и Хесс оказали влияние на агрессивную политику Германии именно потому, что были близки к Гитлеру)³⁸⁸.

Международный военный трибунал по Дальнему Востоку, постановивший самое большое количество обвинительных приговоров по преступлению против мира³⁸⁹, также не разработал критерии лидерского стандарта и применял выработанные в практике МВТ условия привлечения к ответственности.

В 1945 году в Германии дальнейшим был принят Закон №10, в котором было прямо предусмотрено, что субъектом преступления агрессии является лицо, которое занимало высокую должность в политической, гражданской или военной сфере (включая генералов) в армии Германии или одного из ее союзников, помощников или сателлитов, или занимал высокий пост в финансовой, промышленной или экономической сфере такой страны (ст. 2(2)(f))³⁹⁰.

В ходе Нюрнбергских процессов были разработаны два различных стандарта, касавшихся лидерского характера преступления: 1) стандарт «знания и участия» и 2) стандарт «формировать и влиять».

Первый лидерский стандарт был выработан в деле против сотрудников конгломерата «И.Г. Фарбен» и промышленного концерна «АГ Крупп» (дело Промышленников), рассмотренном НВТ. Субъект преступления дифференцировался трибуналом в зависимости от действия, входящего в материальный элемент преступления. Так, *вести войну* могут только лидеры, т.е. лица, которые вовлекают свою страну в войну. Однако это не означало, что промышленники ни при каких обстоятельствах не могут быть

---

³⁸⁸ Hajdin N. Individual Criminal Responsibility for the Crime of Aggression: Tracking Down the Leaders of a State. P. 40-41 // Lund University Libraries. 2015: [сайт]. URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/7855313> (дата обращения: 24.01.2020).

³⁸⁹ Международный военный трибунал по Дальнему Востоку выдвинул обвинения против 25 подозреваемых, и все они были признаны виновными.

³⁹⁰ Закон Контрольного совета Германии № 10 «Наказание преступников, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности». Ст. 2(2)(f) // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова: [сайт]. URL: <https://constitutions.ru/?p=10565> (дата обращения: 24.01.2020).

привлечены к ответственности за ведение агрессивной войны³⁹¹, поскольку «лидером» могло быть любое лицо «в политической, военной или промышленной сферах, которое ответственно за формирование и осуществление политики»³⁹².

Для привлечения же к ответственности за остальные действия - *планирование, подготовку и развязывание* - достаточно было установить факт участия в заговоре с целью начать агрессивную войну или факт способствования этому заговору посредством перевооружения Германии: «Если подсудимые должны быть признаны виновными по первому или пятому пункту обвинения на том основании, что они участвовали в планировании, подготовке и развязывании агрессивных войн или войн с применением насилия, должно быть доказано, что они были участниками плана или заговора или, зная о плане, способствовали его цели и задачам, участвуя в подготовке к агрессивной войне. Решение этого вопроса требует изучения основных фактов... Эти факты включают должностное положение (если такое имелось), которое занимали обвиняемые в государстве, их полномочия, ответственность и деятельность в соответствии с ними, а также их должности и деятельность в компании Фарбен или от ее имени»³⁹³. Иными словами, даже лица, которые не являются лидерами, могут быть привлечены к ответственности за рассматриваемое преступление.

Несмотря на оправдательные приговоры в отношении обвиняемых в деле Промышленников, НВТ, так же, как и МВТ, не исключал возможность привлечения промышленников к ответственности. И именно из-за отсутствия *знания о плане*, а не из-за их статуса предпринимателей, они были оправданы. Как отмечает Кевин Хеллер, агрессия как преступление в «Деле промышленников» была преступлением «знания и участия», а не преступлением лидерского характера, так как в теории даже самое

---

³⁹¹ Heller K. Retreat from Nuremberg: The Leadership Requirement in the Crime of Aggression // Eur J. Int'l L. 2007. N 18. P. 483.

³⁹² United States v. IG Farben. Military Tribunal VIII, 14 Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Washington, 1949. P. 1124.

³⁹³ Ibid. P. 1106.

незначительное лицо, при доказанности его участия в нацистском заговоре и наличия у преступника знания об агрессивных целях войны, могло быть осуждено за планирование, подготовку или развязывание агрессии³⁹⁴. И наоборот, даже самый влиятельный промышленник не может быть осужден за ведение агрессивной войны, если он не является участником нацистского заговора и не знает о его агрессивных целях.

В деле Верховного военного командования³⁹⁵ НВТ впервые признал, что преступление агрессии может быть совершено лицами на высшем политическом уровне, указав: действия командиров и штабного персонала ниже уровня принятия политически важных решений при планировании кампаний, подготовке средств для их осуществления и т.д. не составляют планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны³⁹⁶. Это, по мнению НВТ, связано с тем, что война является применением насилия одним государством или политически организованным органом против другого, т.е. «это реализация политического курса средствами насилия»³⁹⁷ и агрессивной ее делают именно лица на таком уровне³⁹⁸.

Вместе с тем принадлежность лица к высшему политическому уровню не приравнивается к наличию у лица должности: «... Но одного лишь знания [о том, что предполагается агрессивная война и, если она будет начата, это будет именно агрессивная война] недостаточно, чтобы признать участие даже высокопоставленных военных офицеров в войне преступлением. Требуется дополнительно, чтобы субъект, обладающий таким знанием, был *в состоянии* формировать или влиять на политику (be in a position to shape or influence)...»³⁹⁹ (курсив мой. – Р.Д.). В то же время, следует иметь в виду, что для привлечения к ответственности за преступление против мира важно установить «...не чин (rank) лица или его положение (status), а его

³⁹⁴ Heller K. Retreat from Nuremberg: The Leadership Requirement in the Crime of Aggression. Op. cit. P. 485.

³⁹⁵ Дело Верховного военного командования – один из 12 последующих Нюрнбергских процессов, проведенных американскими оккупационными силами в 1949 г. Обвиняемыми по делу стали высокопоставленные военные вооруженных сил Германии в период Второй мировой войны.

³⁹⁶ United States v. Von Leeb et. al. P. 489.

³⁹⁷ Ibid. P. 485.

³⁹⁸ Ibid. P. 486.

³⁹⁹ Ibid. P. 488.

способность (power) формировать или влиять на политику своего государства...»⁴⁰⁰.

Это решение, в котором нашел отражение стандарт «формировать и влиять», было подтверждено впоследствии в деле Вильгельмштрассе (дело руководителей министерств Германии)⁴⁰¹.

В дальнейшем, в процессе разработки дефиниции преступления агрессии, обязательность наличия лидерского положения не подвергалась сомнению ни одной делегацией на Кампальской конференции. Но делегации расходились во мнении относительно конкретного подхода к определению лидерского положения. Некоторые делегации предпочитали расширительный подход, основываясь на стандарте «формировать или влиять». В частности, на встрече в 2002 г. Колумбия предложила распространить лидерское положение и на тех лиц, которые в состоянии вносить вклад или эффективно содействовать формированию политических или военных действий государства. Причем такое формирование должно было осуществляться, по мнению делегации от Колумбии, фундаментальным образом⁴⁰².

Интересной представляется позиция делегации от Самоа, по мнению которой субъектом преступления агрессии будет лицо, которое не обязано быть формально членом органа государственной власти или военным, но должно фактически занимать эффективную должность, позволяющую осуществлять контроль или руководство над политическими или военными действиями государства, ответственного за акт агрессии⁴⁰³.

Отсутствие обязанности быть формально членом правительства или военным должностным лицом нацелено на расширение круга уголовно-ответственных лиц, как это было в практике НВТ («Дело промышленников»), в то время как обязательное наличие «эффективной» и «фактически

---

⁴⁰⁰ Ibid. P. 489.

⁴⁰¹ United States v. von Weizsäcker et. al., Military Tribunal XII, 14 Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Washington, 1949. P. 425.

⁴⁰² Proposal by Colombia on the Tenth Session of the Preparatory Commission. July 2002 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 410.

⁴⁰³ Proposal by Samoa on the Tenth Session of the Preparatory Commission. July 2002 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 408

занимаемой должности» охватывает и случаи, когда лицо формально занимает высокую должность в государстве, но фактически не обладает контролем за действиями государства⁴⁰⁴.

Противники стандарта «формировать или влиять» утверждали, что он существенно расширяет возможный круг субъектов преступления агрессии, «особенно в случае демократических стран, где очень большой круг лиц может «формировать» политику государства или «влиять» на действия государства»⁴⁰⁵. Кроме того указывалось на отсутствие требования о том, чтобы такой лидер формально входил в состав соответствующего правительства⁴⁰⁶. Итогом данной дискуссии стало закрепление в Римском статуте стандарта «контроля или руководства».

Условно можно выделить 2 элемента лидерского стандарта, а именно: 1) толкование термина «position», от которого зависит круг исполнителей преступления и 2) стандарт «контроль или руководство» над действиями государства.

Толкование термина «position» и круг исполнителей. В зависимости от того, что считать предопределяющим требованием для субъекта – юридические или фактические полномочия – в зарубежной доктрине высказываются две противоположные позиции. Ряд авторов утверждают, что необходимо учитывать только фактические полномочия лица⁴⁰⁷. Это позволит включить в круг исполнителей преступления агрессии также религиозных лидеров, так как примерно в 40 государствах официальная идеология основана на религии, и высокопоставленные должностные лица принимают участие в решении вопросов национальной и международной

---

⁴⁰⁴ Ibid. P. 408.

⁴⁰⁵ Barriga S. Negotiating Amendments on the crime of aggression. Op. cit. P. 22.

⁴⁰⁶ Ibid. P. 22.

⁴⁰⁷ Ambos K. The Crime of Aggression after Kampala. Op. cit. P. 21

политики⁴⁰⁸, и экономических лидеров, которые могут осуществлять важную вспомогательную роль при подготовке агрессивной войны и ее ведении⁴⁰⁹.

Другие авторы к субъектам рассматриваемого преступления относят исключительно политических и военных лидеров. В частности, Ф. Нерлих утверждает, что субъектом преступления агрессии может выступать лишь высокопоставленное должностное лицо - глава государства или правительства либо министры обороны или иностранных дел, поскольку обязательным для субъекта является как юридическое положение, так и наличие фактических полномочий⁴¹⁰. Сходной точки зрения придерживается А. Кассесе, отмечающий, что данное преступление может быть совершено только теми, кто планирует или организует совершение преступления, что исключает привлечение к ответственности за преступление агрессии лиц, занимающих низшие военные или политические должности⁴¹¹.

Причина дискуссии относительно круга субъектов преступления агрессии, как представляется, заключается в отсутствии нормативного определения некоторых признаков субъекта этого преступления. Так, термин «position» может толковаться как «должность», наличие которой и позволяет осуществлять контроль или руководство, и как «состояние»⁴¹². Очевидно, что первое толкование ограничивает круг субъектов до тех, кто занимает формально определенное положение в государственной структуре. При втором толковании определяющим является не должность лица, а наличие у него контроля или руководства над государственными или военными актами государства, что соответственно расширяет круг субъектов, по сравнению с первым толкованием. Интересно, что русскоязычная версия исключает такое двойное толкование термина «position», переводя его как «состояние»,

---

⁴⁰⁸ Sayapin S. *The Crime of Aggression in International Criminal Law. Historical Development, Comparative Analysis and Present State*. Hague, 2014. P. 224; Ambos K. *Treaties on International Criminal Law. Volume II: The Crime and Sentencing*. Oxford, 2014. P. 205.

⁴⁰⁹ Sayapin S. *Op. cit.* P. 225; Ambos K. *Treaties on International Criminal Law. Volume II: The Crime and Sentencing*. *Op. cit.* P. 205.

⁴¹⁰ Nerlich V. *The Crime of Aggression and Modes of Liability – Is There Room Only for Principals?* // *Online Journal*. 2017. Vol 58. P. 45.

⁴¹¹ Cassese's *International Criminal Law* / revised by Cassese A. and others. Oxford, 2013. P. 141.

⁴¹² McDougall C. *Crime of Aggression under the Rome Statute*. *Op. cit.* P. 179.

отвергая требование о наличии у субъекта формального статуса и расширяя, тем самым, круг субъектов.

Предпочтительной представляется точка зрения авторов, высказывающихся за включение экономических и религиозных лидеров в круг субъектов преступления агрессии. Такое толкование позволит учесть не только очевидные случаи совершения высшим должностным лицом государства преступления агрессии, но и те случаи, при которых лицо, не занимая соответствующей должности, но обладая достаточным фактическим контролем или руководством над действиями государства, привело к совершению этим государством акта агрессии. Так, например, представим, что лицо, наделенное соответствующими полномочиями, в рамках подготовки к совершению акта агрессии осуществляет процесс милитаризации экономики страны, что обеспечивает совершение государством акта агрессии. Можно ли признать, что такое лицо, например, руководит действиями государства и является, тем самым, субъектом преступления агрессии? На наш взгляд, да, поскольку, как отмечалось еще в подготовительных работах, «исполнителями могут быть только те категории лиц, которые обладают необходимой властью или полномочиями, чтобы потенциально играть решающую роль» в совершении государством акта агрессии⁴¹³.

Стандарт «контроль или руководство». Содержание установленного в Римском статуте стандарта «контроля или руководства» не раскрывается ни в Статуте, ни в Элементах преступлений. В процессе разработки элементов преступления агрессии группа Монтрё пояснила, что «слово «эффективно» было включено в определение для уточнения, что определение сосредоточено на тех лидерах, которые действительно осуществляли контроль, а не просто «лидеры-фигуры», не обладающие реальной властью⁴¹⁴.

---

⁴¹³ Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression / Ed. by C. Kreß, S. Barriga. Camb., 2011. P. 198.

⁴¹⁴ Barriga S. Negotiating the Amendments on the Crime of Aggression. Op. cit. P. 67.

К настоящему времени в доктрине международного уголовного права, а также практике уголовных трибуналов и сложилось несколько теорий контроля. Первой стала *теория общего контроля*, разработанная в деле Д. Тадича Международным трибуналом по бывшей Югославии⁴¹⁵. Кроме того, в практике МТБЮ⁴¹⁶ появилась *теория эффективного контроля*, которая впоследствии использовалась МТР⁴¹⁷, Специальным судом по Сьерра-Леоне⁴¹⁸, а также МУС⁴¹⁹. Помимо этого, возникла *теория контроля над преступлением* (теория ответственности командиров и других начальников), которая была применена МТБЮ⁴²⁰ и МУС⁴²¹.

Интересно, что в процессе разработки определения преступления агрессии предлагалось пояснить содержание «эффективного контроля»⁴²² для целей ст. 8бис Статута посредством теории контроля, разработанной в деле Никарагуа⁴²³, и теории общего контроля в деле Тадича⁴²⁴. Вместе с тем от такого пояснения отказались поскольку в данных делах «контроль» относился к контролю государства над негосударственными субъектами, в то время как согласно намерениям разработчиков «контроль» для целей

---

⁴¹⁵ Prosecutor v. Tadić. Case No IT-94-1-A. 15 July 1999. Para 403.

⁴¹⁶ Prosecutor v. Delalić et al. Case No IT-96-21-A. 20 February 2001. Para 256; Prosecutor v. Kordić and Čerkez. Case No IT-01-47A. 22 April 2008. Para 21; Prosecutor v. Blaškić. Case No IT-95-14-A. 29 July 2004. Para 69; Prosecutor v. Mucic et al. Case No IT-96-21-A. 20 February 2001. Para 198; Prosecutor v. Aleksovski. Case No IT-95-14/1-A. 24 March 2000. Para 66, 70; Prosecutor v. Blaškić. Case No IT-95-14-T. 3 March 2000. Para 301.

⁴¹⁷ Prosecutor v. Kajelijeli. Case No ICTR-98-44A-A. 23 May 2005. Para 84; Prosecutor v. Kayishema et al. Case No ICTR-95-1-T. 21 May 1999. Para 299; Prosecutor v. Semanza. Case No ICTR-97-20-T. 15 May 2003. Para 402.

⁴¹⁸ Prosecutor v. Brima et al. Case No SCSL-04-16-T. 20 June 2007. Para 99.

⁴¹⁹ Prosecutor v. Bemba. Decision on the conformation of charges. Op. cit. Para 417.

⁴²⁰ Prosecutor v. Milomir Stakić. Case No IT-97-24-T. 31 July 2003. Para 440.

⁴²¹ Prosecutor v. Lubanga. Para 342.

⁴²² В англоязычной версии используется термин «effectively», который является наречием, а не прилагательным, и может переводиться как словом «эффективно», так и словом «фактически». В русскоязычной версии использован термин «фактически».

⁴²³ В деле Никарагуа Международный суд ООН должен был установить, можно ли привлечь США к ответственности за действия революционных сил на территории Никарагуа, поскольку США осуществляли их финансирование, организацию, подготовку или снабжение. Однако МС ООН признал, что США не несут ответственности за действия этих нерегулярных сил, поскольку для привлечения к ответственности США, последние должны обладать эффективным контролем, который предполагает руководство и обеспечение каждой конкретной операции, а не только, например, финансирование или снабжение.

⁴²⁴ В противоположность теории эффективного контроля в деле Никарагуа, для определения международной ответственности государства за осуществление контроля над полувоенными группами в деле Д. Тадича МТБЮ использовал тест общего контроля, который, в отличие от теста эффективного контроля, исключил требование об инструктировании в каждой операции. Финансирования, снабжения, координации военной деятельности такой полувоенной группы достаточно.

преступления агрессии касается контроля над политическим или военным *аппаратом* государства⁴²⁵.

В зарубежной доктрине⁴²⁶ ряд правоведов считают, что вышеназванные теории контроля не могут применяться к преступлению агрессии. Другие⁴²⁷ же полагают, что можно применить теорию контроля над преступлением (теория ответственности командиров и других начальников). На наш взгляд, разработанные теории контроля не могут применяться к данному преступлению.

Применительно к «руководству» подготовительные работы не содержат никакого пояснения.

При установлении содержания понятий контроля или руководства следует отметить несколько важных моментов. Во-первых, эффективным должен быть только контроль, а не руководство, что следует из пояснения группы Монтрё и отражено в позициях некоторых зарубежных правоведов⁴²⁸.

Во-вторых, материалы подготовительных работ⁴²⁹ дают представление только об объекте эффективного контроля – это «действия государства». Хотя содержание последних нормативно не определено, анализ материалов подготовительных работ позволяет сделать вывод, что под «действиями государства» понимаются действия государственного или военного аппарата. Как справедливо отмечал А.Н. Трайнин, уголовную ответственность несет не государство, а те конкретные лица, которые от имени государства и по его полномочию действуют⁴³⁰. В связи с этим, на наш взгляд, контроль следует понимать, как общее управление, выражающееся, например, в постановке целей. Вместе с тем эффективный контроль должен быть настолько

---

⁴²⁵ Barriga S. Negotiating the Amendments on the Crime of Aggression. Op. cit. P. 67.

⁴²⁶ Hajdin N. Aggression and Criminal Responsibility (for Whom?) // *OpinioJuris*. 2018: [сайт]. URL: <http://opiniojuris.org/2018/04/09/33521/> (дата обращения: 09.04.2020); Heller K. Retreat from Nuremberg: The Leadership Requirement in the Crime of Aggression. Op. cit. P. 491 footnote 87.

⁴²⁷ См., например: Ambos K. Individual Criminal Responsibility for Cyber Aggression // *J. Conflict & Security L.* 2016. Vol. 21. N 3. P. 498; Hajdin N. The Nature of Leadership in the Crime of Aggression: The ICC's New Concern? // *Int'l Crim. L. Rev.* 2017. N 17. P. 20.

⁴²⁸ См., например: Weisbord N. Conceptualizing Aggression. Op. cit. P. 48.

⁴²⁹ *Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression* / Ed. by C. Kreß, S. Barriga. Op. cit. P. 67, 369, 411, 473.

⁴³⁰ Трайнин А.Н. Избранные труды. Указ. соч. С. 560.

существенным, что без него невозможно было бы совершение акта агрессии. А лицо, осуществляющее такой контроль, может использовать методы принуждения и наказания, и в иерархии уровня принятия политических решений контролирующее лицо стоит выше, нежели лицо, осуществляющее руководство.

Что касается термина «руководство», то под ним следует понимать непосредственное направление деятельности и ее обеспечение на каждом этапе, ее корректирование непосредственно в процессе осуществления.

Круг соучастников преступления агрессии. В связи с рассмотрением вопроса о пределах индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии необходимо остановиться на особенностях круга соучастников преступления агрессии.

В соответствии со ст. 25(3) Римского статута, содержащей общие правила о формах индивидуальной ответственности, последняя наступает, если имели место:

a) совершение преступления лицом индивидуально, совместно с другим лицом или через другое лицо, независимо от того, подлежит ли другое лицо уголовной ответственности;

b) отдача лицом приказа, подстрекательство или побуждение совершить такое преступление, если это преступление совершается или если имеет место покушение на это преступление;

c) совершенное с целью облегчить совершение такого преступления пособничество или подстрекательство или каким-либо иным образом содействие его совершению или покушению на него, включая предоставление средств для его совершения;

d) любое иное способствование совершению или покушению на совершение такого преступления группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно оказываться умышленно и либо:

- i. в целях поддержки преступной деятельности или преступной цели группы в тех случаях, когда такая деятельность или цель связана с совершением преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда; либо
- ii. с осознанием умысла группы совершить преступление;
- e) прямое и публичное подстрекательство других к совершению преступления геноцида;
- f) покушение на совершение такого преступления, предпринимая действие, которое представляет собой значительный шаг в его совершении, однако преступление оказывается незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от намерений другого лица.

Таким образом, п. «а» криминализирует действия исполнителей и соисполнителей, в то время как п. «b»-«d» регулируют вторичные формы индивидуальной преступной деятельности.

Применительно к преступлению агрессии трудности вызывали п. «а»-«d» ст. 25(3) Статута. Проблема заключалась в том, что преступление агрессии представляет собой преступление лидерского характера, т.е. к ответственности могут быть привлечены только лица, которые в состоянии осуществлять руководство или эффективный контроль за политическими или военными действиями государства. Это означает, что независимо от участия в совершении преступления иных соучастников, нежели исполнитель, они не будут привлечены к ответственности за преступление агрессии, так как не отвечают требованиям лидерского элемента. Другими словами, в случае если чиновник, который не обладает эффективным контролем или руководством над политическими или военными действиями государства, но помогает подготавливать план вторжения, привлечь его за пособничество в совершении преступления агрессии не представляется возможным.

Вследствие этого, в процессе разработки дефиниции преступления агрессии некоторые участники предлагали принять и ввести в ст. 25(3) Римского статута новый параграф (по примеру п. e ст. 25(3) Статута, действующий только для преступления геноцида), который бы

предусмотрел, что формы индивидуальной уголовной ответственности могут применяться только, если они соответствуют лидерскому характеру преступления агрессии⁴³¹. Данный подход получил название *дифференцированного*, поскольку он предполагал, что формы индивидуальной уголовной ответственности могут применяться к преступлению агрессии, но с учетом его особой природы. В то же время, другие делегации считали, что можно предусмотреть определенные формы уголовной ответственности непосредственно в определении ст. 8бис Статута (так называемый *монистический* подход). Предпочтение отдавалось дифференцированному подходу, которому и решили следовать. Таким образом, для решения этой проблемы в Римский статут был введен новый параграф 25(3)бис, в котором установлено: «В отношении преступления агрессии положения этой статьи применяются только к лицам, которые в состоянии эффективно осуществлять контроль за политическими или военными действиями государства или руководить ими».

Цель введения данного параграфа ясна. По мнению разработчиков, недостаточно считать преступление «лидерским» только для непосредственных исполнителей, ведь «в чем цель лидерского требования для исполнителей, когда не-лидеры могут быть привлечены к ответственности как второстепенные преступники...»⁴³². Поэтому «например, советчики, которые очевидно не будут обладать каким-либо эффективным контролем над действиями государства»⁴³³, не могут привлекаться к ответственности за преступление агрессии.

Трудности в применении положений ст. 25(3) Статута были обусловлены не только лидерским характером преступления агрессии, но и особенностями исполнительства в данном преступлении. Дело в том, что преступление агрессии подразумевает контроль или руководство над

---

⁴³¹ Report of the Second Princeton Meeting on the definition of crime of aggression. June 2005 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 453.

⁴³² Barriga S. Negotiating the Amendments on the Crime of Aggression. Op. cit. P. 21.

⁴³³ Report of the First Princeton Meeting on the definition of crime of aggression. June 2004. Op. cit. P. 438. Para 49.

действиями государства, а значит, исполнительство в преступлении агрессии всегда будет подразумевать совершение его посредством других лиц. Как отмечалось в процессе разработки дефиниции преступления агрессии, «...один исполнитель не может применить (вооруженную) силу/совершить вооруженное нападение или акт агрессии через государство; даже глава государства всегда должен использовать множество других лиц, принадлежащих к государственному аппарату (в частности, солдат), чтобы привести к коллективному акту»⁴³⁴.

Учитывая вышеизложенное, стоит согласиться с сторонниками дифференцированного подхода, которые распространили лидерское требование и на иных соучастников, помимо исполнителей. Иное понимание может привести к тому, что в качестве пособников будут привлечены, например, солдаты. Однако, даже учитывая особенности исполнительства в преступлении агрессии, рядовые солдаты не могут совершить преступление агрессии.

Вместе с тем мы не можем согласиться с тем, что требование лидерского стандарта, распространенное и на иных соучастников, исключает, к примеру, экономических или религиозных лидеров из круга субъектов преступления агрессии. Главным критерием субъекта является то, что он «в состоянии» эффективно контролировать или руководить (причем не обязательно эффективно в случае руководства) действиями государства, которое в конечном итоге совершает акт агрессии. И экономические или религиозные лидеры, в таком случае, при наличии требуемого ментального элемента, могут выступать пособниками или подстрекателями к преступлению агрессии.

Применительно к ст. 25(3)бис Римского статута в доктрине рассматривается интересная проблема. Предположим, что государство А совершает акт агрессии в отношении государства Б. При этом государство В предоставляет государству А оружие, необходимое для осуществления

---

⁴³⁴ Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 474.

планируемого акта агрессии. Можно ли главу государства В привлечь к ответственности за пособничество или подстрекательство в осуществлении акта агрессии государством А?

По мнению профессора К.МакДугалл, в определении преступления агрессии предусмотрено, что субъект преступления должен обладать контролем или руководством в отношении своего государства, а не того государства, которое совершает акт агрессии⁴³⁵. Поэтому привлечение к ответственности главы государства В за подстрекательство или пособничество в совершении преступления агрессии (т.е. при выполнении требований ст. 25(3)бис) Статута возможно, при условии, что лицо осознавало, для чего поставляется оружие⁴³⁶.

Другим примером, отражающим сложности применения ст. 25(3)бис Статута, может стать ситуация, при которой лицо занимается исключительно пропагандистской деятельностью и призывает к осуществлению акта агрессии против другого государства. При этом оно не соответствует критериям лидерского стандарта ст. 8бис Римского статута. Возникает вопрос: как привлечь это лицо к ответственности? Исходя из действующих положений о преступлении агрессии, это не представляется возможным. Возможно, ответственность в данном случае будет наступать по национальному законодательству.

Основания для освобождения от уголовной ответственности. Основания для освобождения от уголовной ответственности, которые предусмотрены в статьях 31-33 Статута, в отличие от положений о соучастии, применяются к преступлению агрессии на общих основаниях. Так, обязательным условием для привлечения к уголовной ответственности в международном уголовном праве является вменяемость. Согласно ст. 31(1)(a) Римского статута, если в момент совершения деяния лицо страдает

---

⁴³⁵ Для подтверждения своей позиции профессор МакДугалл опирается на грамматику английского языка. В англоязычной версии ст. 25(3)бис предусмотрено «...person in a position effectively to exercise control over or to direct the political or military action of a State», не «the State». Следовательно, нет указания именно на то государство, которое акт агрессии осуществляет.

⁴³⁶ McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Op. cit. P. 199-200.

психическим заболеванием или расстройством, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона, оно не несет уголовной ответственности.

Вместе с тем, вследствие особенностей преступления агрессии, с применением остальных оснований для освобождения от уголовной ответственности, возникают проблемы.

Так, анализируя положения ст. 31 Римского статута, Сергей Саяпин отмечает следующее: «На практике субъекты преступления агрессии могут лишь частично воспользоваться положениями ст. 31 Статута. В частности, веским основанием для исключения уголовной ответственности стало бы установление у подсудимого психического заболевания или дефекта на момент совершения деяния (ст. 31(1)(а) Статута), наличие ситуаций, когда субъект действовал разумно для защиты себя или другого лица (ст. 31(1)(с) Статута) или ситуаций, когда действия субъекта являются вынужденной реакцией на угрозу неминуемой смерти либо неминуемого причинения тяжких телесных повреждений для него самого или другого лица (ст. 31(1)(d) Статута). А вот освобождение от уголовной ответственности в связи с интоксикацией (ст. 31(1)(b) Статута) имеет лишь ограниченное применение, так как объективная сторона преступления агрессии довольно растянута по времени (планирование, подготовка, инициирование или осуществление акта агрессии) и невозможно находиться в состоянии такого опьянения столь долгий период времени»⁴³⁷. Такая позиция находит поддержку в зарубежной доктрине⁴³⁸.

Последнее основание для освобождения от уголовной предусмотрено в ст. 33 Статута и заключается в следующем: совершение преступления по приказу правительства или гражданского или военного начальника не будет влечь уголовной ответственности, если лицо не знало, что приказ был

---

⁴³⁷ Sayapin S. Op. cit. P. 294-295.

⁴³⁸ Ruys T. Criminalizing Aggression: How the Future of the Law on the Use of Force Rests in the Hands of the ICC // European J. Int'l L. 2018. Vol. 29. P. 899.

незаконным и обязано было юридически исполнять приказы, и приказ не был явно незаконным. В процессе разработки дефиниции преступления агрессии дискуссия о применимости ст. 33 Статута была признана исключительно теоретической и обсуждение прекратилось в 2007 г. без принятия конкретного решения⁴³⁹. В соответствии с распространенным в зарубежной доктрине мнением, ст. 33 Статута к преступлению агрессии также вряд ли применима в связи с лидерским характером преступления, так как субъекты данного преступления скорее сами отдают приказы, нежели чем исполняют их⁴⁴⁰. Конечно, даже вышестоящие военные лидеры подчиняются приказам главы государства, который признается верховным главнокомандующим. Вместе с тем такой военный лидер способен сам эффективно контролировать или руководить действиями государства, отдавая приказы, поэтому признается лидером и не может ссылаться на ст. 33 Статута. К тому же, преступление агрессии по своей сути является грубым нарушением Устава ООН, а значит любой приказ будет явно незаконным⁴⁴¹.

Если по вопросу об особенностях применения положений ст. 25(3)бис, 31-33 Статута к преступлению агрессии делегации пришли к определенному решению, то в случае с ст. 28 Статута (ответственность командиров и других начальников) делегации решили никак не решать данный вопрос. Делегация от Самоа, в частности, предлагала прямо исключить возможность применения данной статьи к преступлению агрессии, однако большинство делегаций пришли к выводу об отсутствии такой необходимости, поскольку довольно сложно быть командиром или начальником и так ограниченного круга лиц, способных совершить преступление агрессии. Сомнения относительно возможности применения ст. 28 Статута высказывают К. Кресс и Л. Фон Холтцендорф, считая весьма маловероятным, что данная статья

---

⁴³⁹ Barriga S. Negotiating the Amendments on the Crime of Aggression. Op. cit. P. 20.

⁴⁴⁰ Clark R. Negotiating Provisions Defining the Crime of Aggression // Eur. J. Int'l L. 2009. Vol. 20. N 4. P. 1110.

⁴⁴¹ Gillet M. Op. cit. P. 29.

приобретет применительно к преступлению агрессию когда-нибудь практическую значимость⁴⁴².

Анализ требований к субъекту преступления агрессии будет неполным без применения этих правил к киберагрессии.

Как отмечалось, в международно-правовой доктрине нет единства мнений относительно круга субъектов преступления агрессии (только политические/военные лидеры или экономические, промышленные и религиозные лидеры включительно). Однако даже если занять позицию авторов, расширительно толкующих требование лидерского характера применительно к ст. 8бис Статута, то все равно субъекты кибератак не вписываются в этот круг, поскольку они не в состоянии эффективно осуществлять контроль за политическими или военными действиями государства или руководство такими действиями.

Хотя некоторые зарубежные правоведы считают, что вышеупомянутая кибератака Израиля против Ирана с использованием вредоносной программы “Stuxnet” вполне соответствует «условию лидерства»⁴⁴³, это единственный подобный пример на данный момент, который, возможно, и соответствует названному требованию, но явно не достигает порогового требования ст. 8бис Римского статута.

Кроме того, ст. 25(3)бис Статута ограничивает круг соучастников преступления агрессии также до тех, кто обладает эффективным контролем или руководством. Из этого следует, что даже, например, в ситуации, когда государство наняло хакера или группу хакеров для осуществления кибератаки, приведшей к человеческим жертвам на территории другого государства, хакеры не понесут наказания за преступление агрессии даже в качестве соучастников, поскольку не отвечают лидерскому требованию ст. 8бис Статута.

---

⁴⁴² Kreß C., Von Holtzendorff L. Op.cit. P. 1189.

⁴⁴³ Miller K. Op. cit. P. 253.

С другой стороны, если признать, что определяющим для субъекта преступления агрессии является возможность осуществлять эффективный контроль над политическими или военными действиями государства, который не всегда вытекает из правового статуса лица⁴⁴⁴, то лицо, фактически осуществляющее данный контроль [над политическими или военными действиями государства], можно привлечь к ответственности и за кибератаку. В таком случае, хакер, который, запустил ракеты посредством компьютерного взлома на территорию другого государства или издавший фиктивный приказ о вторжении, может быть привлечен к ответственности за преступление агрессии⁴⁴⁵.

Из этого следует, что лидерский стандарт серьезно ограничивает возможность привлечения за киберагрессию. Вместе с тем, широкое толкование субъекта преступления агрессии, наряду с объективно назревшей необходимостью привлечения таких лиц, позволяют все же установить уголовную ответственность за киберагрессию в отношении лиц, которые способны осуществлять эффективный контроль или руководство в отношении действий государства.

Анализ требований к субъекту, позволяет сделать **следующие выводы**.

Согласно общим положениям о субъекте в международном уголовном праве, к ответственности привлекаются лица, достигшие восемнадцати лет. Вместе с тем особенности правовой природы преступления агрессии предопределили его как преступление лидерского характера, совершаемое только специальным субъектом – лицом, которое в состоянии осуществлять эффективный контроль или руководство над политическими или военными действиями государства.

Новый стандарт «контроль или руководство» является отступлением от практики Нюрнбергского военного трибунала, разработавшего стандарт «формировать или влиять», и серьезным образом сужает круг субъектов по

---

⁴⁴⁴ Werle G. Op. cit. P. 412.

⁴⁴⁵ Ophardt J. Cyber Warfare and The Crime of Aggression: The Need for Individual accountability on Tomorrow's Battlefield // Duke Law & Technology Rev. 2010. N 3. Para 47.

сравнению с последним. Вместе с тем, на наш взгляд, с учетом намерений разработчиков, такие требования к субъекту преступления агрессии, как «руководство» и «быть в состоянии», позволяют расширительно толковать положения ст. 8бис Статута и включать в круг субъектов не только политических или военных лидеров, но и экономических или религиозных лидеров.

Нормативно такие признаки субъекта преступления агрессии, как «контроль» или «руководство» своего отражения в Римском статуте и Элементах преступлений не нашли. На наш взгляд, эффективный контроль следует понимать, как деятельность по общему управлению действиями государства, без которого, однако, невозможно было бы совершение акта агрессии. Лицо, осуществляющее эффективный контроль, наделено правом применять меры наказания или принуждения в отношении лиц, не выполняющих приказы. Руководство же «ближе» к непосредственному осуществлению преступления, поскольку подразумевает его направление и корректирование.

Основания для освобождения от уголовной ответственности применяются к преступлению агрессии на общих основаниях. Вместе с тем ряд оснований для освобождения от уголовной ответственности, не может применяться к преступлению агрессии, ввиду особенностей последней. К таким относятся, например, интоксикация (ст. 31(1)(b) Римского статута) или совершение преступления по приказу правительства или гражданского или военного начальника (ст. 33 Римского статута).

Что касается положений ст. 25(3)бис Статута, то требование о том, что и иные соучастники должны соответствовать лидерскому стандарту, может применяться, но только при широком толковании самого исполнителя преступления агрессии, как было отмечено.

Широкое толкование ст. 8бис и 25(3)бис Статута позволит также привлекать лиц, совершивших киберагрессию, поскольку при таком толковании определяющим является наличие у субъекта возможности

фактически осуществлять контроль или руководство в отношении действий государства.

Хотя делегации не решили проблему применения статей 28 и 33 Статута к преступлению агрессии, такая проблема, на наш взгляд, и не возникнет на практике.

Глава 2. Основание уголовной ответственности за преступление планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны по российскому уголовному законодательству

В свете принятого международным сообществом нового определения преступления агрессии, в разработке которого делегация от Российской Федерации принимала непосредственное участие, представляется важным не просто изучить основание уголовной ответственности за преступление агрессии, но и проанализировать возможность использования достижений мирового сообщества для улучшения нормы об ответственности за преступление планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны (далее также – преступление агрессивной войны), предусмотренной в ст. 353 УК РФ. В связи с этим, в данной главе будет исследовано основание уголовной ответственности за преступление агрессивной войны и предложены способы совершенствования положений указанной статьи.

§ 1. Понятие и классификация преступлений против мира и безопасности человечества

Раздел и глава о преступлениях против мира и безопасности человечества в УК РФ выделены впервые (разд. XII, гл. 34). Необходимость включения этих составов была обусловлена стремлением Российской Федерации выполнить международные обязательства по включению в национальное законодательство международных преступлений⁴⁴⁶.

Родовым объектом преступлений, включенных в гл. 34 УК РФ, исходя из ее названия, являются *мир и безопасность человечества*.

В нормативных актах отсутствует определение мира. В доктрине же под «миром», преимущественно, понимают юридическое состояние, характеризующееся отсутствием войны (независимо от объявления военных

---

⁴⁴⁶ При разработке составов преступлений главы 34 УК РФ учитывались основные принципы, закрепленные в Уставе ООН (например, запрет применения силы против другого государства), положения Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., а также опыт международных трибуналов.

действий)⁴⁴⁷. Д.В. Лобач расширяет понятие «мира», считая, что это состояние, при котором отсутствует не только война, но и «вооруженное противостояние и враждебные отношения»⁴⁴⁸. В отечественной доктрине высказывается и точка зрения, согласно которой под миром следует понимать «совокупность жизненных условий существования государств, основанных на взаимном учете национальных интересов, проведении внешней политики ненасильственными средствами и соблюдении взаимных договорных обязательств»⁴⁴⁹. На наш взгляд, под «миром» для целей главы 34 следует понимать состояние отсутствия военных действий между государствами (двумя или несколькими) или между вооруженными организованными негосударственными группами и государствами.

Что касается понятия «безопасности человечества», то его определение в российском праве также отсутствует. Вместе с тем в утратившем на данный момент силу Законе РФ «О безопасности» под «безопасностью» понималось состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз⁴⁵⁰. В новом Федеральном законе № 390 «О безопасности» определение понятия безопасности отсутствует⁴⁵¹, однако в п. 5 Стратегии национальной безопасности содержится определение понятия «национальной безопасности», под которой понимается состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права и свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской

---

⁴⁴⁷ Малахова О.В. Агрессия как преступление по национальному и международному уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003. С. 93.

⁴⁴⁸ Лобач Д.В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 6.

⁴⁴⁹ Князькина А.К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды общая характеристика / под. ред. А.И. Чучаева. М., 2010. С. 121.

⁴⁵⁰ Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. N 2446-1 «О безопасности» // Российская газета. 6 мая 1992. N 103. Ст. 1.

⁴⁵¹ Федеральный закон «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

Федерации, оборону и безопасность государства⁴⁵². Как справедливо отмечает Е.В. Благов, приведенное определение не отражает понятия «безопасности человечества», однако содержит ключ к пониманию последнего и, «с учетом изложенного таковой можно считать состояние защищенности существования человеческого рода»⁴⁵³. А.А. Арямов, также анализируя данное в ст. 1 Закона РФ «О безопасности» определение безопасности, приходит к выводу, что «под безопасностью человечества целесообразно понимать состояние защищенности неопределенного круга лиц от любых угроз, посягающих на их жизненно важные интересы, то есть угроз физическому существованию человечества в общем либо конкретной социальной группе в частности (национальности, расе...)»⁴⁵⁴. Б.А. Дряев отмечает, что «понятие «безопасность человечества» является емким и включает в себя совокупность общественных отношений, регламентирующих безопасные условия жизни разных групп людей, обществ, народов, и нормальное продолжение человеческого рода как биологического вида живых существ»⁴⁵⁵.

Таким образом, под безопасностью человечества следует понимать состояние защищенности личности в отдельности и человечества в целом, обеспечиваемое государствами в отдельности, а также региональными и международными организациями.

Непосредственный объект является обязательным элементом любого состава преступления и под ним следует понимать конкретное благо, на которое непосредственно направлено посягательство.

В качестве непосредственного объекта указанных преступлений в науке уголовного права называются самые разные общественные отношения, блага и интересы: охраняемые общепризнанными принципами

---

⁴⁵² Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 5.07.2021 г. N 27 (часть II) ст. 5351. П. 5.

⁴⁵³ Благов Е.В. Специальный курс уголовного права: курс лекций для бакалавров. М., 2016. С. 176

⁴⁵⁴ Арямов А.А. Актуальные направления развития современного международного уголовного права: курс лекций. М., 2015. С. 53.

⁴⁵⁵ Дряев Б.А. Агрессия в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 74.

международного права и международным правом интересы соблюдения всеобщего мира и правил мирного урегулирования межгосударственных споров⁴⁵⁶; комплекс общественных отношений, складывающихся по поводу и в процессе реализации такого основополагающего принципа международных взаимоотношений, как принцип мирного сосуществования государств и народов⁴⁵⁷.

Особенностью составов преступлений против мира и безопасности человечества является также то, что они одновременно посягают на несколько объектов. Так, основной непосредственный объект преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны (ст. 353 УК РФ) является мир и мирное сосуществование государства, а в качестве дополнительных объектов могут выступать жизнь, здоровье или собственность. Это верно и для, например, акта международного терроризма (ст. 361 УК РФ), основным непосредственным объектом которого будет выступать безопасность человечества, а дополнительными - жизнь, здоровье, честь, достоинство или собственность.

Таким образом, преступления против мира и безопасности человечества – это общественно опасные деяния, посягающие на мир и мирное сосуществование государств, а также на безопасные условия существования отдельного человека и человечества в целом.

В доктрине представлены различные классификации рассматриваемых преступлений в зависимости от непосредственного объекта посягательства. Например, профессор А.В. Наумов выделяет следующие группы: 1) преступления, посягающие на мир и мирное сосуществование государства (статьи 353, 354, 355 УК РФ); 2) преступления, посягающие на регламентированные международным правом средства и методы войны (статьи 356, 357, 358, 359 УК РФ); 3) преступления, посягающие на безопасность представителя иностранного государства или сотрудника

---

⁴⁵⁶ Малахова О.В. Указ. соч. С. 99.

⁴⁵⁷ Энциклопедия уголовного права. Т. 31. Преступления против мира и безопасности человечества. Издание профессора Малинина – ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб., 2019. С. 45.

международной организации, пользующихся международной защитой (ст. 360 УК РФ)⁴⁵⁸.

Тождественной классификации придерживается и О.С. Капинус⁴⁵⁹.

В.Н. Кудрявцев классифицировал преступные деяния, содержащиеся в главе 34 УК РФ, следующим образом: 1) преступления против мира (статьи 353, 354, 356 и 359 УК РФ); 2) преступления против безопасности человечества (статьи 355, 357 и 358 УК РФ); 3) преступления против международного сотрудничества государств (ст. 360 УК РФ)⁴⁶⁰.

Иной классификации придерживалась Н.Ф. Кузнецова, подразделяя преступления главы 34 УК РФ на преступления против мира (ст. 353, 354 и 360 УК РФ), военные преступления (ст. 355, 356 и 359 УК РФ), а также преступления против человечества (ст. 357 и 358 УК РФ)⁴⁶¹.

А.И. Коробеев данные преступления подразделяет на: 1) преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие мир и мирное существование государств (ст. 353 и 354 УК РФ); 2) преступления, посягающие на общественные отношения по безопасности человечества (статьи 355, 357 и 358 УК РФ); 3) преступления, посягающие на общественные отношения, регулирующие правила и методы ведения военных действий, вооруженных конфликтов (статьи 356 и 359 УК РФ); 4) преступления, посягающие на общественные отношения по обеспечению безопасности персонала международных организаций или представителей иностранных государств (ст. 360 УК РФ)⁴⁶².

Стоит отметить, что вышеперечисленные классификации не учитывают изменений, которые были внесены в главу 34 Уголовного кодекса. В связи с этим верной, на наш взгляд, является классификация составов,

---

⁴⁵⁸ Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2002. С. 1004.

⁴⁵⁹ Уголовное право России. Особенная часть. Том 2 / под ред. О.С. Капинус. М., 2015. С. 491.

⁴⁶⁰ Уголовное право. Особенная часть. / под. ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 387.

⁴⁶¹ Курс уголовного права. Особенная часть. Том 5. Учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Г.И. Борзенкова. М., 2002. С. 353, 361, 380.

⁴⁶² Полный курс уголовного права. Том V / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 387.

расположенных в главе 34 на три большие группы⁴⁶³: 1) преступления против мира и мирного сосуществования государства (ст. 353, ст. 354, ст. 355 УК РФ); 2) преступления против правил и обычаев ведения войны (ст. 356, ст. 359 УК РФ), 3) преступления против безопасности человечества (ст. 357, ст. 358, ст. 360 и ст. 361 УК РФ).

Как видно из вышеизложенного, в российском уголовном законодательстве также предусмотрена ответственность за преступление агрессии в ст. 353 УК РФ (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны). Признаки состава данного преступления и основание уголовной ответственности за его совершение будут рассмотрены в следующем параграфе.

§ 2. Основание индивидуальной ответственности за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны

Основанием наступления уголовной ответственности в уголовном праве России, как следует из ст. 8 УК РФ, признается совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного в УК РФ.

Согласно ст. 353 УК РФ преступным признается планирование, подготовка или развязывание агрессивной войны (ч. 1), а также ее ведение (ч. 2).

По мнению А.В. Бриллиантова, непосредственным объектом этого преступления является мир, поскольку все действия объективной стороны ст. 353 УК РФ «ведут к разрушению нормальных отношений между народами, суверенными государствами»⁴⁶⁴. Правильной, однако, представляется точка зрения правоведов, признающих непосредственным объектом данного преступления общественные отношения, обеспечивающие поддержание мира и мирное сосуществование государств. Совершение данного преступления

---

⁴⁶³ Как было отмечено выше, состав реабилитации нацизма, на наш взгляд, не должен находиться в главе 34, в связи с чем он не учитывается в предлагаемой классификации.

⁴⁶⁴ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015. С. 1165.

противоречит таким основным международным принципам, как принцип неприменения силы или угрозы применения силы для разрешения споров и принцип территориальной целостности и нерушимости государственных границ. В качестве дополнительных объектов могут выступать жизнь, здоровье, собственность и т.д.

Терминология. Ключевым для данного состава преступления является понятие агрессивной войны, которое в уголовном законе не раскрывается и требует обращения к нормам международного права, международно-правовой практике и доктрине.

В российской уголовно-правовой доктрине⁴⁶⁵ понятие агрессивной войны применительно к ст. 353 УК РФ, как правило, раскрывается через термин «акт агрессии», определенный в ст. 1 и 3 Резолюции 1974 г.⁴⁶⁶ и рассмотренный в первой главе настоящего диссертационного исследования.

Например, О.В. Малахова утверждает, что «понимание «агрессивной войны» должно совпадать с пониманием «агрессии» («актов агрессии»)» в соответствии с международным уголовным правом, и это следует из ст. 15 Конституции Российской Федерации (принцип приоритета норм международного права над национальными нормами) и ч. 2 ст. 1 УК РФ⁴⁶⁷. Сходную позицию занимают и другие российские ученые.

Согласно практике Международного военного трибунала, термин «агрессия» охватывает и акт агрессии⁴⁶⁸, и агрессивную войну, которые по своему содержанию различаются. Так, аннексия нацистской Германией Австрии и Чехословакии в решении Международного военного трибунала называется актами агрессии и только с нападения на Польшу начинается агрессивная война: «Первыми актами агрессии...являются аннексия Австрии и Чехословакии; а первое обвинение в развязывании агрессивной войны в

---

⁴⁶⁵ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Указ. соч. С. 133; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2004. С. 355.

⁴⁶⁶ Дзейтова Р.Б. Определение преступления агрессии в законодательстве России и Германии // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11(162). С. 335.

⁴⁶⁷ Малахова О.В. Указ. соч. С. 56.

⁴⁶⁸ В современном международном праве, как отмечалось, эти термины приравниваются и в данном исследовании понимаются как тождественные.

обвинительном заключении касалось войны против Польши, которая началась 1 сентября 1939 г.»⁴⁶⁹.

Известно, что аннексия Австрии и Чехословакии была признана МВТ частью плана для развязывания уже в последующем агрессивной войны, и эти агрессивные действия входили в обвинение об участии в общем плане или заговоре⁴⁷⁰. Кроме того, как отмечает российский юрист-международник С.В. Глотова, действия против Австрии и Чехословакии признавались актами агрессии, поскольку «по мнению МВТ, агрессивная война осуществляется с применением вооруженной силы, в отличие от агрессивных актов»⁴⁷¹, которые могут осуществляться иным образом. В то же время для описания подготовки и планирования агрессивной войны в решении МВТ используется термин «агрессия», который, как следует из решения МВТ, включает и агрессивные действия в отношении Австрии и Чехословакии.

В международно-правовой доктрине также предлагались различные определения агрессии и агрессивной войны и, как правило, эти понятия понимались как нетождественные. Так, профессор Куинси Райт считает, что понятие «агрессия» шире понятия агрессивной войны, поскольку многие международные соглашения обязывают государство не применять насилие, которое не относится к войне (например, «обращение к «немирным средствам» при урегулировании международного спора в нарушение ст. 2 Парижского договора»)⁴⁷². Следовательно, агрессия может осуществляться и в отсутствие войны.

В российской правовой доктрине аналогичное мнение высказывается Д.В. Лобачем, который считает, что агрессивная война подразумевает наличие вооруженного противостояния и фактического ведения боевых действий. В то же время согласно перечню актов агрессии, приведенному в п. «f» и п. «g» ст. 3 Резолюции 1974 г., агрессией признаются и действия

---

⁴⁶⁹ 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 186.

⁴⁷⁰ McDougall C. The Crimes against Peace Precedent. Op. cit. P. 73

⁴⁷¹ Глотова С.В. Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском Уставе и Римском Статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2017. № 2. С. 90.

⁴⁷² Wright Q. The Concept of Aggression in International Law. Op. cit. P. 376.

государства, позволяющего другому государству использовать свою территорию для осуществления акта агрессии в отношении третьего государства, а также засылка вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, осуществляющих акты применения вооруженной силы против другого государства (равносильные по своей серьезности актам, перечисленным в пп. а-f)⁴⁷³.

Соглашаясь с позицией Д.В. Лобача, важно подчеркнуть, что исторически агрессивные войны - это масштабные и продолжительные войны. Российское уголовное законодательство переняло именно такое понимание агрессивной войны, отраженное в Уставе МВТ. Следовательно, применительно к российской доктрине нельзя говорить о тождественности терминов «акт агрессии» и «агрессивная война».

Вместе с тем важно отметить, что в Военной доктрине⁴⁷⁴ Российской Федерации содержатся определения трех видов войны – локальной⁴⁷⁵, региональной⁴⁷⁶ и крупномасштабной – и последняя соответствует признакам агрессивной войны, рассмотренным в практике МВТ. Крупномасштабной признается война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны преследуют радикальные военно-политические цели; крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта⁴⁷⁷, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира, и такая война потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников.

---

⁴⁷³ Лобач Д.В. Проблемы имплементации международно-правовых норм об агрессии в российском уголовном законодательстве // Бизнес в законе. 2011. № 1. С. 95.

⁴⁷⁴ Военная доктрина Российской Федерации. Пп. «е», «ж» и «з», п. 8 // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁷⁵ Локальная война – война, в которой преследуются ограниченные военно-политические цели, военные действия ведутся в границах противоборствующих государств, и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие).

⁴⁷⁶ Региональная война – война с участием нескольких государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами, в ходе которой стороны преследуют важные военно-политические цели.

⁴⁷⁷ Вооруженный конфликт, согласно пп. «д» п. 8 Военной доктрины, понимается как вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт).

Очевидным недостатком приведенного выше определения крупномасштабной войны является то, что оно раскрывается через понятие «война», которое, вместе с тем, не определено в указанном документе. Однако, учитывая предусмотренную в Военной доктрине терминологию, можно вывести определение войны.

Так, в Военной доктрине содержится понятие «военный конфликт», которое понимается как форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы и, что еще важнее, «понятие охватывает⁴⁷⁸ все виды *вооруженного противоборства*, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты⁴⁷⁹ (курсив мой – Р.Д.). Таким образом, можно определить войну как вид вооруженного противоборства, а крупномасштабную войну как вид вооруженного противоборства между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в котором стороны преследуют радикальные военно-политические цели и которое потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников. Однако этого определения недостаточно для уголовно-правового понимания агрессивной войны.

Кроме того, объяснение содержания агрессивной войны через определение акта агрессии, содержащееся в Резолюции 1974 г., также, на наш взгляд, не является обоснованным. Правильным представляется отказаться от упоминания такой устаревшей формы агрессии, как агрессивная война, и прямо предусмотреть в ст. 353 УК РФ наказуемость «акта агрессии», охватывающего и собственно агрессивную войну, и иные

---

⁴⁷⁸ Нельзя не отметить, что выстраивается странная система соотношения приведенных в Военной доктрине понятий. Получается, что существует два разных понятия – военный конфликт и вооруженный конфликт (при этом международному гуманитарному праву известно только второе понятие). Последний является одним из видов вооруженного противоборства, наряду с локальными, региональными и крупномасштабными войнами. И перечень видов вооруженного противоборства открытый. При этом в документе отсутствует определение вооруженного противоборства как такового.

⁴⁷⁹ Военная доктрина Российской Федерации. Пп. «г», п. 8.

виды агрессии, отвечающие установленным в международном праве критериям.

Вместе с тем простая инкорпорация определения акта агрессии в статьи российского уголовного законодательства или ссылка на Резолюцию 1974 г. проблему не решит, поскольку разработанное для целей международного права определение акта агрессии не лишено недостатков, которые уже отмечались ранее.

Интересно, что в российской науке сторонники тождественности рассматриваемых понятий, помимо непосредственно определения акта агрессии, включают в понятие агрессивной войны и все перечисленные в Резолюции 1974 г. акты агрессии. Некоторые российские правоведы даже указывают, что «право определения факта вооруженной агрессии (войны) принадлежит Совету Безопасности ООН»⁴⁸⁰.

Учитывая, что отечественные правоведы при толковании термина «агрессивная война» используют определение акта агрессии, закрепленное в Резолюции 1974 г., а также исходя из анализа материалов подготовительных работ, который был проведен в главе 1 данной работы, и с учетом того, что международное сообщество пришло к решению отказаться от концепции «агрессивной войны» в пользу «акта агрессии», правильным представляется заменить термин «агрессивная война» в наименовании и диспозиции статьи на «акт агрессии», а в примечании к ст. 353 УК РФ предусмотреть следующее определение акта агрессии: «Под актом агрессии (агрессией) в настоящей статье, а также статье 354⁴⁸¹ настоящего Кодекса, следует понимать незаконное применение государством, группой государств или вооруженной организованной негосударственной группой вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с соответствующим международным договором.».

---

⁴⁸⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. Указ. соч. С. 355.

⁴⁸¹ Поскольку в ст. 354 УК криминализованы публичные призывы к развязыванию *агрессивной войны*, для соблюдения единообразия терминологии Уголовного кодекса в предлагаемое для ст.353 УК РФ примечание необходимо включить и ст. 354 УК РФ.

Кроме того, в примечании к ст. 353 УК РФ необходимо прямо предусмотреть перечень актов агрессии, который содержится в Резолюции 1974 г. Как уже отмечалось, принятая в конце 20 в. резолюция не отражает современные формы актов агрессии, вследствие чего простая ссылка на этот документ не представляется целесообразной. При этом при формулировании в ст. 353 УК РФ перечня актов агрессии следует прямо указать на его открытый характер, который следует ограничить формулировкой «другие акты применения вооруженной силы против другого государства, равносильные перечисленным выше актам».

Применительно к понятию агрессии для целей ст. 354 УК РФ стоит отметить следующее. На данный момент в Уголовном кодексе криминализованы только публичные призывы к развязыванию агрессивной войны⁴⁸², что представляется неверным. Возникает вопрос о достаточности криминализации, с учетом выдвинутого предложения о замене терминологии, публичных призывов к агрессии. Для ответа на поставленный вопрос, необходимо проанализировать как российское законодательство, так и международно-правовую практику.

В УК РФ помимо термина «публичные призывы», который предусмотрен не только в ст. 354 УК (например, ст. 205² (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма), ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ст. 280⁴ (публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства)), содержится еще один термин для описания деятельности по распространению различных идей или взглядов,

---

⁴⁸² Интересно, что такое регулирование является отступлением от советской традиции, поскольку УК РФ РСФСР 1960 г. в ст. 71 признавал уголовно наказуемым именно пропаганду войны и под этим понималось распространение взглядов и идей, направленных на развязывание войны между государствами или распространение разнообразных идей, взглядов, имеющих своей целью вызвать агрессию одной страны или группы стран против другой страны или группы стран. Таким образом уголовно наказуемыми признавались любые – открытые или завуалированные – призывы к войне, независимо от существующего в государстве режима и вне зависимости от того, кого или против кого настраивают. См., например: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М., 1984. С. 159; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / под ред. Г.П. Тихоновой, А.А. Большакова. Ленинград, 1962. С. 154.

направленных на неопределенный круг и имеющих своей целью формирование определенного поведения адресатов, а именно «пропаганда» (ст. 205² (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма) и ст. 282⁴ (неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами)).

Анализ соотношения терминов «публичные призывы» и «пропаганда» позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, ввиду отсутствия определения публичных призывов в Уголовном кодексе, под публичными призывами понимает выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению соответствующей деятельности (например, экстремистской⁴⁸³ или террористической⁴⁸⁴). Таким образом, «призывы – это воздействие на сознание и волю людей с целью возбуждения у них желания вести себя определенным образом», и, как правило, они осуществляются посредством использования «глаголов повелительного наклонения («делай», «громи», «выступай»)⁴⁸⁵. Согласно другой точке зрения, призывы, в частности, к террористической деятельности, «включают в себя не только непосредственно императивы, но и обоснование необходимости совершения противоправных действий, т.е., по

---

⁴⁸³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». П. 4 // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁸⁴ Постановление Пленума Верховного Суда от 09.02.2012 N 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». П. 18 // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁸⁵ Кунашев А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 83.

сути, любую риторику убеждающего характера»⁴⁸⁶. Исходя из данной позиции, можно выделить призывы, содержащие исключительно побуждение действовать, и призывы, которые могут содержать и некоторое обоснование.

Обязательным признаком призывов является публичность, т.е. призывы развязать агрессивную войну обращены к неограниченному кругу лиц. При этом, как отмечается в доктрине, публичность обеспечивается уже при наличии двух лиц⁴⁸⁷. Кроме того, публичность может определяться местом и обстановкой (к примеру, на митинге или конференции)⁴⁸⁸. Пленум Верховного Суда, разъясняя признак публичности, отмечает, что «вопрос о публичности должен разрешаться с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств (например, обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.)»⁴⁸⁹ и, вследствие того, что «интерпретация содержания признака публичности Пленумом Верховного Суда РФ является стабильной и не меняется относительно различных составов преступлений»⁴⁹⁰, ее можно применять и в отношении ст. 354 УК РФ.

Кроме того, в 2022 г. были криминализованы такие действия как публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от

---

⁴⁸⁶ Вандышева А.В., Темникова Л.Б. Судебная лингвистическая экспертиза: проблема корреляции формулировок законодательных норм и соответствующих им лингвистических терминов и понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4(127). С. 103.

⁴⁸⁷ Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прокументова. Томск, 2019. С. 822; Малахова О.В. Указ. соч. С. 148.

⁴⁸⁸ Энциклопедия уголовного права. Т. 31. Указ. соч. С. 55.

⁴⁸⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». П. 4; Постановление Пленума Верховного Суда «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности». П. 19.

⁴⁹⁰ Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2016. Вып. 2. С. 33.

указанных обстоятельств (ст. 207¹ УК РФ) и публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека (ч. 1 ст. 207² УК РФ) или повлекшее по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 207² УК РФ). Президиум Верховного Суда под публичностью в данных статьях также понимает информацию, адресованную группе или неограниченному кругу лиц и выраженную в любой доступной для них форме (например, в устной, письменной или с использованием технических средств)⁴⁹¹. Для установления публичности также следует иметь в виду место, обстановку и другие обстоятельства распространения информации, а в качестве способов распространения информации для признания наличия признака публичности могут выступать СМИ, информационно-телекоммуникационные сети (в том числе различные мессенджеры), массовая рассылка электронных сообщений абонентам мобильной связи, выступление на собраниях или митингах, распространение листовок, вывешивание плакатов и т.п.⁴⁹²

В международном уголовном праве содержание критерия «публичность» было разработано применительно к преступлению прямого и публичного подстрекательства к совершению геноцида. Это преступление закреплено в ст. 4(с) Устава МТБЮ, ст. 2(3)(с) Устава МТР и ст. 25(3)(е) Римского статута.

Публичность высказываний устанавливается применительно к охвату территории, месту и средствам и способам распространения призывов. В практике МТР целевая аудитория должна быть неограниченной, т.е. призывы должны быть обращены к неограниченному кругу лиц⁴⁹³. В ряде решений

---

⁴⁹¹ «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 2» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020). Вопрос 13 // СПС КонсультантПлюс.

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ Prosecutor v. Nzabonimana. Case No ICTR-98-44D-T. 31 May 2012. Para 231.

устанавливалось различное количество лиц (100 - 5000 человек⁴⁹⁴)⁴⁹⁵. При анализе критерия охвата территории важно установить, что аудитория не была специально избрана⁴⁹⁶. Место распространения также должно быть публичным, т.е. допускающим обращение к широкой общественности⁴⁹⁷. Подтверждением публичности является также использование средств массовой информации для распространения призывов⁴⁹⁸. Так, например, МТР установил, что во время геноцида в Руанде использовались «Свободное радио и телевидение тысячи холмов (RTLM) и газеты Кангура (Kangura)⁴⁹⁹.

Прямыми являются такие высказывания, которые осуществляются прямо и направлены на создание у лиц намерения совершить преступление⁵⁰⁰ геноцида⁵⁰¹. Прямыми высказывания будут и тогда, когда они осуществляются с использованием, например, метафор или эвфемизмов⁵⁰², но целевая аудитория, вследствие языкового и культурного⁵⁰³, а также временного⁵⁰⁴ контекстов, ясно понимает содержание призывов.

Таким образом, можно отметить схожесть⁵⁰⁵ в содержании критерия «публичности» на международном, так и на национальном уровнях.

Во-вторых, термин «пропаганда» шире, чем «публичные призывы». Примечание 1.1 к ст. 205² УК РФ⁵⁰⁶ содержит следующее определение

---

⁴⁹⁴ Prosecutor v. Akayesu. Case No ICTR-96-4-T. 2 September 1998. Paras 672-674; Prosecutor v. Niyitegeka. Case No ICTR-96-14-T. 16 May 2003. Paras 257, 437; Prosecutor v. Niyitegeka. Case No ICTR-96-14-A. 9 July 2004. Para 270; Prosecutor v. Kajelijeli. Case No ICTR-98-44A-T. 1 December 2003. Paras 856-860.

⁴⁹⁵ Количество лиц не является обязательным критерием неограниченности аудитории и его необходимо устанавливать наряду с другими фактическими обстоятельствами и критериями публичности в целом. См., например: Saslow B. Public Enemy: The Public Element of Direct and Public Incitement to Commit Genocide // Case Western Reserve J of Int'l L. 2016. Vol. 48. P. 430.

⁴⁹⁶ Prosecutor v. Nzabonimana. Case No ICTR-98-44D-A. 29 September 2014. Para 124.

⁴⁹⁷ Prosecutor v. Nzabonimana. Para 124; Prosecutor v. Nahimana et al. Case No ICTR-99-52-A. 28 November 2007. Para 862; Prosecutor v. Kalimanzira. Case No ICTR-05-88-A. 20 October 2010. Paras 161, 164.

⁴⁹⁸ Prosecutor v. Karemera et al. Case No ICTR-98-44-A. 29 September 2014. Para 483.

⁴⁹⁹ Prosecutor v. Nahimana et al. Para 122.

⁵⁰⁰ Это отличает ст. 25(3)(е) Статута от иных словесных преступлений или от простой критики любой социальной группы. См., например: Bassiouni Ch. International criminal law: Sources, Subjects, and Contents. Vol 1. 3^d ed. Leiden, 2008. P. 432.

⁵⁰¹ Prosecutor v. Nahimana et al. Para 692.

⁵⁰² Примером может служить использование слова «тараканы» для описания тутси и призывы «давить тараканов» во время геноцида в Руанде.

⁵⁰³ Prosecutor v. Akayesu. Paras 557, 673; Prosecutor v. Nzabonimana. Case No ICTR-98-44D-T. Para 175.

⁵⁰⁴ Prosecutor v. Šešelj. Case No IT-03-67-T. 31 March 2016. Para 298; Prosecutor v. Bikindi. Case No ICTR-01-72-T. 2 December 2008. Paras 422, 426.

⁵⁰⁵ Очевидно, существуют и различия в толковании данного критерия, выработанные в международной уголовной практике и доктрине. Вместе с тем, поскольку вербальные преступления не являются темой данного диссертационного исследования, они не будут изучены в большем объеме. При этом следует отметить, что и в национальном, и в международном законодательстве данный термин является оценочным.

пропаганды терроризма: «Под пропагандой терроризма понимается деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности».

В судебной практике пропагандой терроризма были признаны действия С., который разместил в социальной сети «ВКонтакте» на своей персональной странице изображения и публикации, в которых, по заключению экспертов обвиняемый С. также позитивно оценивал мусульман, погибших на джихаде, и «пропагандировал ценность роли шахида», отмечая необходимость воспитывать детей в традициях борьбы⁵⁰⁷.

В отечественной доктрине высказываются различные точки зрения относительно соотношения публичных призывов и пропаганды. Ряд правоведов приравнивают понятия «пропаганды» и «призывов». Так, Н.А. Лопашенко пишет: «по сути, призывы к развязыванию агрессивной войны представляют собой ее пропаганду»⁵⁰⁸. Е.В. Лошенкова также считает, что «призывы представляют собой выступление, цель которого – донести до аудитории идею о *полезности, необходимости, неизбежности* агрессивной войны. Они призваны сформировать *положительное отношение* к предстоящему акту агрессии, желание участвовать в нем» (выделено мной. – Р.Д.)⁵⁰⁹.

Другие – разграничивают эти понятия. И.М. Пшеничнов и Е.А. Смирнов, например, считают, что пропаганда является «формой публичного

---

⁵⁰⁶ В ст. 205² УК РФ криминализовано также оправдание терроризма, под которым понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. При этом понятие «пропаганды», на наш взгляд, полностью охватывает оправдание терроризма и, как отмечается в уголовно-правовой доктрине, является «частным случаем информации, направленной на формирование у лица идеологии терроризма и убежденности в ее привлекательности». Такая позиция находит поддержку в доктрине. См., например: Москалев Г.Л. Пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ) // Национальная безопасность. 2018. № 6. С. 82.

⁵⁰⁷ «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) П. 60 // СПС КонсультантПлюс.

⁵⁰⁸ Лопашенко Н.А. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. Т. 3. Особенная часть / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2014. С. 642.

⁵⁰⁹ Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. М., 2019. С. 576.

призыва к террору, одновременно предполагающего оправдание его идеологии»⁵¹⁰.

Более верной представляется позиция тех ученых, которые разграничивают пропаганду и публичные призывы. Призывы, в отличие от пропаганды, повлекут уголовную ответственность только, если они осуществлялись публично, поэтому ответственность за пропаганду может иметь место и случае, если обозначенные действия направлены на формирование идеологии и соответствующие мировоззренческие установки даже у одного человека⁵¹¹. Кроме того, пропаганда выражается в деятельности, в отличие от публичных призывов, которые могут выражаться и в однократном действии⁵¹². Д.В. Лобач основное отличие пропаганды от публичных призывов видит в том, что пропаганда включает и «скрытые формы психологического воздействия на сознание людей», а «основная функция негативной пропаганды сводится к созданию иллюзорной, параллельной реальности, выгодной пропагандисту», способной навязать людям выгодные ему убеждения и стереотипы⁵¹³. Таким образом, пропаганда, скорее, формирует представление о допустимости действий и обоснование возможности их совершения⁵¹⁴, в то время как призыв, скорее, побуждение к определенным действиям.

На наш взгляд, криминализация только публичных призывов не соответствует общественной опасности данного преступления. Любой войне предшествует масштабная пропагандистская кампания, нацеленная на убеждение в необходимости осуществления военных действий в отношении другого государства или государств и оправдание агрессивной войны, что подтверждается историческим опытом. Таким образом, эта деятельность

---

⁵¹⁰ Пшеничников И.М., Смирнов Е.А. К вопросу об ответственности за пропаганду и оправдание терроризма: состояние, зарубежный опыт, пути совершенствования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3(51). С. 139.

⁵¹¹ Там же. С. 88.

⁵¹² Кунашев А. Указ. соч. С. 88.

⁵¹³ Лобач Д.В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование. Указ. соч. С. 128.

⁵¹⁴ Москалев Г.Л. Там же. С. 83.

подготавливает население к «покорному принятию»⁵¹⁵ предстоящей преступной деятельности. Вместе с тем пропаганда, как было отмечено выше, не охватывает такие публичные призывы, которые содержат в себе исключительно побуждение действовать. По этой причине, на наш взгляд, в ст. 354 УК РФ необходимо криминализировать также пропаганду агрессии, а не только публичные призывы к агрессивной войне.

Что касается определения пропаганды агрессии, то оно может быть основано на уже закрепленном в примечании к ст. 205² УК РФ определении пропаганды терроризма, и это соответствует требованию законодательной техники о сохранении единства терминологии Уголовного кодекса. Как справедливо отмечает Т.В. Кондрашова, «единство терминологии ... в рамках одной отрасли права или одного нормативного акта является требованием законодательной техники», поэтому «один и тот же термин в том или ином нормативно-правовом акте должен употребляться однозначно»⁵¹⁶. В примечаниях к статьям Уголовного кодекса термины могут определяться как относящиеся ко всем статьям УК РФ, посредством формулировок «в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса» (например, в примечаниях к ст. 117 УК РФ или ст. 139 УК РФ) или просто «в настоящем Кодексе» (как, например, в примечании к ст. 138¹ УК РФ).

Следует, однако, иметь в виду, что в отличие от терроризма, пропаганда агрессии не может быть абстрактной, т.е. пропаганда агрессии всегда должна быть направлена против конкретного государства или группы государств. В связи с этим, в определении предлагается прямо предусмотреть уточнение о наказуемости формирования идеологии вооруженной агрессии именно против конкретного государства.

Кроме того, в случае с преступлением агрессии отсутствует какая-либо идеология, в отличие от терроризма, который является идеологией насилия. Примеры пропаганды вооруженной агрессии против государства или группы

---

⁵¹⁵ 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 350-351.

⁵¹⁶ Кондрашова Т.В. К вопросу об единстве терминологии в уголовном законодательстве и праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2003. № 2. С. 322.

государства свидетельствуют о том, что она содержит в себе объяснение необходимости, оправдание, обоснование ее допустимости, и по своему содержанию такая пропаганда направлена против конкретного государства. Поэтому в данном случае невозможно говорить о формировании идеологии.

При этом пропаганда агрессии, если она направлена на оправдание и обоснование определенных действий, и одобрения преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала, должна разграничиваться с «оправданием» в контексте ст. 354¹ УК РФ, поскольку в данной статье «одобрение» означает «оправдание» тех преступлений, которые были совершены в период Второй мировой войны, а также признание их «правильности». Такое понимание подтверждается судебной практикой⁵¹⁷.

Круг субъектов акта агрессии. Также следует принять во внимание необоснованное ограничение круга субъектов акта агрессии только государствами с признанной государственностью. Как уже отмечалось в работе, непризнанные государства также способны совершить акты агрессии и стать жертвой агрессии. Вследствие этого представляется необходимым под государством для целей ст. 353 УК РФ понимать и субъекты, которые обладают признаками государственности, независимо от международного признания или членства в Организации Объединенных Наций.

Негосударственные вооруженные организованные группы, наряду с государствами, также способны совершить акты агрессии. А лидерский стандарт, в той формулировке, в которой он закреплен в ст. 8бис Римского статута, ограничивает привлечение к уголовной ответственности лидеров таких групп⁵¹⁸. В российском уголовном праве данной проблемы можно

---

⁵¹⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2021 по делу N 80-УДП21-3-А4 // СПС КонсультантПлюс; Приговор Верховного Суда Республики Крым от 2 августа 2017 г. N 1-18/2017 // СПС КонсультантПлюс; Приговор Воронежского областного суда от 16.07.2021 N 2-23/2021 // СПС КонсультантПлюс; Приговор Волгоградского областного суда от 1 марта 2021 г. N 2-10/2021 // СПС КонсультантПлюс.

⁵¹⁸ В главе 1 данной работы отмечались и особенности юрисдикции Суда, препятствующие привлечению к ответственности руководителей негосударственных вооруженных организованных групп. Однако в случае с российским уголовным правом юрисдикция государства не ограничена.

избежать, если внести в ст. 353 УК РФ определенные изменения, которые будут обоснованы далее.

Допустим, что руководитель негосударственной вооруженной организованной группы контролирует определенную территорию государства, его население, создал на этой территории свою систему управления и совершил акт агрессии. Привлечению его к ответственности на этом этапе препятствует требование лидерского стандарта о наличии контроля или руководства над политическими или военными действиями *государства*. Поэтому в определение акта агрессии, закрепляемого в примечании к ст. 353 УК РФ, необходимо включить указание на контроль или руководство не только над действиями государства, но и над действиями негосударственной вооруженной организованной группы. При закреплении такого определения агрессии, действия руководителей таких групп получат верную и справедливую правовую оценку.

Роль Совета Безопасности. Что касается роли Совета Безопасности ООН в установлении акта агрессии, то, действительно, Совет Безопасности, как уже неоднократно отмечалось, является одним из органов ООН, ответственных за поддержание мира (глава VII Устава ООН), и он имеет право определять наличие или отсутствие акта агрессии. В случае признания Советом Безопасности какого-нибудь акта применения вооруженной силы новым актом агрессии, аналогичные изменения следует внести и в ст. 353 УК РФ. Вместе с тем Совет Безопасности не отличается активностью в признании актами агрессии даже тех случаев применения вооруженной силы, которые подпадают под перечень актов агрессии в ст. 3 Резолюции 1974 г.

Более важным, однако, является вопрос об определении Советом Безопасности, устанавливающего наличие акта агрессии, в качестве обязательного этапа для привлечения к ответственности по внутригосударственному праву.

Например, государство А в течение нескольких дней бомбардирует территорию государства Б. Такие действия однозначно являются

применением вооруженной силы и, исходя из ст. 3(b) Резолюции 1974 г., являются актом агрессии. Тем временем, Совет Безопасности ООН никак не квалифицировал эти действия и не вынес определения о наличии акта агрессии. Сложившаяся практика Совета Безопасности позволяет предположить, что он с большей вероятностью вынесет определение о наличии угрозы миру и потребует прекратить бомбардировки, но наличие акта агрессии не признает. Возникает вопрос о наличии в действиях лица, отдавшего приказ о бомбардировке территории государства Б, состава преступления, в отсутствие определения Совета Безопасности об акте агрессии? Если признать обязательным предварительное определение Совета Безопасности, то следует отрицательно ответить на поставленный вопрос. Если оставить возможность признавать действия актом агрессии исключительно по внутреннему законодательству, тогда ответ будет положительным.

В данном случае также применима логика, выработанная Пленумом Верховного суда РФ в отношении легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, добытого преступным путем, а именно касательно возможности осуждения за преступления, предусмотренные ст. 174 и 174¹ УК РФ, в отсутствие приговора, в соответствии с которым лицо привлечено к ответственности за предикатное преступление. Пленум разъяснил, что вывод о преступности легализуемого имущества принимается судом, однако, в своем решении, наряду с обвинительным приговором по делу об основном преступлении, он может опираться и на «постановление органа предварительного расследования о приостановлении дознания или предварительного следствия в связи с не установлением на момент рассмотрения уголовного дела лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого за основное преступление, если материалы уголовного дела содержат доказательства, свидетельствующие о наличии события и состава

такого преступления, и органом предварительного расследования дана им соответствующая оценка»⁵¹⁹.

Аналогично в случае преступления агрессивной войны, наличие или отсутствия в действиях соответствующего субъекта состава ст. 353 УК РФ устанавливается исключительно судом. Однако при наличии решения Совета Безопасности о признании акта агрессии, суд может учесть данное решение при вынесении приговора. В связи с этим, на наш взгляд, нет необходимости признавать за Советом Безопасности право предварительного определения наличия акта агрессии, которое будет обязательным для привлечения к ответственности за преступление, предусмотренное ст. 353 УК РФ.

Действия объективной стороны преступления агрессивной войны.

Что касается действий, образующих объективную сторону преступления агрессивной войны, то они идентичны тем, которые определены в ст. 6(а) Устава МВТ, и отечественные правоведы опираются на практику МВТ для определения содержания действий объективной стороны ст. 353 УК РФ. Поэтому во многом понимание действий объективной стороны в отечественной доктрине схоже с тем, которое предлагается в доктрине международного уголовного права, приведенной в главе 1 данной работы.

Так, под *планированием* агрессивной войны понимают деятельность по разработке стратегических или тактических планов начала или ведения военных действий⁵²⁰; разработку планов по осуществлению агрессивной войны⁵²¹; любое действие интеллектуального характера, ставящее своей целью достижение целей агрессивной войны (при этом действия по разработке стратегии и тактики ведения военных действий, мобилизационных планов или идеологического обоснования агрессии

---

⁵¹⁹ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». П. 4 // СПС КонсультантПлюс.

⁵²⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Е.В. Благова. М., 2020. С. 1104.

⁵²¹ Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рагога. М., 2009. С. 690.

являются частными проявлениями планирования)⁵²². Таким образом, планирование – это действия, направленные на создание планов нападения, встречи и обсуждения на различных совещаниях, целью которых является развязывание агрессивной войны и т.п.

Действия, которые выполняются вслед за планированием агрессивной войны и направлены на реализацию разработанных планов, относятся к *подготовке* агрессивной войны. К подготовке можно отнести, например, наращивание военной силы и техники, проведение учений, размещение вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить нападение и т.п. В правовой доктрине к подготовке также относят, например, поиск союзников, осуществление мобилизации, разработку и наращивание вооружения и военной техники, фактическое перепрофилирование промышленности на военное производство и т.п.⁵²³. При этом, как справедливо отмечается в отечественной доктрине, подготовка к агрессивной войне охватывает только такое наращивание вооруженной силы, которое не связано с защитой интересов национальной обороны и мира⁵²⁴.

Интересно, что МВТ не разграничивал планирование и подготовку к агрессивной войне. Так, Трибунал мог описывать действия обвиняемого, признавая их подготовкой к агрессивной войне или планированием и подготовкой к ней. Такая позиция представляется неверной, поскольку, как справедливо отмечал В.Н. Кудрявцев, сотрудники генерального штаба и других ведомств занимались планированием агрессивной войны, в то время как промышленники – подготовкой в виде закупки и изготовления оружия или подготовки и строительства военных сооружений и т.п.⁵²⁵ Следовательно объединение этапов планирования и подготовки может ограничить круг субъектов, которых необходимо привлечь к ответственности.

---

⁵²² Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Бодаевского., В.М. Зиминой, А.И. Чучаева. М., 2019. С. 369; Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Указ. соч. С. 136.

⁵²³ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Векленко, В.Ф. Щепелькова. СПб., 2021. С. 818-819; Энциклопедия уголовного права. Т. 31. Указ. соч. С. 50.

⁵²⁴ Иногамова-Хегай Л.В. Международное уголовное право: учебное пособие для магистрантов. М., 2015. С. 57.

⁵²⁵ Международное уголовное право / под общ. ред. Н.В. Кудрявцева. М., 1999. С. 126-127.

В практике МВТ применительно к ряду обвиняемых в качестве планирования и/или подготовки к агрессивной войне рассматривалась и пропаганда войны⁵²⁶. В итоговом решении Трибунал отметил, что «нацистское государство прилагало усилия объединить народ, который поддержал бы их политику посредством интенсивного использования пропаганды», а также то, что «германский народ в течение нескольких лет, предшествовавших 1933 г., подвергался самой массовой пропаганде для поддержки режима»⁵²⁷. Для этого, по мнению Трибунала, нацисты создали определенное количество агентств, в чьи обязанности входили контроль и влияние на прессу, радио, фильмы, публикации, т.д. в Германии, а также руководство развлекательной и культурной деятельностью и деятельностью артистов. Все эти агентства возглавлялись Имперским министерством народного просвещения и пропаганды под руководством Йозефа Геббельса, которое, вместе с соответствующими организациями в НСДАП и Имперской палатой культуры Рейха, полностью отвечало за осуществление этого руководства.

Обвинения в незаконной пропаганде⁵²⁸ были выдвинуты против Альфреда Розенберга, Рудольфа Хесса, Вильгельма Кейтеля, Юлиуса Штрайхера, Ганса Фриче (Фрицше). Так, согласно обвинению, Альфред Розенберг, рейхсляйтер нацистской партии по идеологии и внешней политике, редактор нескольких нацистских газет, специальный делегат, отвечавший за духовное и идеологическое воспитание нацистской партии, использовал все свои позиции, личное влияние и тесную связь с фюрером для «развития, распространения и использования идеологических техник нацистских заговорщиков, перечисленных в Пункте 1 обвинения»; он способствовал *психологической подготовке* к войне, как это определено в

---

⁵²⁶ Collins R. Propaganda for War and Transparency // Denver University L. Rev. 2010. Vol. 87. P. 821.

⁵²⁷ 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 182.

⁵²⁸ Стоит отметить, что нацисты вели пропаганду не только войны, но и пропагандировали ненависть и насилие в отношении, например, евреев или душевнобольных, и Трибунал признал уголовно-наказуемой оба вида. Однако исходя из целей данной работы, решение МВТ будет проанализировано только применительно к пропаганде войны.

Пункте 1 обвинения⁵²⁹ (курсив мой. – Р.Д.). Обвиняемый Розенберг играл решающую роль в распространении ... национал-социалистических идей, а обвиняемый Фриче (Фрицше), вместе с Геббельсом⁵³⁰, осуществляли ту же деятельность от имени государства»⁵³¹.

Аналогичные обвинения были выдвинуты против Рудольфа Хесса, заместителя фюрера, члена Рейхстага⁵³², и Вильгельма Кейтеля, который был признан виновным «в давлении на Австрию посредством ложных слухов, радиопередач и военных маневров»⁵³³.

Что касается Ганса Фриче (Фрицше), то по мнению стороны обвинения, он, будучи высокопоставленным работником Министерства народного просвещения и пропаганды Германии, главным редактором официального немецкого информационного агентства «Дойче Нахрихтен Бюро» и главой радиовещания Департамента пропаганды нацистской партии, «использовал должность и личное влияние для распространения и использования основных принципов нацистских заговорщиков, перечисленных в Пункте 1 обвинения...»⁵³⁴.

А. Розенберга, В. Кейтеля, Р. Хесса признали виновными в предъявленных обвинениях, в отличие от Ганса Фриче (Фрицше), который обвинялся как в пропаганде войны, так и в антиеврейской пропаганде (Пункт 4 обвинения – преступления против человечности). Он был оправдан по обвинениям в пропаганде, поскольку, несмотря на то, что «пропаганда предшествовала любому значительному акту агрессии» и «возглавляя Отдел внутренней прессы, он инструктировал прессу о том, как следует освещать акты агрессии или войны против Богемии и Моравии, Польши, Югославии и Советского Союза», обвиняемый «не обладал контролем над

---

⁵²⁹ 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 71.

⁵³⁰ Йозеф Геббельс – ближайший соратник А. Гитлера, занимал различные посты, в том числе должность Рейхсминистра народного просвещения и пропаганды. Являлся самым известным пропагандистом Германии. Покончил жизнь самоубийством (отравление цианидом) в 1 мая 1945 г.

⁵³¹ 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 182.

⁵³² Ibid. P. 70.

⁵³³ Ibid. P. 288.

⁵³⁴ Ibid. P. 79.

формулированием этой пропагандистской политики» и всего лишь исполнял инструкции Отто Дитриха⁵³⁵.

С таким решением не согласился судья МВТ от СССР И.Т. Никитченко, который в своем особом мнении отметил следующее: «Вердикт описывает его как второстепенную фигуру, выполняющую приказы Геббельса и фон Риббентропа, и Директора Прессы Рейхстага Дитриха. Вердикт не учитывает или не упоминает тот факт, что это Фрицше был *de facto* директором прессы Рейха вплоть до 1942 г. и что, в соответствии с его заверениями, после 1942 г. он стал «главнокомандующим немецкого радио» ... Начиная с 1942 г. и до 1945 г. Фрицше был не только Начальником Отдела Радио Рейхсминистерства пропаганды, но и «полномочным представителем по политической организации радио в Великой Германии». Это обстоятельство полностью подтверждается показаниями под присягой самого Фрицше...»⁵³⁶. Для подтверждения особой роли Фрицше в распространении военной пропаганды судья Никитченко проанализировал значение пропаганды для нацистской Германии, и, особенно, деятельность радио в ее распространении, отмечая, что пропаганда была неизменным средством в подготовке и совершении актов агрессии и в подготовке немецкого народа к покорному принятию преступной деятельности нацистов⁵³⁷. Также судья указал, что без пропаганды, основанной на полном контроле свободы печати и слова, германский фашизм не смог бы реализовать свои агрессивные намерения⁵³⁸. Именно поэтому «невозможно предположить, что руководящие лица Рейха назначили бы на пост Директора Радио Пропанды, руководившего всей деятельностью радио всех вещательных компаний и направляющего их пропагандистский контентом, – человека, которого они считали второстепенной фигурой»⁵³⁹.

---

⁵³⁵ Ibid. P. 337.

⁵³⁶ Dissenting opinion of the Soviet member of the International Military Tribunal. Op. cit. P. 350-351, 354.

⁵³⁷ Ibid. P. 350-351.

⁵³⁸ Ibid. P. 350-351.

⁵³⁹ Ibid. P. 351, 352.

Ричард Коллинз отмечал, что обвинения в пропаганде против всех перечисленных обвиняемых, помимо Г. Фрицше, были лишь способствующими факторами, их «вина также основывалась на преступлениях по существу», в отличие от Отто Дитриха и Эрнста фон Вайцеккера (обвиняемые по делу Вильгельмштрассе, или делу руководителей министерств Германии) – обвинения против них «были основаны непосредственно на их словесной деятельности как военной пропаганды»⁵⁴⁰. Например, «обвиняемый Дитрих создал, сформулировал и контролировал прессу и пропагандистскую политику НСДАП и правительства Германии, как для реализации планов и подготовки агрессии, так и для пропаганды этапов ведения этих войн»⁵⁴¹; «...он так влиял на немецкий народ, чтобы обеспечить его поддержку агрессивной политики германского рейха»; «участвовал в психологическом *планировании и подготовке* к агрессивным войнам»; «основной акцент делался на высшей миссии немецкого народа вести и господствовать над другими народами»; «перед каждым актом агрессии Дитрихом начинались пропагандистские кампании в прессе»⁵⁴² (курсив мой – Р.Д.).

Что касается Международного трибунала по Дальнему Востоку, то обвинения в пропаганде также были частью Пункта 1 обвинения (заговор). При этом пятеро обвиняемых были признаны виновными по Пункту 1 обвинения преимущественно из-за их пропагандистской деятельности⁵⁴³.

Таким образом, исходя из практики МВТ и МТДВ, пропаганда войны охватывается планированием и подготовкой агрессивной войны⁵⁴⁴. Вместе с

---

⁵⁴⁰ Collins R. Op. cit. P. 822.

⁵⁴¹ United States v. von Weizsäcker et. al. P. 24.

⁵⁴² Ibid. P. 26.

⁵⁴³ Collins R. Op. cit. P. 822.

⁵⁴⁴ После создания Организации Объединенных Наций на второй сессии Генеральной Ассамблеи в 1947 г. представитель от Советского Союза предложил ввести уголовную ответственность за пропаганду войны в любой форме, которая является общественно опасной деятельностью и угрожает жизненным интересам и благополучию миролюбивых народов. См.: Курс советского уголовного права. Особенная часть. Том III / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Ленинград, 1973. С. 190. Хотя предложение не нашло отражение в Уставе ООН, впоследствии оно легло в основу резолюции Генеральной Ассамблеи от 3 ноября 1947 г. 110 (II) «Меры, которые должны быть приняты против пропаганды и поджигателей новой войны», в которой осуждалась пропаганда (независимо от страны и формы), имеющая своей целью или способная «создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии». Резолюция Генеральной Ассамблеи

тем в российской и зарубежной доктрине неоднократно поднимался вопрос о необходимости уголовного преследования на международном уровне за пропаганду войны. Еще в 1944 г. отечественный правовед, консультант советского обвинения в Международном военном трибунале в г. Нюрнберге, Арон Наумович Трайнин утверждал, что пропаганда войны представляет собой явное и опасное орудие подготовки агрессии⁵⁴⁵, поэтому «уголовная репрессия должна обратиться ... на тех, кто разжигал пламя войны...»⁵⁴⁶. Кроме того, в процессе разработки определения преступления агрессии для целей международного уголовного права, делегация от Самоа подняла вопрос о необходимости криминализации пропаганды агрессии в виде прямого и публичного подстрекательства к агрессии (аналогично ст. 25(3)(е) Статута). Предложение, выдвинутое Самоа, основывалось на действующем международно-правовом запрете⁵⁴⁷ на пропаганду войны, закрепленном в ст. 20(1) Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.⁵⁴⁸, ст. 13(5) Американской конвенции о правах человека 1969 г.⁵⁴⁹ и в Заключительном акте⁵⁵⁰ по итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. (г. Хельсинки)⁵⁵¹. Делегация отметила, что публичное и прямое подстрекательство к агрессии может подпадать под предлагаемые действия материального элемента преступления агрессии. Кроме того, ст. 25(3)(е) Статута применяется даже, когда «не было

ООН. A/RES/110(II). 3 ноября 1947 г. // Объединенные Нации. Цифровая библиотека: [сайт]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/209883> (дата обращения: 19.12.2021).

⁵⁴⁵ Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969. С. 363.

⁵⁴⁶ Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М., 1944. С. 35.

⁵⁴⁷ В Международном пакте о гражданских и политических правах и Американской Конвенции о Правах Человека предусмотрена одинаковая формулировка «Всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом».

⁵⁴⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах. 16 декабря 1966 г. General Assembly resolution 2200 A (XXI) // Веб-сайт ООН. Конвенции и соглашения: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 2.12.2021 г.).

⁵⁴⁹ Американская Конвенция о Правах Человека. 22 ноября 1969 г. Ст. 13(5).

⁵⁵⁰ В Заключительном акте содержалась следующая формулировка: Обязанность воздерживаться от пропаганды агрессивных войн и содействовать в отношениях друг с другом созданию атмосферы доверия и уважения.

⁵⁵¹ Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. 1 декабря. 1975 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: [сайт]. URL: <https://www.osce.org/ru/ministerial-councils/39505> (дата обращения: 12.12.2021).

оконченного (или даже покушения⁵⁵²) преступления геноцида»⁵⁵³. Также, по мнению делегации от Самоа, применительно к подстрекательству к агрессии могла возникнуть проблема посягательства на свободу слова за подстрекательство к агрессии, которая так и не была совершена. Однако дальнейшего развития выдвинутое делегацией Самоа предложение не получило.

Возникает, однако, ряд вопросов. Например, нужно ли предусмотреть международную уголовную ответственность за призывы совершить агрессию? Как должен быть сформулирован материальный элемент данного преступления – «пропаганда агрессии» или «публичное и прямое подстрекательство к агрессии»? Должен ли применяться лидерский стандарт к лицу, распространяющему призывы совершить агрессию? Должно ли совершение призывов или прямого и публичного подстрекательства к агрессии зависеть от совершенной агрессии?

Общественная опасность вербальных преступлений подтверждается устоявшейся международной и национальной практикой, а также многочисленными примерами национального законодательства. Также общеизвестно, что психологическая подготовка населения и мирового сообщества является важным и незаменимым элементом любой предстоящей агрессии. Однако достигает ли пропаганда агрессии или прямое и публичное подстрекательство к ней требуемого для международного уголовного права уровня тяжести? На наш взгляд, достигает. Представляется, что на практике пропаганда агрессии или публичное и прямое подстрекательство к ней будет всегда сопровождаться совершенной агрессией. Но, как и в случае с выработанной на практике позицией⁵⁵⁴ применительно к прямому и публичному подстрекательству к геноциду, нет необходимости доказывать причинно-следственную связь между совершенными актами геноцида и

---

⁵⁵² Делегация от Самоа считала, что не может быть покушения на акт агрессии, для преследования за преступление агрессии.

⁵⁵³ Proposal by Samoa on the Tenth Session of the Preparatory Commission. 2002 // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression. Op. cit. P. 409.

⁵⁵⁴ Prosecutor v. Akayesu. Paras 562, 675.

подстрекательством к нему⁵⁵⁵. Аналогичную логику можно применить на практике к пропаганде агрессии или публичному и прямому подстрекательству к ней. Что касается материального элемента предлагаемого преступления, то более предпочтительным представляется криминализировать «прямое и публичное подстрекательство к геноциду», поскольку международная уголовная практика уже выработала содержание этих терминов, а содержание понятия «пропаганда» не определено.

Субъект публичного и прямого подстрекательства к агрессии, по нашему мнению, должен быть общим. Так лица, которые не подпадают под лидерское требование преступления агрессии, но активно распространяют призывы к агрессии, могут быть привлечены к ответственности.

На наш взгляд, общественная опасность вербальных преступлений не подвергается сомнению. Однако следует иметь в виду, что для преследования на международном уровне преступление должно быть достаточно серьезным и оправдывать тем самым дальнейшие действия со стороны Суда (ст. 17(d) Статута).

Важным представляется осветить вопрос момента окончания планирования и подготовки. Ряд авторов утверждают, что результатом планирования должно стать подробное руководство, приближающее виновного к осуществлению намеченного плана и, следовательно, планирование будет окончено с момента появления такого руководства⁵⁵⁶. На наш взгляд, планирование и подготовка окончены с момента начала совершения любого из действий, входящих в понятие подготовки или планирования.

Развязывание же агрессивной войны является ее фактическим началом с применением вооруженной силы⁵⁵⁷, предшествующим полномасштабному

---

⁵⁵⁵ При этом, естественно, совершенные акты геноцида являются еще одним подтверждением «правильного» восприятия целевой аудиторией содержания призывов. См., например: Timmermann W. Incitement in International Criminal Law // Int'l Rev of the Red Cross. 2016. Vol. 88. P. 828.

⁵⁵⁶ Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. Указ. соч. С. 575.

⁵⁵⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Е.В. Благова. Указ. соч. С. 1104

ведению агрессивной войны⁵⁵⁸, причем независимо от того, была ли война объявлена или нет⁵⁵⁹.

Относительно примеров конкретных действий, которые могут подпадать под термин «развязывание» в правовой доктрине нет единства мнения. Так, ряд авторов к развязыванию относят как действия, создающие повод для начала военных действий (к примеру, разрыв дипломатических отношений, экономическая блокада, пограничные конфликты и т.п.), так и непосредственно акты агрессии (к примеру, авиационная бомбардировка или нападение на вооруженные силы и объекты другого государства)⁵⁶⁰. Другие правоведы относят провокацию агрессивной войны или действия, создающие повод для начала военных действий, к подготовке агрессивной войны⁵⁶¹. Развязывание, на наш взгляд, охватывает конкретные действия по началу агрессивной войны. В связи с этим, любые действия, связанные с провокацией агрессивной войны, следует отнести к ее подготовке. Развязыванием агрессивной войны будет совершение любого акта, предусмотренного в ст. 3 Резолюции 1974 г. И с момента совершения любого акта агрессии, независимо от его эффективности, преступление считается оконченным.

Планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК РФ РФ) отграничены законодателем от *ведения* агрессивной войны, ответственность за которое предусмотрена в ч. 2 ст. 353 УК РФ.

Ведение агрессивной войны подразумевает под собой продолжение агрессивной войны после ее развязывания и заключается в принятии стратегических решений и действий для того, чтобы обеспечить продолжение агрессивной войны. Ведение агрессивной войны считается оконченным с момента прекращения военных действий.

---

⁵⁵⁸ Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5. Указ. соч. С. 357-358.

⁵⁵⁹ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Указ. соч. С. 148.

⁵⁶⁰ Энциклопедия уголовного права. Т. 31. Указ. соч. С. 50; Арямов А.А. Указ. соч. С. 57.

⁵⁶¹ Glotova S. The Crime of Aggression in Russian Criminal Law // The Crime of Aggression. A Commentary. Op. cit. P. 926-927.

В правовой доктрине возникают споры при разграничении развязывания и ведения агрессивной войны, в частности, отсутствует согласие по вопросу отнесения актов агрессии, предусмотренных Резолюцией 1974 г., к развязыванию агрессивной войны. Некоторые авторы считают, что совершение любого акта агрессии из ст. 3 Резолюции 1974 г. следует признать ведением агрессивной войны. Как отмечает С. Глотова, в таком случае сложится неверное представление о том, что развязывание – это действия, оконченные до начала войны (например, провокация, организация воображаемой атаки на армию провоцируемой стороны и другие предлоги для войны)⁵⁶². Предпочтительной представляется позиция тех ученых, которые признают совершение актов агрессии развязыванием агрессивной войны, а под ведением понимают совершение военных операций уже после развязывания агрессивной войны для ее продолжения.

Интересно, что по мнению Д.В. Лобача, признание Советом Безопасности ООН совершенной агрессии знаменует собой *начало* ведения агрессивной войны: «Юридическим критерием отграничения развязывания агрессивной войны от ее ведения является официальное признание Советом Безопасности факта состоявшейся агрессии... Напротив, если совершаемые действия на международном уровне агрессией не признаются, их *de jure* следует оценивать как развязывание агрессивной войны»⁵⁶³. И.П. Блищенко и И.В. Фисенко также считают, что определение Советом Безопасности о совершении агрессии является обязательным для национальных судов, поскольку «национальный суд вряд ли может обладать необходимой информацией в отношении такого сложного преступления как агрессия, чтобы принять объективное решение», да и «в случае агрессии с наибольшей ясностью проявляется тезис об отсутствии компетентности национальных судов в отношении международных преступлений вообще (за исключением

---

⁵⁶² Glotova S. The Crime of Aggression in Russian Criminal Law // The Crime of Aggression. A Commentary. Op. cit. P. 926-927.

⁵⁶³ Лобач Д.В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование. Указ. соч. С. 8.

случая, когда национальный суд компетентен в силу международного договора)»⁵⁶⁴.

Применительно к российскому уголовному законодательству, осуществление уголовного преследования на основании ст. 353 УК РФ только после признания Советом Безопасности наличия акта агрессии, следует рассматривать, на наш взгляд, как вмешательство во внутренние дела государства. Установление основания уголовной ответственности, в том числе за преступления, предусмотренные ст. 353 УК РФ, квалификация данных деяний образуют исключительную прерогативу национальных следственно-судебных органов, осуществляющих свою правоприменительную деятельность на основе норм уголовно-процессуального права Российской Федерации.

Диспозиция нормы, предусмотренной в ч. 1 ст. 353 УК РФ, является альтернативной, следовательно, для привлечения к уголовной ответственности достаточно совершения любого из перечисленных действий. При этом, как отмечает К.Д. Николаев, особенность объективной стороны рассматриваемого преступления заключается в том, что совершение двух или всех трех из указанных действий рассматривается как сложное единичное (единое) преступление и множественности не образует⁵⁶⁵.

По существу, перечисленные законодателем действия представляют собой разные этапы подготовки к ведению агрессивной войны, и виновное лицо может совершить как одно, так и несколько указанных в ч. 1 ст. 353 УК РФ действий, что охватывается только данной уголовно-правовой нормой и не требует квалификации по совокупности преступлений.

Квалификация по совокупности преступлений необходима только в том случае, если содеянное в рамках совершения перечисленных действий образует состав самостоятельного, иного преступления, предусмотренного УК РФ (например, такого, как разработка, производство, накопление,

---

⁵⁶⁴ Блищенко И.П., Фисенко И.В. Международный уголовный суд. М., 1998. С. 95.

⁵⁶⁵ Николаев К.Д. Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны – преступления против мира и согласия между народами и (или) государствами // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2018. № 4(87). С. 20.

приобретение или сбыт оружия массового поражения – ст. 355 УК РФ; насильственный захват власти или насильственное удержание власти – 278 УК РФ и др.).

Что касается состава ведения агрессивной войны, то в отечественной доктрине существует дискуссия относительно того, является ли ведение агрессивной войны квалифицированным составом преступления по отношению к ч. 1 ст. 353 УК РФ, где предусмотрен основной состав. Так, О.С. Капинус считает, что ведение агрессивной войны является квалифицированным составом, поскольку «развязывание» - это ее начало, осуществление акта агрессии, а «ведение» - продолжение агрессивной войны⁵⁶⁶. Однако большинство авторов справедливо отмечают, что ведение не может быть квалифицирующим признаком планирования, подготовки или развязывания агрессивной войны, поскольку любое квалифицирующее обстоятельство устанавливается применительно к основному. Ведение агрессивной войны является самостоятельным составом преступления.

Возникает вопрос о том, как квалифицировать действия лица, которое сначала участвовало в подготовке или планировании агрессивной войны, а потом в ее ведении. В таком случае, по мнению О.В. Малаховой, действия необходимо квалифицировать по совокупности первой и второй частей ст. 353 УК РФ. Противоположной позиции придерживается Б.А. Дряев, по мнению которого у состава ч. 2 ст. 353 УК РФ есть специфика: «ведение агрессивной войны, закрепленное в ч. 2 ст. 353 УК РФ, может выступать в двух значениях. Во-первых, когда ведение такой войны осуществляет лицо, ранее планировавшее либо подготавливавшее или развязавшее ее, в действиях виновного есть признаки квалифицированного состава преступления. Во-вторых, виновный только в ведении агрессивной войны (т.е. продолжающей агрессию) совершает самостоятельное преступление, содержащее признаки основного состава»⁵⁶⁷. В первом случае, по мнению

---

⁵⁶⁶ Уголовное право России. Особенная часть. Том 2 / под ред. О.С. Капинус. Указ. соч. С. 492.

⁵⁶⁷ Дряев Б.А. Указ. соч. С. 95.

Б.А. Дряева, ответственность должна наступать только за ведение агрессивной войны⁵⁶⁸.

Фактически планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны выступают как подготовительные действия к ее ведению, поэтому даже если лицо сначала подготавливало агрессивную войну, а потом осуществило действия по ведению агрессивной войны, то квалификация может быть только по ч. 2 ст. 353 УК РФ, как ведение агрессивной войны. Данная позиция может быть подтверждена уже устоявшейся судебной практикой по другим преступлениям. Так, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении N 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» от 17 декабря 2020 г. применительно к правилам квалификации действий, предусмотренных в ст. 327 УК РФ, отметил следующее. Если лицо подделывает, например, паспорт гражданина в целях его использования (ч. 1 ст. 327), а затем осуществляет его хранение в целях использования либо использование, то содеянное им квалифицируется по ч. 1 (подделка официального документа в целях его использования) или ч. 2 (подделка паспорта гражданина в целях его использования) ст. 327 УК РФ, и дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 327 УК РФ (хранение в целях использования поддельного паспорта) не требуется⁵⁶⁹.

Однако, как отмечалось в отечественной доктрине, планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны являются общественно опасным само по себе⁵⁷⁰. Отмечалось даже, что действия лица, которое ограничилось только экономической или иной формой подготовки к войне, и не участвовало в развязывании или ведении этой войны должно нести ответственность за преступление агрессивной войны⁵⁷¹. Кроме того, ведение агрессивной войны, исходя из действующей формулировки диспозиции ст.

---

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ Постановление Пленума Верховного суда от 17 декабря 2020 г. N 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации». П. 12 // СПС КонсультантПлюс.

⁵⁷⁰ Полторак А.И. Указ. соч. С. 125.

⁵⁷¹ Там же. С. 125.

353 УК РФ, является самостоятельным преступлением и, в соответствии с ч. 1 ст. 17 УК РФ⁵⁷², должно получить соответствующую правовую оценку. Поэтому в случае совершения лицом развязывания и ведения агрессивной войны верной представляется квалификация по совокупности ч. 1 и ч. 2 ст. 353 УК РФ.

Вместе с тем, на наш взгляд, формулировку объективной стороны ст. 353 УК РФ следует признать неудовлетворительной. Ведение агрессивной войны следует разместить в ч. 1 ст. 353 УК РФ. Действия ч. 1 ст. 353 УК РФ являются альтернативными, поэтому, если даже лицо присоединится только на этапе ведения агрессивной войны, то его действия будут квалифицированы по ч. 1 ст. 353 УК РФ. Кроме того, представляется неверным разделять действия по подготовке, планированию или развязыванию агрессивной войны с ее ведением, поскольку все эти действия, как отмечалось, одинаково общественно опасны. Соответственно, за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны следует предусмотреть наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет.

Кроме того, в ст. 353 УК РФ также следует заменить действующую терминологию действий объективной стороны на «планирование, подготовку, инициирование и осуществление» акта агрессии, поскольку такие акты агрессии как, например, засылка наемников и предоставление государством своей территории для совершения акта агрессии против третьего государства не охватываются «формулировками «нюрнбергского права», являя собой более современный и полный взгляд» на объективную сторону преступления агрессии⁵⁷³.

Следует иметь в виду, что в международном уголовном праве акт агрессии является обязательным этапом для привлечения к ответственности

---

⁵⁷² Согласно ч. 1 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или *части* статьи УК РФ.

⁵⁷³ Лямин Н.А. Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 147-148.

лица за совершение преступления агрессии. Однако для привлечения к ответственности по ст. 8бис Римского статута, акт агрессии должен достигать уровня грубого нарушения Устава ООН по своим масштабам, серьезности и характеру (ст. 8бис(1) Римского статута). Суть дополнительного требования, как отмечалось, в исключении действий, подпадающих под серую правовую зону, а также таких актов агрессии, которые не достигают необходимого уровня интенсивности для преследования Международным уголовным судом. Возникает вопрос о необходимости закрепления в ст. 353 УК РФ аналогичного ст. 8бис Римского статута порогового требования.

На наш взгляд, закрепление в отечественном уголовном законе порогового требования в той формулировке, в которой оно предусмотрено в ст. 8бис Римского статута, нецелесообразно, вследствие его недостатков. Наиболее очевидным недостатком является отсутствие разъяснения содержания критериев «характера», «серьезности», «масштаба» и «грубого нарушения Устава ООН». Кроме того, такое требование не может, на наш взгляд, достичь возложенных на него целей и для международного уголовного права. Одной из таких целей является исключение пограничных стычек и незначительных столкновений. Однако перечисленные в ст. 8бис(2) Римского статута акты агрессии сами по себе исключают пограничные стычки. Также разработчики определения преступления агрессии намеревались исключить любые действия, которые подпадают под «серую правовую зону», и наиболее ярким примером таких действий называют гуманитарную интервенцию. В то же время, как известно, согласия относительно возможности признания гуманитарной интервенции актом агрессии или нет, делегации не достигли. Более того, представляется, что предлагаемые критерии порогового требования не смогут стать эффективным средством отграничения гуманитарной интервенции от акта агрессии. Еще одним аргументом в поддержку закрепления упомянутых критериев стало требование о наличии у акта агрессии определенного уровня

интенсивности вследствие масштаба и серьезности, чтобы ограничить юрисдикцию МУС только самыми серьезными случаями агрессии. Предметная юрисдикция МУС уже ограничена только самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего мирового сообщества. Кроме того, ст. 17(1)(d) Римского статута также содержит пороговое требование для всех составов преступления, подпадающих под предметную юрисдикцию МУС. В связи с вышеизложенными причинами, пороговое требование в той формулировке, в которой оно предусмотрено в ст. 8бис Римского статута, не должно быть закреплено в ст. 353 УК РФ.

Вместе с тем возникает вопрос о том, требуется ли закреплять в ст. 353 УК РФ дополнительное требование для актов агрессии? На наш взгляд, нет. В случае с преступлением агрессии отечественный законодатель не должен закреплять требования, которые ограничивали бы привлечение к ответственности только за самые тяжкие акты агрессии, ввиду того, что акты агрессии по своему содержанию, предусмотренному в доктрине российского и международного уголовного права, уже сами по себе могут привести к тяжким последствиям.

Наиболее спорным в науке уголовного права является вопрос о субъекте планирования, подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны – является ли он общим или специальным.

Часть российских правоведов придерживаются позиции признания субъекта состава ст. 353 УК РФ общим, поскольку, согласно уголовно-правовой доктрине, субъект преступления признается специальным, если в диспозиции статьи Особенной части уголовного закона указаны дополнительные признаки или эти признаки подразумеваются исходя из диспозиции уголовно-правовой нормы, ограничивающей круг ответственных лиц⁵⁷⁴.

Согласно опросу, проведенному О.В. Малаховой среди 100 специалистов в области международного и уголовного права и

---

⁵⁷⁴ Малахова О.В. Указ. соч. С. 112-113.

руководителей подразделений правоохранительных органов, почти 70% респондентов согласились с утверждением о том, что субъект преступлений, предусмотренных ст. 353 и 354 УК РФ, общий⁵⁷⁵.

Данную позицию поддерживает и профессор А.Г. Кибальник, утверждая, что признание субъекта состава планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны специальным исключит из уголовно-правовой оценки непосредственных исполнителей приказов о совершении данных деяний⁵⁷⁶. Поэтому, по мнению указанного автора, исполнителями преступления агрессивной войны могут быть не только люди, «стоящие у власти», но и «например, обычные исполнители приказов: работники штабов, промышленники, служащие различных уровней и рангов, просто рядовые люди»⁵⁷⁷.

Подтверждением данной позиции профессор А.Г. Кибальник считает документы международного права, в частности «решения Нюрнбергского военного трибунала (и иных послевоенных трибуналов, созданных в оккупационных зонах на территории Германии)» и дело Альфреда Мусеми. В первом случае стоит отметить, что МВТ вменил преступление агрессии высокопоставленным должностным лицам, участвовавшим в самых главных собраниях Адольфа Гитлера и знавшим об агрессивных планах. В дальнейшем, в таких делах, как дело Вильгельмштрассе, дело Верховного военного командования, а также дело А.Г. Фарбен обвиняемым также вменялось преступление против мира, однако только в деле Вильгельмштрассе были вынесены обвинительные приговоры. Причем все осужденные – Эрнст фон Вайцзеккер, Карл Вильгельм Кепплер, Ганс Генрих Ламмерс, Пауль Кёрнер и Эрнст Вёрман – были не просто работниками штабов или рядовыми людьми. Так, Эрнст фон Вайцзаккер был статс-секретарем Министерства иностранных дел до 1943 г.⁵⁷⁸ и последним послом

---

⁵⁷⁵ Там же. С. 8, 116.

⁵⁷⁶ Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Указ. соч. С. 153.

⁵⁷⁷ Там же. С. 154.

⁵⁷⁸ В нацистской Германии это была вторая по значимости должность после рейхсминистра иностранных дел.

при Святом Престоле, а Ганс Генрих Ламмерс был начальником рейхсканцелярии Германии (обвинение даже назвало его «*de facto* Канцлером Гитлера»⁵⁷⁹).

Что касается дела Альфреда Мусемы, то это дело было рассмотрено МТР⁵⁸⁰. Согласно фактическим обстоятельствам дела осужденный, будучи представителем народа хуту и директором чайной фабрики, совершил нападения на представителей другого африканского народа - тутси в различных районах столицы Руанды Кигали. В рамках данных нападений были совершены действия, образующие геноцид, и такие преступления против человечности, как истребление и изнасилование⁵⁸¹. Кроме того, под руководством виновного находились сотрудники его фабрики, которые также совершали вышеупомянутые преступления во исполнение приказов А. Мусемы⁵⁸². Судом было установлено, что осужденный обладал юридическим, финансовым и фактическим контролем в отношении своих сотрудников и собственности чайной фабрики⁵⁸³, т.е. в момент совершения преступных действий был гражданским начальником. Альфред Мусема лично присутствовал при совершении нападения на гражданское население, поэтому он знал или у него были причины полагать, что его подчиненные совершат указанные преступления⁵⁸⁴.

Даже не рассматривая позицию МТР относительно содержания контроля Альфреда Мусемы в отношении подчиненных как гражданского начальника, можно сделать вывод о неприменимости данного дела для определения субъектного круга преступления агрессивной войны. Дело в том, что преступление агрессивной войны отличается от военных

---

⁵⁷⁹ United States v. von Weizsäcker et. al. P. 24.

⁵⁸⁰ Трибунал был создан в связи с геноцидом и преступлениями против человечности в отношении этнической группы тутси, которые были совершены другой группой – хуту.

⁵⁸¹ Альфреду Мусеме также вменялись убийство и иные бесчеловечные деяния (преступления против человечности) и нарушения Женевской конвенции об обращении с военнопленными (от 12.08.1949 г.) и Дополнительного протокола к Женевским конвенциям (от 12.08.1949 г.), касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II) (от 8 июня 1977 г.), однако он был признан невиновным.

⁵⁸² Prosecutor v Musema. Case No. ICTR-96-13-A. 27 January 2000. Paras 362, 365, 832-834.

⁵⁸³ Ibid. Paras 880, 894, 899.

⁵⁸⁴ Ibid. Para 894.

преступлений, преступлений против человечности или геноцида. Помимо очевидной политической природы данного состава, оно может быть совершено исключительно теми лицами, которые могут вовлечь государство в войну. Рядовые исполнители могут совершить, например, военные преступления, но не преступление агрессивной войны. Высказанная позиция подтверждается в решении Нюрнбергского военного трибунала по делу Верховного военного командования: «Международное право осуждает тех, кто, имея полномочия формировать или влиять на политику своего государства, подготавливает или ввязывает свою страну в агрессивную войну. Однако мы не считаем, что на данном этапе развития международное право объявляет преступниками лиц, кто ниже этого, которые претворяют в жизнь эту военную политику и действуют как инструмент тех, кто данную политику разрабатывает... Лица, которые находятся ниже уровня политики, не могут быть наказаны за преступления других»⁵⁸⁵.

При этом, как О.В. Малахова, так и А.Г. Кибальник, признают, что на практике преступление агрессивной войны могут совершить «лица, занимающие высшие государственные должности, руководители государства»⁵⁸⁶, а не общие субъекты.

Ряд российских авторов считают, что субъектом преступлений, предусмотренных ст. 353 УК РФ, может быть только специальный субъект. Например, Д.В. Лобач утверждает, что «агрессивная война тесно связана с проявлением государственной политики, что нормативно закреплено в легальном определении агрессии», поэтому и субъектом преступления может быть только лицо с особым статусом, позволяющим ему осуществлять действия по планированию, подготовке, развязыванию или ведению агрессивной войны⁵⁸⁷.

Аналогичной точки зрения придерживается А.В. Наумов, утверждающий, что субъектом преступления агрессии является лицо,

---

⁵⁸⁵ United States v. von Leeb et. al. P. 489.

⁵⁸⁶ Малахова О.В., Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за агрессию. Ставрополь, 2003. С. 75.

⁵⁸⁷ Лобач Д.В. Субъект преступления, проявляющегося в форме агрессии, в международном праве и российском уголовном законодательстве // Закон и право. 2011. № 4. С. 81.

занимающее высшую государственную должность Российской Федерации или субъекта Российской Федерации⁵⁸⁸.

К.Д. Николаев, отчасти соглашаясь с позицией А.В. Наумова, считает, что признаком специального субъекта может выступать не только должностное положение, которое позволяет включить в круг субъектов высших должностных лиц государства (причем, в отличие от позиции А.В. Наумова, сюда могут быть включены любые высшие должностные лица, перечень которых зависит от формы правления), но и властный статус⁵⁸⁹. К последней категории автор относит 1) лиц, замещающих высшие руководящие должности в вооруженных силах государства (министр обороны, его заместители, начальник генерального штаба, командующие родами войск и т.д.); 2) лиц, пришедших к власти в стране в результате государственного переворота и затем выполняющих действия, перечисленные в ч. 1 ст. 353 УК РФ, а также 3) влиятельных общественных деятелей (например, руководитель правящей партии), владельцев и управляющих крупных коммерческих объединений (они могут инициировать агрессивную политику в государстве в целях обогащения за счет военных заказов) и т.д.⁵⁹⁰

С.В. Глотова полагает, что исполнителями преступления агрессивной войны являются высокопоставленные чиновники, т.е. те лица, в компетенцию которых входит принятие решений о начале военных действий и другие военные вопросы⁵⁹¹. Однако, по мнению автора, «ограничивать круг субъектов только теми лицами, которые занимают должности государственной службы Российской Федерации, вряд ли оправдано»⁵⁹².

На наш взгляд, верной представляется точка зрения сторонников сужения пределов уголовной ответственности за преступление агрессивной войны посредством признания ограниченного субъектного круга ст. 353 УК

---

⁵⁸⁸ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. Указ. соч. С. 355.

⁵⁸⁹ Николаев К.Д. Указ. соч. С. 21

⁵⁹⁰ Там же. С. 21-22.

⁵⁹¹ Glotova S.V. Op. cit. P. 929.

⁵⁹² Ibid. P. 929.

РФ, ведь, как уже было отмечено, это вытекает из самой природы преступления агрессивной войны. Таким образом, исполнителем преступления агрессии может быть только лицо, фактически осуществляющее контроль или руководство над политическими или военными делами государства, т.е. способное вовлечь государство в войну. При этом иные нижестоящие лица способны нести ответственность за преступление геноцида или военные преступления, и такая точка зрения находит поддержку в российской доктрине⁵⁹³.

В связи с этим возникает вопрос о том, обладает ли высшее должностное лицо субъекта РФ таким контролем или руководством? Согласно Конституции Российской Федерации, вопросы войны и мира находятся в исключительном ведении Российской Федерации (п. к ст. 71)⁵⁹⁴. Из положений данной статьи следует, что лица, занимающие государственные должности субъектов Российской Федерации, не могут руководить и контролировать политическими или военными делами государства, и по этой причине они не могут признаваться субъектами состава преступления агрессивной войны.

Учитывая вышеизложенное, представляется правильным внести изменения, прямо предусмотрев в диспозиции ст. 353 УК РФ, что субъектом преступления агрессивной войны может быть только лицо, фактически осуществляющее контроль или руководство политическими или военными действиями государства. При этом содержание «контроля» или «руководства» предлагается понимать аналогично предложенному для субъекта преступления агрессии в международном уголовном праве.

Интересным представляется вопрос об ограничении круга соучастников в преступлении агрессивной войны. Как уже отмечалось в первой главе, в результате переговоров о дефиниции преступления агрессии в Римский статут была введена ст. 25(3)бис, которая ограничила не только

---

⁵⁹³ Уголовный кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1997. С. 732.

⁵⁹⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс.

круг исполнителей данного преступления, но и круг соучастников до лиц, фактически обладающих контролем или руководством над политическими или военными действиями государства. Однако в УК РФ отсутствуют аналогичные положения. Для рассмотрения целесообразности введения аналогичной статьи в российский уголовный закон представляется необходимым изучить действующие правила соучастия посредством теоретических примеров.

Предположим, что государство А напало вооруженными силами на воздушные флоты государства Б. Генерал государства В предоставил государству А вооружение для нападения. Можно ли привлечь генерала государства В за пособничество развязыванию агрессивной войны? Согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ, пособником признается лицо, которое содействовало совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы. В приведенном примере генерал поставил оружие, т.е. осуществил предоставление средств и орудия совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 353 УК РФ. Поскольку в приведенном примере генерал не выполнял непосредственно объективную сторону состава ст. 353 УК РФ, его действия будут квалифицированы по ч. 5 ст. 33 и ст. ч. 1 ст. 353 УК РФ (при условии установления требуемой субъективной стороны пособника, т.е. генерал осознавал, что вооружение поставляется для развязывания агрессивной войны и желал этого).

Далее предположим, что вооружение для осуществления нападения было предоставлено не генералом государства В, а, к примеру, директором завода с государственным участием, расположенным на территории государства А, развязавшего агрессивную войну. Разница между двумя

примерами в том, что генерал подпадает под требования о специальном субъекте, которые закреплены в ст. 8бис Статута (и предлагаются для закрепления в ст. 353 УК РФ), а значит, по правилам ст. 25(3)бис Статута, он может выступать пособником. В то же время положения ст. 25(3)бис Статута исключают частного подрядчика государства А даже из круга соучастников, поскольку он не может контролировать или руководить военными или политическими действиями государства. Однако российскому уголовному закону не известны нормы, ограничивающие круг соучастников в связи с специальными чертами субъекта преступления и в приведенном примере частный подрядчик, на первый взгляд, может нести ответственность за пособничество к развязыванию агрессивной войны, аналогично генералу из государства в первом примере. Вместе с тем, стоит отметить следующее.

Допустим, директор завода получает государственный контракт от Министерства обороны государства А и выполняет его, не осознавая, что его продукт будет использован для развязывания агрессивной войны. В таком случае ответственность за пособничество в развязывании агрессивной войны директор завода нести не может, поскольку отсутствует требуемая субъективная сторона⁵⁹⁵ преступления агрессивной войны, а именно осознание общественной опасности своих действий и желание их совершить.

В то же время, если директор завода принимает участие, например, в собраниях по разработке планов агрессивной войны и осознает, что исполнение полученного им государственного контракта приведет к развязыванию агрессивной войны, то возможно его привлечение к ответственности за пособничество в развязывании агрессивной войны. Как следует из практики МВТ, «...когда они, зная о его [А. Гитлера] целях, предложили ему свою помощь и содействие, они стали частью плана, который он [А. Гитлер] инициировал» (курсив мой – Р.Д.)⁵⁹⁶.

---

⁵⁹⁵ Более подробно об этом далее в тексте исследования.

⁵⁹⁶ 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 226.

Таким образом, для привлечения к ответственности иных, нежели чем соисполнитель, соучастников преступления агрессивной войны, необходимо обратить внимание на наличие у соучастников требуемого умысла.

Применительно к соисполнительству возникает вопрос квалификации в случае, когда, к примеру, глава государства с федеративным территориальным устройством ведет агрессивную войну и для ее ведения привлекает главу субъекта этого государства. Возникает вопрос, будет ли глава субъекта или любой иной административно-территориальной единицы соисполнителем в ведении агрессивной войны?

Согласно предлагаемому диссертантом пониманию субъекта преступления агрессивной войны, лицо должно обладать контролем или руководством над военными или политическими действиями не части государства, а *всего* государства (курсив мой – Р.Д.). Поэтому даже если предположить, что глава административно-территориальной единицы государства обладает контролем или руководством над политическими или военными действиями своей части государства, предлагаемое диссертантом понимание субъекта преступления, предусмотренного ст. 353 УК РФ, подразумевает наличие такого контроля или руководства над военными или политическими действиями *всего* государства.

Вместе с тем при обсуждении данного вопроса необходимо учитывать правила о соучастии в преступлениях со специальным субъектом. Пункт 4 ст. 34 УК РФ предусматривает, что «лицо, не являющееся субъектом, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника»⁵⁹⁷. Вместе с тем на практике или в доктрине не выработан единый подход по данному вопросу. Как справедливо отмечал А.В. Шеслер, если круг субъектов строго ограничен в законе, исполнителем и соисполнителем могут

---

⁵⁹⁷ Уголовный кодекс Российской Федерации. П. 4 ст. 34.

быть только лица, обладающие специальными признаками⁵⁹⁸. В. Винокуров выделяет две ситуации совершения преступления специальным исполнителем: 1) когда специальный признак исполнителя характеризуется личностными свойствами и особым характером совершаемых действий (например, ст. 106, 121, 131 УК РФ) и 2) когда «специальным является не только субъект, но и состав преступления» (например, ст. 285, 302, 303 УК РФ)⁵⁹⁹.

Из перечня статей, которые приводит профессор Винокуров, видно, что ко второй категории относятся составы, объективную сторону которых можно совершить только при наличии определенных полномочий и поэтому исполнителем преступления может быть только специальный субъект. Например, получение взятки или предмета коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору квалифицируется по ст. 290 и 204 УК РФ соответственно, «...если в преступлении участвовали два и более должностных лица или два и более лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации...», поскольку эти лица наделены определенными полномочиями, позволяющими только им совершить предусмотренные в ст. 290 и 204 УК РФ преступления. Аналогично, развязывание агрессивной войны, к примеру, возможно только лицами, способными привести политический аппарат государства и его вооруженные силы к совершению акта агрессии против другого. При этом глава административно-территориальной единицы государства не выполняет даже частично объективную сторону преступления, предусмотренного в ст. 353 УК РФ, поскольку его действия не подпадают под ведение агрессивной войны. Ведение агрессивной войны выражается в принятии любых необходимых стратегических решений для продолжения развязанной войны и отличается от ведения войны главой субъекта (как и рядового солдата) тем,

---

⁵⁹⁸ Шеслер А.В., Горобцов В.И. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. С. 46-47, цит. по: Винокуров В. Квалификация соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Уголовное право. 2010. № 2. С. 24.

⁵⁹⁹ Винокуров В. Квалификация соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Уголовное право. 2010. № 2. С. 25-26.

что включает в себя действия высшего военного и политического руководства. Кроме того, глава административно-территориальной единицы государства не действует самостоятельно, не может фактически осуществлять военное руководство, поскольку не является военным командиром вооруженных сил, действующих на его территории, т.к. последние подконтрольны верховному главнокомандующему страны. Также МВТ в своих решениях привлекает к ответственности за преступления против мира только главных военных преступников, среди которых не было командиров отдельных подразделений армии⁶⁰⁰.

Из вышеуказанного можно сделать следующий вывод. Если в военное время глава административно-территориальной единицы государства является лицом, которое контролирует или руководит военными делами своего территориального образования (конечно, если не принимать во внимание тот факт, что контроль или руководство требуется над военными действиями всего государства), а, значит, действует самостоятельно, он может быть признан соисполнителем в ведении агрессивной войны. Если же такой контроль или руководство отсутствуют, соисполнительство в данном случае исключается.

---

⁶⁰⁰ За преступления против мира (пункты 1 и 2 обвинения) в МВТ были обвинены: Г. Геринг – рейхсминистр авиации, рейхсмаршал, генерал пехоты, лицо, которое признавалось вторым по своему влиянию членом НСДАП (после А. Гитлера), присутствовал на главных совещаниях по разработке плана развязывания и ведения агрессивной войны (далее – главные совещания); Р. Хесс – заместитель фюрера, рейхсминистр, также присутствовал на главных совещаниях; И. фон Риббентроп – министр иностранных дел Германии, обергруппенфюрер (генерал) СС, участник главных совещаний; В. Кейтель – начальник Верховного командования Вооруженных сил нацистской Германии, генерал-фельдмаршал, участник главных совещаний; А. Розенберг – признан, наряду с Г. Герингом, самым влиятельным членом НСДАП, был уполномочен А. Гитлером контролировать духовное воспитание нацистской Германии, главный идеолог Германии, рейхсминистр восточных оккупированных территорий и обергруппенфюрер СС, участвовавший в главных совещаниях; В. Фрик – один из руководителей НСДАП, обергруппенфюрер СС и СА, рейхсминистр внутренних дел Германии в период с 1933 г. по 1943 г., рейхспротектор Богемии и Моравии; В. Функ – нацистский министр экономики, статс-секретарь министерства народного просвещения и пропаганды, присутствовал на встрече с Гитлером и другими участниками, на котором обсуждались детали финансирования агрессивной войны, был президентом Рейхсбанка; К. Дениц – назначен гросс-адмиралом в 1943 г., главнокомандующий военно-морским флотом Германии, стал рейхспрезидентом после смерти А. Гитлера в 1945 г.; Э. Редер – главнокомандующий военно-морским флотом, гросс-адмирал, участник главных совещаний; А. Йодль – начальник штаба оперативного руководства Верховного командования немецких вооруженных сил (вермахта), генерал-полковник; А. Зейс-Инкварт – министр внутренних дел Австрии в 1938 г., министр правительства нацистской Германии, рейхскомиссар Нидерландов в период ее оккупации, наместник нацистской Германии в Австрии, группенфюрер СС; К. фон Нейтрат – министр иностранных дел, рейхспротектор Богемии и Моравии, обергруппенфюрер СС, участник главных совещаний.

Введение ограничения круга соучастников для целей ст. 353 УК РФ, аналогичное введенному в международном уголовном праве, не целесообразно потому, что такая конструкция чужда российской уголовно-правовой системе. Конечно, нельзя игнорировать опасения о чрезмерно широком круге возможных соучастников преступления планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны (например, пособником ведения войны можно признать рядового солдата). Однако эта проблема решается правильным пониманием как действий объективной стороны, так и субъективной стороны состава планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны. Необходимо понимать, что планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны включает в себя только такие действия, которые осуществляются руководящими лицами государства, и приводят к совершению акта агрессии. Так, «ведение» в ст. 353 УК РФ отличается от ведения войны рядовыми солдатами тем, что включает в себя действия высшего военного и политического руководства, направленные на продолжение развязанной войны. Поэтому рядовые солдаты не могут выступать пособниками «ведения» агрессивной войны в понимании ст. 353 УК РФ.

Как справедливо отмечается в правовой доктрине, преступление планирования, подготовки, развязывания или ведения агрессивной войны «по конструкции являются исключительно формальными – их объективная сторона предполагает совершение виновным определенных действий, вне зависимости от наступления или ненаступления каких-либо последствий»⁶⁰¹. Поэтому предусмотренное ст. 353 УК РФ преступление может быть совершено только с прямым умыслом, т.е. виновный осознает общественную опасность своих действий, направленных на осуществление акта агрессии и желает их совершения. Исключение косвенного умысла, и тем более легкомыслия или небрежности, обусловлено «спецификой правового статуса

---

⁶⁰¹ Малахова О.В. Указ. соч. С. 118.

субъектов указанного преступления»⁶⁰² и очевидной общественной опасностью преступления. При этом мотивы совершения преступления для квалификации значения не имеют. Важной для субъективной стороны преступления агрессивной войны является и конструкция «заговора», которая была разработана советскими юристами и воплощена в практике МВТ.

Так, Трибунал в своих решениях неоднократно указывал на намеренное и осознанное совершение действий, закрепленных в ст. 6а Устава МВТ. Так, А. Гитлер прямо высказал намерение и желание захватить Австрию и Чехословакию, разрушить Чехословакию или напасть на Советский Союз на главных собраниях ⁶⁰³, и «...все участники нацистского заговора намеренно планировали, разрабатывали и развязали свои агрессивные войны в нарушение международных договоров, соглашений и заверений...»⁶⁰⁴. А в деле И. фон Риббентропа МВТ на основе собранных доказательств установил, что подсудимый заранее знал о нападении на Норвегию и Данию и осознанно подготовил меморандум в оправдание агрессивных действий⁶⁰⁵.

Поэтому, аналогично позиции МВТ, подтверждением прямого умысла, может стать участие в различных совещаниях и собраниях на которых обсуждаются планы развязывания агрессивной войны или стратегия по ведению боевых действий.

Стоит отметить, что, несмотря на то, что для преступления агрессии по ст. 8бис Статута, также требуется установить прямой умысел⁶⁰⁶, субъективная сторона ст. 353 УК РФ отличается от ментального элемента преступления агрессии содержанием интеллектуального компонента. В отличие от российского права, для преследования за преступление агрессии в международном уголовном праве, как отмечалось, требуется установить

---

⁶⁰² Лямин Н.М. Указ. соч. С. 119.

⁶⁰³ 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946. P. 191, 286, 352.

⁶⁰⁴ Ibid. P. 31

⁶⁰⁵ Ibid. P. 286.

⁶⁰⁶ Исходя из содержания *dolus directus* первой степени, описанного выше, можно сделать вывод о его очевидном сходстве с прямым умыслом в отечественном уголовном законодательстве.

знание (осознание) субъекта о 1) фактических обстоятельствах, которые свидетельствуют о несовместимости применения вооруженной силы с Уставом ООН, и 2) фактических обстоятельствах, которые указывают на грубое нарушение Устава ООН.

Отдельно стоит рассмотреть вопросы разграничения преступления агрессивной войны с другими составами преступления.

При квалификации преступления агрессивной войны и других преступлений, закрепленных в главе 34 важно отметить следующее. При решении вопроса о наличии или отсутствии совокупности ст. 353 УК РФ с иными преступлениями следует исходить из основного принципа, что совокупность будет отсутствовать если менее тяжкое преступление является способом совершения более тяжкого преступления.

Как уже отмечалось, в ст. 354 УК РФ криминализированы публичные призывы к агрессивной войны. При разграничении ст. 353 и 354 УК РФ представляется необходимым рассмотреть два примера. В первом примере представим, что публичные призывы к развязыванию агрессивной войны осуществляет лицо, которое в состоянии руководить или контролировать действия государства, т.е. специальный субъект, в соответствии с ст. 353 УК РФ. Если специальный субъект занимался планированием или развязыванием агрессивной войны, квалификация, на наш взгляд, должна быть по совокупности. Если же публичные призывы к развязыванию агрессивной войны осуществляются лицом, который ответственен за ее подготовку, то возникает вопрос о том, поглощает ли подготовка действия по публичным призывам. На наш взгляд, с учетом тяжести состава публичных призывов к агрессивной войне, подготовка не будет охватывать публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, и квалификация должна быть по совокупности составов 353 и 354 УК РФ.

В другом примере публичные призывы к развязыванию агрессивной войны осуществляются общим субъектом, не соответствующим требованиям

к субъекту в ст. 353 УК РФ. В таком случае, ответственность, очевидно, будет только по ст. 354 УК РФ.

Геноцид, т.е. действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы (ст. 357 УК РФ), всегда будет квалифицироваться по совокупности с ст. 353 УК РФ, в силу того, что это особо тяжкое преступление. Кроме того, наличие цели совершения геноцида, как криминообразующего признака этого состава, также предопределяет квалификацию по совокупности.

Не так однозначна квалификация в случае таких составов главы 34, как наемничество (ст. 359 УК РФ), экоцид (ст. 358 УК РФ) и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой либо угроза его совершения (ст. 360 УК РФ).

Применительно к наемничеству стоит отметить следующее. Статья 3 Резолюции 1974 г. признает засылку государством или от имени государства наемников, осуществляющих акты применения вооруженной силы против другого государства, актом агрессии (если такие действия носят столь серьезный характер, что это равносильно остальным актам агрессии, закрепленным в ст. 3 Резолюции 1974 г.). В российском уголовном законе в ст. 359 УК РФ закреплена ответственность за вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника, а равно его использование в вооруженном конфликте или военных действиях (ч. 1); те же действия, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или в отношении несовершеннолетнего (ч. 2); а также за участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях (ч. 3).

Необходимо разграничивать вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение, которые могут совершаться как до начала войны, так и во время, с использованием наемников, которое может совершаться только во время войны, поскольку использование наемника означает его непосредственное участие в вооруженном конфликте либо военном действии, т.е. непосредственное привлечение наемника к боевым операциям в районах боевых действий, так и за его пределами⁶⁰⁷. Таким образом, в случае если субъект ст. 353 УК РФ использует наемников в процессе ведения агрессивной войны, его действия следует квалифицировать по совокупности с ч. 2 ст. 359 УК РФ, как совершенные лицом с использованием своего служебного положения.

Вместе с тем, когда использование наемников осуществляется посредством их засылки на территорию другого государства, на которой последние применяют вооруженную силу, и такое применение осуществляется для начала войны, эти действия полностью охватываются развязыванием агрессивной войны, поскольку являются актом агрессии.

Остальные действия объективной стороны ч. 1 ст. 359 УК РФ могут быть совершены и до начала агрессивной войны. В таком случае, по мнению ряда российских правоведов, квалификация должна быть по ч. 1 ст. 353 УК РФ. Так, например, Б.А. Дряев пишет, что вербовка наемника может рассматриваться как подготовка к агрессивной войне, добавляя при этом, что вербовка должна осуществляться для участия в запланированных актах насилия в целях свержения законной власти государства, подрыва его конституционного порядка или нарушения его территориальной неприкосновенности⁶⁰⁸. Аналогично Д.В. Лобач отмечает, что «участие наемника в вооруженном конфликте, а также вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника в целях его использования в *уже начатом* вооруженном конфликте, а равное его

---

⁶⁰⁷ Молибога О.Ю. Уголовная ответственность за наемничество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. С. 16; Адельханян Р.А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 372.

⁶⁰⁸ Дряев. Б.Д. Там же. С. 11

непосредственное использование – все это позволяет рассматривать данные криминальные действия через категорию военных преступлений... С другой стороны, следует согласиться с теми авторами, которые совершенно обоснованно относят деяния, выражающиеся в вербовке, обучении, финансировании или ином материальном обеспечении наемников в целях последующего их использования в *предстоящем* или *еще не начатом* межгосударственном конфликте, к международным преступлениям против мира, поскольку совершение этих операций вовсе не означает проведения военных операций де-факто»⁶⁰⁹ (курсив мой. – Р.Д.).

С одной стороны, представляется обоснованным квалифицировать действия по вербовке, обучению, финансированию или иному материальному обеспечению наемников, осуществленных до начала агрессивной войны по ч. 1 ст. 353 УК РФ, как подготовку агрессивной войны.

Однако с другой стороны, вербовка, финансирование и обучение наемников «должны рассматриваться как преступления, вызывающие серьезную озабоченность всех государств»⁶¹⁰, поскольку они нарушают международные принципы суверенного равенства, политической независимости, территориальной целостности государств и самоопределения народов⁶¹¹.

Кроме того: объектом посягательства в ст. 359 УК РФ выступают устоявшиеся правила и обычаи ведения войны, т.е. иной непосредственный объект, чем у ст. 353 УК РФ; при этом наемничество и агрессивная война относятся к категории особо тяжких преступлений.

В связи с этим, верной представляется квалификация вербовки, обучения, финансирования или иного материального обеспечения наемника

---

⁶⁰⁹ Лобач Д.В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование. Указ. соч. С. 173-174.

⁶¹⁰ Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1989 г. Преамбула // СПС КонсультантПлюс.

⁶¹¹ Несмотря на то, что Российская Федерация не ратифицировала данную конвенцию, она использовалась при разработке положений ст. 359 УК РФ, что подтверждается закреплением в ст. 359 УК РФ идентичных способов совершения наемничества (вербовки, использования, финансирования и обучения наемников). Поэтому положения Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников следует признать релевантными.

по совокупности с ч. 1 ст. 353 УК РФ, даже если эти действия совершены до начала войны.

Д.В. Лобач ставит вопрос квалификации перечисленных действий в зависимости от признания Советом Безопасности наличия агрессии: если Совет Безопасности не признал факта состоявшейся агрессии, то «вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника для предстоящей агрессии, а равно его использование в агрессивной войне, совершенное лицом с использованием своего должностного положения, необходимо квалифицировать только по ч. 2 ст. 359 УК РФ без ссылки на ст. 353 УК РФ»⁶¹². При наличии определения Совета Безопасности об осуществлении агрессии, упомянутые действия следует квалифицировать «только по ч. 2 ст. 353 УК РФ как ведение агрессивной войны»⁶¹³.

Представляется неверным ставить вопрос квалификаций действий лица, использующих наемников, от признания Советом Безопасности наличия или отсутствия акта агрессии. На практике возможна ситуация, когда глава государства А, например, соберет группу наемников, которые совершат акты применения вооруженной силы достаточной серьезности для признания их актом агрессии на территории другого государства. При этом Совет Безопасности не признает эти действия актом агрессии. Очевидно, что главу государства А необходимо привлечь за развязывание агрессивной войны посредством использования наемников по ч. 1 ст. 353 УК РФ, независимо от решения Совета Безопасности, поскольку в его действиях содержатся все признаки преступления, предусмотренного ст. 353 УК РФ.

Также интересным представляется квалификация экоцида (т.е. массового уничтожения растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу) в случае, если его используют как способ ведения агрессивной войны. В качестве примера

---

⁶¹² Там же. С. 12.

⁶¹³ Там же. С. 12.

можно привести войну США против Вьетнама, когда вооруженные силы США, используя химическое оружие, уничтожили леса Южного Вьетнама с целью облегчить обнаружение вьетнамских повстанческих объединений (причем, начавшаяся «против джунглей» операция, закончилась распылением химического оружия и на сельскохозяйственные культуры). Ведение войны по своему содержанию подразумевает совершение любых действий для эффективного продолжения развязанной войны. Вместе с тем ведение явно не охватывает экологическую катастрофу, поэтому квалификация должна быть по совокупности⁶¹⁴ ч. 2 ст. 353 УК РФ и ст. 358 УК РФ.

Предположим также, что экоцид выступил в качестве preparatory actions перед, например, вторжением или нападением вооруженных сил государства. Однако даже в таком случае preparatory actions в виде экоцида уже содержат в себе самостоятельный состав преступления, вследствие чего не могут охватываться ст. 353 УК РФ. Кроме того, экоцид является преступлением, угрожающим безопасному существованию человечества в целом⁶¹⁵ и относится к категории особо тяжких преступлений поэтому отсутствие дополнительной квалификации по ст. 358 УК РФ приведет к неверной правовой оценке.

Еще одним составом преступления, с которым необходимо разграничить состав преступления агрессивной войны, является ч. 2 ст. 360 УК РФ, которая криминализовала нападение на лиц или учреждения, пользующихся международной защитой (например, глава государства, министр иностранных дел, представители любых международных организаций и т.п.) с целью провокации войны. В случае, если нападение на лицо, пользующееся международной защитой, привело к развязыванию агрессивной войны, то необходима квалификация по совокупности, а именно

---

⁶¹⁴ В приведенном примере, также требуется квалификация по совокупности с ч. 2 ст. 356 УК РФ, поскольку было применено оружие массового поражения.

⁶¹⁵ Давитадзе М. Экоцид как преступление против безопасности человечества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 86

ч. 2 ст. 360 УК РФ и ч. 1 ст. 353 УК РФ, поскольку ч. 2 ст. 360 УК РФ не охватывает непосредственно развязывание агрессивной войны.

В случае криминализации киберагрессии как одного из видов агрессии в отечественном уголовном законодательстве, представляется важным рассмотреть вопрос о понятии критической информационной инфраструктуры (далее также - КИИ) и уголовной ответственности за неправомерное воздействие на КИИ, предусмотренной в ст. 274¹ УК РФ. Указанная статья криминализует создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, в том числе для уничтожения, блокирования, модификации, копирования информации, содержащей в ней, или нейтрализации средств защиты указанной информации (ч. 1 ст. 274¹ УК РФ).

В ст. 274¹ УК РФ не раскрывается понятие критической информационной инфраструктуры. Согласно Федеральному закону «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 г. N 187-ФЗ, КИИ включает в себя объекты критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов⁶¹⁶. К последним законодатель относит информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления⁶¹⁷ субъектов КИИ (ст. 2). В утвержденных указом Президента N 803 от 26.07.2012 г. «Основных направлениях государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации» (далее – указ

⁶¹⁶ Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». П. 6 ст. 2 // СПС КонсультантПлюс.

⁶¹⁷ Под автоматизированной системой управления понимается комплекс программных и программно-аппаратных средств, предназначенных для контроля за технологическим и (или) производственным оборудованием (исполнительными устройствами) и производимым ими процессами, а также для управления таким оборудованием и процессами.

Президента N 803) содержится более детальное определение КИИ и под ней понимается совокупность автоматизированных систем управления критических важных объектов и обеспечивающих их взаимодействие информационно-телекоммуникационных сетей, предназначенных для решения задач государственного управления, обеспечения обороноспособности, безопасности и правопорядка, нарушение (или прекращение) функционирования которых может стать причиной наступления тяжких последствий⁶¹⁸.

Из определения КИИ очевидно, что речь идет только о наиболее важных объектах, имеющих значение для безопасности и правопорядка государства. Согласно Федеральному закону «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» в круг объектов КИИ включаются объекты, которые функционируют в сферах здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, банковской сферы и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности⁶¹⁹.

Когда действия, предусмотренные в ст. 274¹ УК РФ, используются для совершения другого преступления, требуется соответствующая квалификация. На практике возможна ситуация, когда лицо создает или использует вредоносную программу, посредством которой совершает кибератаку на, предположим, топливно-энергетический комплекс или объекты атомной энергии государства, чтобы совершить геноцид или экоцид. В таком случае очевидно, что квалифицировать действия лица следует не по ст. 274¹ УК РФ, а по соответствующей статье главы 34 УК РФ (ст. 357 и 358 УК РФ, соответственно), поскольку создание или использование

---

⁶¹⁸ «Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 03.02.2012 N п). Пп. «в» п. 3. // СПС КонсультантПлюс.

⁶¹⁹ Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». П. 8 ст. 2.

вредоносной программы, посредством которой осуществляется неправомерное воздействие на КИИ, является лишь способом совершения более тяжких преступлений против безопасности.

Точно также возможны случаи, когда лицо, используя созданную им или уже существующую вредоносную компьютерную программу, отключает предприятия оборонной промышленности какого-либо государства-жертвы, обеспечивая таким образом нападение вооруженными силами государства-агрессора. Такие действия могут быть квалифицированы как подготовка к агрессивной войне в соответствии с ст. 353 УК РФ.

Вместе с тем при включении кибератак в ст. 353 УК РФ необходимо принимать во внимание проанализированные в работе особенности кибератак. Кибератака должна представлять собой, как уже отмечалось, неправомерное вмешательство в компьютерную систему или информационно-телекоммуникационные сети и осуществляться для изменения, удаления или иного воздействия на содержащуюся в них компьютерную информацию. Конечно, в случае совершения кибератаки последствия в виде человеческих жертв или вреда имуществу всегда будут вторичны. Кроме того, указанные последствия не всегда могут достигать уровня аналогичного физической атаке. И, принимая во внимание отсутствие в ст. 353 УК РФ порогового требования, необходимо ограничить круг объектов, посягательство на которые может привести к последствиям, указанным в главе 34 УК РФ, и, в частности, в ст. 353 УК РФ. Так, например, кибератака на объекты, функционирующие в сфере государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, банковской сферы или иных сферах финансового рынка, не повлечет ответственности за преступления, предусмотренные в главе 34 УК РФ, поскольку не достигает требуемой общественной опасности. В связи с этим важным представляется категория «критически важных объектов», которое содержится в указе Президента N 803. Под такими объектами понимают объекты, нарушение (или прекращение) функционирования которых приводит к потере

управления, разрушению инфраструктуры, необратимому негативному изменению (или разрушению) экономики страны, субъекта Российской Федерации либо административно-территориальной единицы или существенному ухудшению безопасности жизнедеятельности населения, проживающего на этих территориях, на длительный срок. Не вызывает сомнений повышенная общественная опасность посягательства на такие объекты по сравнению с объектами государственной регистрации прав на недвижимое имущество, банковской сферы или иных сферах финансового рынка. И несмотря на то, что в ст. 274¹ УК РФ критически важные объекты прямо не указаны, некоторые российские правоведы включают их в предмет анализируемой статьи УК РФ⁶²⁰.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. Во-первых, преступление агрессивной войны, закрепленное в ст. 353 УК РФ, не отвечает современным реалиям. Еще в процессе разработки дефиниции преступления агрессии, как отмечалось, Российская Федерация была единственной делегацией, выступавшей за криминализацию именно агрессивной войны. Однако, понятие агрессивной войны слишком узкое и не охватывает все случаи применения силы, которые посягают на международный мир и безопасность человечества. Более того, определение агрессии в том виде, в котором оно закреплено в статьях 1, 3 и 4 Резолюции 1974 г., содержится также в Федеральном конституционном законе «О военном положении»⁶²¹ 2002 г.⁶²² Стоит также отметить, что после Второй мировой войны, агрессии такого масштаба и интенсивности не было, а

---

⁶²⁰ См., напр.: Трунцевский Ю.В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельцы и эксплуатантов // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 102

⁶²¹ Как определение акта агрессии, так и перечень актов агрессии в данном законе касаются только агрессии, совершаемой государством или группой государств против Российской Федерации или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН. Также в законе прямо предусмотрено, что перечень актов агрессии открытый, но полномочия по признанию применения силы актом агрессии принадлежат не Совету Безопасности. Для признания применения силы актом агрессии, он должен быть равносильным другим актам агрессии, перечисленным в статье.

⁶²² Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (в ред. 01.07.2017) «О военном положении». Ч. 2 и 3 ст. 3 // СПС КонсультантПлюс.

уголовное законодательство, как известно, должно отражать актуальные тенденции.

Попытка сблизить термины «агрессивная война» и «агрессия», предпринятая в доктрине, также не представляется верной. Причин в данном случае несколько: 1) различные по содержанию понятия; 2) устаревшее определение акта агрессии, содержащегося в Резолюции 1974 г. (неактуальные формы агрессии, отсутствие указания на возможность совершения акта агрессии посредством кибератак и сужение круга исполнителей актов агрессии до государств).

Вследствие этого, предлагается изложить ст. 353 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 353. Совершение преступления агрессии.

Планирование, подготовка, инициирование или осуществление акта агрессии, совершенное лицом, фактически осуществляющим контроль или руководство над политическими или военными действиями государства или негосударственной вооруженной организованной группы, -

наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

Примечания. 1. Под актом агрессии (агрессией) в настоящей статье, а также статье 354 настоящего Кодекса, следует понимать незаконное применение государством, группой государств или негосударственной вооруженной организованной группой вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с соответствующим международным договором.

2. Любое из нижеперечисленных действий будет квалифицироваться как акт агрессии, независимо от объявления войны:

- а. вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого

- вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы на территории другого государства или ее части;
- б. бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;
  - в. блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;
  - г. нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;
  - д. применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;
  - е. действия государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;
  - ж. засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или их значительное участие в них;
  - з. киберагрессия, выраженная в совершении государством или негосударственной вооруженной организованной группой или от их имени кибернетических атак, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или значительное участие в них;

и. другие акты применения вооруженной силы против другого государства, равносильные перечисленным выше актам».

Заключение

Агрессия по праву признана тягчайшим преступлением и заключает в себе опасность для международного мира и безопасности человечества. Разработка дефиниции преступления агрессии стала значительным прорывом для международного сообщества. Ее разработка, начавшаяся уже после Второй мировой войны, завершилась лишь в 2017 г., когда была активирована юрисдикция Международного уголовного суда в отношении преступления агрессии. Таким образом, общественная опасность преступления агрессии была признана на международном уровне и отражена не только в международном праве (запрет применения силы, закрепленный в ст. 2(4) Устава и определение акта агрессии, принятое в 1974 г.), но и в международном уголовном праве.

По итогам исследования были сделаны следующие выводы:

1. Война на современном этапе характеризуется такими чертами, как глобальность, обращение к невооруженным средствам (например, санкции, оккупация, насильственное переселение), перенос противостояния в информационное пространство, тотальность, а также участие новых субъектов в ее реализации. Закрепленная в Римском статуте дефиниция преступления агрессии не учитывает и не охватывает перечисленные признаки.

2. Основанием уголовной ответственности, согласно ст. 8 УК РФ, является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного в Особенной части УК РФ. Однако в международном уголовном праве отсутствует аналогичная норма. Это связано с тем, что учение о преступлении в международном уголовном праве основано преимущественно на учении о преступлении англо-саксонской правовой системы. В последнем же отсутствует конструкция «состава преступления» и отсутствует необходимость «выбирать» основание уголовной ответственности. Таким образом, в международном уголовном праве категория «оснований уголовной ответственности» не имеет правового

значения. Вместе с тем, очевидно, что уголовная ответственность может наступить только в случае совершения противоправного деяния, т.е. международного преступления.

3. Римский статут или Элементы преступлений не содержат положений о структуре международных преступлений. Положения ст. 30 Римского статута и параграфа 7 Общего введения к Элементам преступлений позволяют выстроить следующую структуру международного преступления: материальный элемент и ментальный элемент. Материальный элемент международного преступления включает в себя такой уникальный для международных преступлений элемент, как контекстуальный элемент (контекстные обстоятельства). Субъект международного преступления не является самостоятельным элементом преступного деяния. Согласно принципу индивидуальной уголовной ответственности, закрепленному в ст. 25(2) Римского статута, а также ст. 26 Статута, субъектом международного преступления может выступать только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 18 лет.

4. Преступление агрессии обладает особой правовой природой и отличается от других международных преступлений тем, что оно обязательно требует наличие совершенного государством акта агрессии. При этом индивидуальная уголовная ответственность наступит только, если акт агрессии соответствует пороговому требованию преступления агрессии. Действующее определение преступления агрессии не выделяет контекстуальный элемент преступления. Акт агрессии, достигающий уровня грубого нарушения Устава ООН, следует признать контекстуальным элементом преступления агрессии.

5. Основу определения преступления агрессии составляет понятие «акт агрессии», которое было заимствовано из Резолюции 1974 г. Из этого следует несколько важных выводов. Во-первых, Резолюция была принята в 1974 г. и действительно учитывала актуальные виды актов агрессии. Так, засылка государством, например, вооруженных банд, групп или наемников

по праву является признается актом агрессии, за которое государства должны нести ответственность. Однако, эти формы агрессии были актуальны только на 1974 г. Во-вторых, определение акта агрессии предусмотрено в резолюции, которая, в свою очередь, является рекомендацией Совета Безопасности при определении наличия акта агрессии.

6. Акт агрессии, согласно ст. 8бис Римского статута, может быть совершен только государством. Потерпевшим от акта агрессии также может быть только государство. В отличие от ст. 8бис Статута, Резолюция 1974 г. содержит четкое указание на понимание термина «государство», как охватывающего политические образования, независимо от того, являются они членами ООН, т.е. получили международное признание, или нет. Таким образом, Резолюция 1974 г. охватывает и непризнанные государства. Термин «государство» следует толковать, как включающий непризнанные государства.

7. Негосударственные вооруженные организованные группы являются угрозой миру и безопасности человечества, поскольку все чаще применяют вооруженную силу. Привлечение их руководителей к уголовной ответственности за преступление агрессии, однако, невозможно, ввиду того, что участниками Международного уголовного суда могут быть только государства. Дополнительным ограничением служит и лидерское требование преступления агрессии. При этом, если негосударственные организованные вооруженные группы действуют под контролем или по указанию государства, то лидеров последнего можно привлечь к ответственности за преступление агрессии на основе теории присвоения поведения государству.

8. Субъектом преступления агрессии может быть лицо, которое в состоянии осуществлять эффективное руководство или контроль над политическими или военными действиями государства. Особые требования к субъекту преступления агрессии также являются отличительной чертой данного преступления и именуется «лидерским стандартом». Из предусмотренной формулировки неясно, может ли экономический или

религиозный лидер быть субъектом преступления. Положения о субъекте преступления агрессии следует толковать таким образом, чтобы они охватывали как политических или военных, так и экономических или религиозных лидеров, которые в состоянии осуществлять эффективный контроль или руководство действиями государства. На это указывает терминология, использованная в дефиниции преступления агрессии, а именно «быть в состоянии» и «руководство», которое не должно быть эффективным.

9. Для преступления агрессии предусмотрен и особый круг соучастников – только те лица, которые соответствуют лидерскому стандарту (ст. 25(3)бис Римского статута). Такое правило представляется верным и может применяться к иным соучастникам, помимо исполнителей, но только в случае широкого толкования субъекта преступления агрессии, как включающего экономических или религиозных лидеров, наряду с политическими или военными.

10. Бурное развитие технологий, новые негосударственные образования, усовершенствованные существующие или новые методы осуществления агрессии, предопределили появление новых форм противостояния, одним из которых является совершение преступлений посредством кибернетических атак на критически важные объекты инфраструктуры государства для подрыва безопасности государства. Преступление агрессии так же может быть совершено посредством кибератак (киберагрессия) и привести к аналогичным по степени серьезности и масштабу последствиям, к которым приводят традиционные акты агрессии. Поэтому преступление агрессии должно охватывать и киберагрессию. Следует, однако, учитывать особенности кибератак, которые будут отличаться от традиционного применения вооруженной силы. Поэтому для признания их актом агрессии они должны быть равносильны по своим последствиям уже существующим актам агрессии.

11. Российское уголовное законодательство закрепляет ответственность за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны (преступление агрессивной войны) в ст. 353 Уголовного кодекса.

12. Преступление агрессивной войны представляет собой частичную имплементацию состава преступления против мира, которое было закреплено в Уставе МВТ. Для характеристики агрессии используется понятие «агрессивной войны», которое в российской правовой доктрине признается тождественным термину «акт агрессии» Резолюции 1974 г. Отождествление терминов недопустимо и в ст. 353 Уголовного кодекса необходимо закрепить термин «акт агрессии», указав, при этом, что он может быть совершен как государством, так и негосударственными вооруженными организованными группами.

13. С учетом положений нового определения преступления агрессии, в ст. 353 необходимо предусмотреть примечание, которое бы включало перечень актов агрессии с указанием на его открытость. Последний должен включать кибернетические атаки, осуществляемые государством или негосударственной вооруженной организованной группой или от их имени против другого государства.

14. Действия объективной стороны ст. 353 УК РФ не различаются по своей общественной опасности. Большинство отечественных правоведов обоснованно отвергли позицию о том, что ведение агрессивной войны является квалифицирующим составом по отношению к планированию, подготовке или развязыванию агрессивной войны. Необходимо разместить все действия объективной стороны в одной части. При этом следует использовать формулировки, закрепленные в дефиниции преступления агрессии в международном уголовном праве, поскольку это единственное на данный момент определение преступления агрессии, ставшее результатом работы всего международного сообщества.

15. В российском уголовном законе отсутствует указание на субъект преступления агрессивной войны, вследствие чего многие правоведы ошибочно полагают, что им может быть общий субъект, т.е., совершить планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны может любое вменяемое лицо, достигшее 16 лет. При этом отечественные правоведы, поддерживающие данную позицию, также признают, что на практике это преступление может быть совершено только специальным субъектом. В ст. 353 УК РФ стоит прямо закрепить указание на специальный субъект.

16. С учетом вышеизложенного, ст. 353 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 353. Совершение преступления агрессии.

Планирование, подготовка, инициирование или осуществление акта агрессии, совершенное лицом, фактически осуществляющим контроль или руководство над политическими или военными действиями государства или негосударственной вооруженной организованной группы, -

наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

Примечания. 1. Под актом агрессии (агрессией) в настоящей статье, а также статье 354 настоящего Кодекса, следует понимать незаконное применение государством, группой государств или негосударственной вооруженной организованной группой вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с соответствующим международным договором

2. Любое из нижеперечисленных действий будет квалифицироваться как акт агрессии, независимо от объявления войны:

- а. вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого

- вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы на территории другого государства или ее части;
- б. бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;
  - в. блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;
  - г. нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;
  - д. применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;
  - е. действия государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;
  - ж. засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или их значительное участие в них;
  - з. киберагрессия, выраженная в совершении государством или негосударственной вооруженной организованной группой или от их имени кибернетических атак, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или значительное участие в них;

и. другие акты применения вооруженной силы против другого государства, равносильные перечисленным выше актам».

Список литературы

Нормативные правовые акты и официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (в ред. 01.07.2017) «О военном положении» // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 26.07.2017 N 187-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности» // СПС КонсультантПлюс.
5. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. N 2446-I «О безопасности» // Российская газета. 6 мая 1992. N 103.
6. Указ Президента Российской Федерации от 25.12.2014 N Пр-2976 «О Военной доктрине Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
7. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 5.07.2021 г. N 27 (часть II) ст. 5351.
8. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Концепция внешней политики Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс.
9. «Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 03.02.2012 N п) // СПС КонсультантПлюс.
10. Проект Договора о взаимной помощи, представленный III Комиссией IV Собранию 28 сентября 1923 г. // Сборники документов по

международной политике и международному праву. Вып. IV. Гарантии безопасности по статуту Лиги наций. М., 1937.

11. Пакт Бриана-Келлога (Парижский пакт) от 27 августа 1928 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 5. М., 1930.

12. Устав Лиги наций // Сб. Действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 8. М., 1935 г.

13. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955.

14. Закон Контрольного Совета Германии N 10 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955.

15. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

16. Международный пакт о гражданских и политических правах. 16 декабря 1966 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи 2200 А (XXI) // Веб-сайт ООН. Конвенции и соглашения.

17. Конвенция об определении агрессии // Документы внешней политики СССР. Т. 16. М., 1970.

18. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Принята резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 1989 г. // СПС КонсультантПлюс

19. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов

немеждународного характера (Протокол II). 8 июня 1977 г. // Действующее международное право. Т. 2. М., 1997.

20. Устав Международного трибунала по бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901753264?section=status> (дата обращения: 23.10.2023).

21. Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. (в ред. от 27 октября 2003 г.) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901960?section=status> (дата обращения: 23.10.2023).

22. Римский статут Международного уголовного суда. 17 июля 1998 г. UN Doc A/CONF 183/10.

23. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. A/RES/110(II). 3 ноября 1947 г. // Объединенные Нации. Цифровая библиотека: [сайт]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/209883> (дата обращения: 19.12.2021).

24. Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г.

25. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations. General Assembly Resolution 2625 (XXV). A/Res/25/2625. 24 October 1970 // UN Documents. Gathering a body of global agreements [сайт]. URL: <http://www.un-documents.net/a25r2625.htm> (дата обращения: 15.11.2023).

26. Доклад Генерального секретаря на 47 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. A/47/277. 02.06.1992. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/289/17/IMG/N9228917.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.01.2022).

27. Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts. A/56/49. 12 December 2001 // Yearbook of the International Law Commission Vol. II (Part Two). United Nations, 2001.
28. Резолюция RC/Res.6. Преступление агрессии. Поправки к Римскому статуту, касающиеся преступления агрессии. 11 июня 2010.
29. Резолюция RC/Res.6. Поправки к Римскому статуту Международного уголовного суда, касающиеся преступления агрессии. Приложение II. Поправки к Элементам преступлений. 11 июня 2010.
30. Security Council, Resolution 387 Concerning Angola and South Africa. 31 March 1976, UN Doc. S/RES/387.
31. Security Council, Resolution 418 Concerning South Africa. 4 November 1977, UN Doc. S/RES/418.
32. Security Council, Resolution 572 Concerning Botswana and South Africa. 30 September 1985, UN Doc. S/RES/572.
33. Security Council, Resolution 580 Concerning Lesotho and South Africa. 30 December 1985, UN Doc. S/RES/580.
34. Security Council, Resolution 326 Concerning Provocation by Southern Rhodesia. 2 February 1973, UN Doc. S/RES/326.
35. Security Council, Resolution 411 Concerning Mozambique and Southern Rhodesia. 30 June 1977, UN Doc. S/RES/411.
36. Security Council, Resolution 455 Concerning Zambia and Southern Rhodesia. 23 November 1979, UN Doc. S/RES/455.
37. Security Council, Resolution 573 Concerning Israel and Tunisia. 4 October 1985, UN Doc. S/RES/573.
38. Security Council, Resolution 611 Concerning Israel and Tunisia. 25 April 1988, UN Doc. S/RES/611.
39. Security Council, Resolution 667 Concerning Iraq and Kuwait. 16 September 1990, UN Doc. S/RES/667.
40. Security Council, Resolution 405 Concerning Benin. 14 April 1977, UN Doc. S/RES/405.

41. Security Council, Resolution 419 Concerning Benin. 24 November 1977, UN Doc. S/RES/419.

42. Security Council, Resolution 573 Concerning Israel and Tunisia. 4 October 1985, UN Doc. S/RES/573.

43. Resolution 4/2018 (Committee on Use of Force). International Law Association. Sydney Conference. 2018.

Научная литература, учебники, учебные пособия, комментарии законодательства

62. Адельханян Р.А. Преступность деяния по международному уголовному праву. Учебное пособие. М., 2002.

63. Антонова Е.Ю. Уголовная ответственность: понятие, виды, основание: учебное пособие / Е.Ю. Антонова. Хабаровск, 2014.

64. Арямов А.А. Актуальные направления развития современного международного уголовного права: курс лекций. М., 2015.

65. Благоев Е.В. Специальный курс уголовного права: курс лекций для бакалавров. М.,

66. Блищенко И.П., Фисенко Н.В. Международный уголовный суд. М., 1998.

67. Верле Г. Принципы международного уголовного права. М., 2011.

68. Грицаев С.А. Международная уголовная ответственность физических лиц. История и современность. Белгород, 2005.

69. Дворецкий М.Ю., Стромов В.Ю. Основания уголовной ответственности в контексте эффективности ее реализации: проблемы теории и правоприменительной практики. Тамбов, 2015.

70. Есаков Г.А. Англо-американское уголовное право: эволюция и современное состояние общей части. Москва, 2007.

71. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве. СПб, 2009.

72. Иногамова-Хегай Л.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2002.
73. Иногамова-Хегай Л. Международное уголовное право: учебное пособие для магистрантов. М., 2015.
74. Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право / под ред. А.В. Наумова. СПб., 2003.
75. Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / под науч. ред. А.В. Наумова. СПб., 2004.
76. Князькина А.К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды общая характеристика / под ред. А.И. Чучаева. М., 2010.
77. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / под ред. Г.П. Тихоновой, А.А. Большакова. Ленинград, 1962.
78. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М., 1984.
79. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2004.
80. Костенко Н.И. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. М., 2016.
81. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Том III / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Ленинград, 1973.
82. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2002.
83. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002.
84. Лесниченко И.П. Понятие и основание уголовной ответственности: лекция. Ставрополь, 2005.
85. Лопашенко Н.А. Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник. Т. 3. Особенная часть / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2014.

86. Малахова О.В., Кибальник А.Г. Уголовная ответственность за агрессию. Ставрополь, 2003.
87. Международное уголовное право / под общ. ред. Н.В. Кудрявцева. М., 1999.
88. Международное уголовное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. А.В. Бриллиантова. М., 2016.
89. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8 т. Т. 8 / отв. ред. Н.С. Лебедева. М., 1999.
90. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Общая часть. М., 1961.
91. Полный курс уголовного права. Том V / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008.
92. Полторак А.И. Нюрнбергский процесс. Основные правовые проблемы. М., 1966.
93. Савенков А.Н. Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2022.
94. Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М., 1944.
95. Трайнин А.Н. Защита мира и уголовный закон. М., 1969.
96. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004.
97. Трикоз Е.Н. Преступления против мира и безопасности человечества: сравнительный и международно-правовой аспекты. М., 2007.
98. Уголовный кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1997.
99. Уголовное право. Особенная часть. / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999.
100. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2009.
101. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012.

102. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2015.
103. Уголовное право России. Особенная часть. Том 2 / под ред. О.С. Капинус. М., 2015.
104. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. М., 2018.
105. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Бодаевского., В.М. Зимина, А.И. Чучаева. М., 2019.
106. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общ. ред. Л.М. Прокументова. Томск, 2019.
107. Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. М., 2019.
108. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.Н. Бурлакова, В.В. Векленко, В.Ф. Щепелькова. СПб., 2021.
109. Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Е.В. Благова. М., 2020.
110. Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. Издание профессора Малинина – ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб., 2005.
111. Энциклопедия уголовного права. Т. 31. Преступления против мира и безопасности человечества. Издание профессора Малинина – ЛГУ им. А.С. Пушкина. СПб., 2019.
112. Яртых И.С. Нюрнбергский процесс: Защитительные речи адвокатов. Т. I. М., 2008.
113. Akande D., Tzanakopoulos A. The International court of justice and the concept of aggression // The Crime of Aggression, A Commentary / Ed. by C. Kreß, S. Barriga. Cambr., 2016.
114. Ambos K. Article 25: Individual criminal responsibility // Commentary on the Rome Statute of the International Criminal Court: Observers' Notes, Article by Article / Ed. by Otto Triffterer. 2nd ed. Portland, 2008.

115. Ambos K. *Treaties on International Criminal Law. Volume II: The Crime and Sentencing*. Oxford, 2014.
116. Ambos K. *Crimes against Humanity and the International Criminal Court // Forging a Convention for Crimes Against Humanity / Ed. by L. Sadat*. Cambr., 2011.
117. Anggadi F., French G., Potter J. *Negotiating the Elements of the Crime of Aggression // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression / Ed. by C. Kreß, S. Barriga*. Cambr., 2011.
118. Barriga S. *Negotiating the Amendments on the Crime of Aggression // Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression / Ed. by C. Kreß, S. Barriga*. Cambr., 2011.
119. Barriga S., Kreß C. *The Crime of Aggression. A Commentary*. Cambr., 2016.
120. Bassiouni Ch. *International criminal law: Sources, Subjects, and Contents. Vol 1. 3^d ed*. Leiden, 2008.
121. Bassiouni Ch. *Introduction to International Criminal Law. Vol I*. Leiden, 2014.
122. Bruha T. *The General Assembly's Definition of the Act of Aggression // The Crime of Aggression. A Commentary / Ed. by C. Kreß, S. Barriga*. Cambr., 2016.
123. Cassese A. *International law*. Oxford, 2005.
124. Cassese A. *International Criminal Law. 2nd ed*. Oxford, 2008.
125. *Cassese's International Criminal Law / Rev. by A. Cassese and others*. Oxford, 2013.
126. Clark R. *The Crime of Aggression // The Law and Practice of the International Criminal Court / Ed. by C. Stahn*. Oxford, 2015.
127. Clark R. S. *Individual Conduct // The Crime of Aggression. A Commentary / Ed. by C. Kreß, S. Barriga*. Cambr., 2016.
128. *Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression / Ed. by C. Kreß, S. Barriga*. Cambr., 2011.

129. Cryer R., Friman H. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. Cambr., 2007.
130. Dinstein Y. *War, Aggression and Self-Defence*. Cambr., 2017.
131. Dinstein Y., Dahl W. *Oslo Manual on Select Topics of the Law of Armed Conflict. Rules and Commentary*. Springer, 2020.
132. Ferencz B. *Commentary on Definition of a Case of Aggression by Special Committee of the Temporary Mixed Commission, in Defining International Aggression: The Search for World Peace. Vol. 1. 1975* // *Derechos*. URL: <http://www.derechos.org/peace/dia/doc/bf4.html#bf1> (дата обращения: 18.08.2021).
133. Ferencz B. *Defining International Aggression: The Search for World Peace. Vol. 2. Part IV* // *Derechos*. URL: <http://www.derechos.org/peace/dia/doc/bf4.html#bf1> (дата обращения: 19.08.2021).
134. Glotova S.V. *The Crime of Aggression in Russian Criminal Law* // *The Crime of Aggression. A Commentary* / Ed. by C. Kreß, S. Barriga. Cambr., 2016.
135. Gray Ch. *International Law and the Use of Force*. Oxford., 2008.
136. Greenspan M. *The Modern Law of Land Warfare*. Cit. from *War, Aggression and Self-Defence* / Ed. by Y. Dinstein Y. Cambr., 2005.
137. *Historical Review of Developments relating to Aggression*. United Nations. New York, 2003.
138. Klamberg M. *Commentary on the Law of the International Criminal Court*. Brussels, 2017.
139. Kreß C. *The ICJ and the Principle of Non-Use of force* // *The Oxford Handbook of the Use of Force in International Law* / Ed. by M. Weller. Oxford, 2015.
140. Kreß C. *The State Conduct Element* // *Crime of Aggression Library: The Travaux Préparatoires of the Crime of Aggression* / Ed. by C. Kreß, S. Barriga. Cambr., 2011.

141. Marchuk I. The Fundamental Concept of Crime in International Criminal Law. A Comparative Analysis. Springer, 2014.
142. McDougall C. The Crimes against Peace Precedent // The Crime of Aggression. A Commentary / Ed. by C. Kreß, S. Barriga. Cambr., 2016.
143. McDougall C. Crime of Aggression under the Rome Statute. Cambr., 2017.
144. Principles of International Law recognized in the Charter of the Nürnberg Tribunal and in the Judgment of the Tribunal, with commentaries. Principle VI // YIL Commission, 1950. Vol. II.
145. Roscini M. Cyber Operations and the Use of Force in International law. Oxford, 2014.
146. Sayapin S. The Crime of Aggression in International Criminal Law. Historical Development, Comparative Analysis and Present State. Hague, 2014.
147. Schabas W. The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. Oxford, 2011.
148. Schwebel S. Aggression, Intervention and Self-Defence in Modern International Law / Justice in International Law: Selected Writings. Cambr., 2009.
149. Strapatas N. Practice of the Security Council Regarding the Concept of Aggression // The Crime of Aggression. A Commentary / Ed. by C. Kreß, S. Barriga. Cambr., 2016.
150. Zetter K. Countdown to Zero Day. Stuxnet and the Launch of the World's First Digital Weapon. New York, 2014.
151. Werle G. The crime of aggression between international and domestic criminal law // Criminal law between War and Peace. Justice and Cooperation in Criminal Matters in International Military Interventions / Ed. by S. Manacorda, A. Nieto. Cuenca, 2009.

Научные статьи

152. Абашидзе А. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств *erga omnes* //

Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008.

153. АМЛ Р., Вюрцнер К. Вооруженные группы, санкции и имплементация международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. 2008. Т. 90. № 870.

154. Благов Е.В. Об основании уголовной ответственности // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 1 (146).

155. Богуш Г.И. Международный уголовный суд и проблемы становления международного уголовного правосудия // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008.

156. Богуш Г.И. Обзорная конференция по Римскому статуту: новые горизонты международного уголовного правосудия // Международное правосудие. 2010. № 5 (78).

157. Вандышева А.В., Темникова Л.Б. Судебная лингвистическая экспертиза: проблема корреляции формулировок законодательных норм и соответствующих им лингвистических терминов и понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 4(127).

158. Ведерникова О. Россия и Римский статут Международного уголовного суда: перспективы ратификации // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008.

159. Винокуров В. Квалификация соучастия в преступлениях со специальным субъектом // Уголовное право. 2010. № 2.

160. Галиакбаров Р.Р., Шульга А.В., Сокол А.В. История возникновения и становления учения о составе преступления в зарубежном уголовном праве // Общество и право. 2019. № 3 (69).

161. Глотова С.В. Россия и Международный уголовный суд: некоторые вопросы имплементации Римского Статута // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2008. № 3.

162. Глотова С.В. Международные преступления и их преследование на национальном уровне // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского Конгресса уголовного права / Отв. ред. В.С. Комиссаров. М., 2008.

163. Глотова С.В. Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском Уставе и Римском Статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2017. № 2.

164. Давитадзе М. Экоцид как преступление против безопасности человечества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7.

165. Дзейтова Р.Б. Становление и соотношение понятий «войны», «агрессии» и «агрессивной войны» в международном уголовном праве // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2020. № 4.

166. Дзейтова Р.Б. Определение преступления агрессии в законодательстве России и Германии // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11(162).

167. Дзейтова Р.Б. Ответственность за киберагрессию по международному уголовному праву: основание и условия наступления // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2021. № 6.

168. Есаков Г.А. Россия и Римский статут: к истории отношений // Закон. 2018. № 2.

169. Кондрашова Т.В. К вопросу об единстве терминологии в уголовном законодательстве и праве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2003. № 2.

170. Кунашев А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или

пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6.

171. Лазутин Л.А., Лихачев М.А. Международный уголовный суд и Россия: быть или не быть вместе // Московский журнал международного права. 2019. № 4.

172. Лебедева Н.С. СССР и Нюрнбергский процесс // Берегиня.777.Сова. 2014. № 4(23).

173. Лобач Д.В. Проблемы имплементации международно-правовых норм об агрессии в российском уголовном законодательстве // Бизнес в законе. 2011. № 1.

174. Лобач Д.В. Субъект преступления, проявляющегося в форме агрессии, в международном праве и российском уголовном законодательстве // Закон и право. 2011. № 4.

175. Лобач Д., Смирнова Е. Компьютерные сетевые атаки как акт агрессии в условиях развития современных международных отношений: pro et contra // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 4.

176. Николаев К.Д. Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны – преступления против мира и согласия между народами и (или) государствами // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2018. № 4(87).

177. Малиновский О.Н. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Философия права: научно-теоретический журнал. 2009. № 1.

178. Москалев Г.Л. Пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ) // Национальная безопасность. 2018. № 6.

179. Подшибякин А.С. Римский Статут и решение проблем его ратификации отдельными государствами // Вестник МГИМО. 2008. № 3.

180. Порецкова А.А. Эффективность международного уголовного суда в решении проблем, связанных с геноцидом: взгляд со стороны

институционального либерализма // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2016. Т. 9. № 3.

181. Пшеничнов И.М., Смирнов Е.А. К вопросу об ответственности за пропаганду и оправдание терроризма: состояние, зарубежный опыт, пути совершенствования // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2020. № 3(51).

182. Рихтер А. Запрет пропаганды войны и разжигания ненависти в международном праве: история и современность // *Труды по интеллектуальной собственности*. 2015. № 4.

183. Саяпин С. Развитие определения преступления агрессии в международном и национальном уголовном праве // *Альманах международного права*. 2010. № 2.

184. Силаева З.В. Признание независимости спорных государств в современной мировой политике // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 7(13). Ч. I.

185. Скуратова А.Ю. Россия и Римский статут Международного уголовного суда // *Московский журнал международного права*. 2016. № 4.

186. Степанов П.П. Признаки военных преступлений в практике применения норм международного уголовного права // *Евразийский юридический журнал*. 2017. № 8 (111).

187. Тарбагаев А.Н., Москалев Г.Л. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // *Вестник СПбГУ. Сер. 14*. 2016. Вып. 2.

188. Трунцевский Ю.В. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру: уголовная ответственность ее владельце и эксплуатантов // *Журнал российского права*. 2019. № 5.

189. Тузмухамедов Б. О некоторых проблемах соответствия Римского статута МУС Конституции РФ // *Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений* / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008.

190. Ширёва И.В. К вопросу о применении принудительных мер ООН в целях защиты прав человека // *Вестник РУДН. Серия Юридические науки*. 2009. № 1.

191. Ambos K. The Crime of Aggression after Kampala // *German YIL*. 2010. Vol. 53.

192. Ambos K. Individual Criminal Responsibility for Cyber Aggression // *J. Conflict & Security L*. 2016. Vol. 21. N 3.

193. Bassiouni Ch. The History of Aggression in International Law, Its Culmination in the Kampala Amendments, and Its Future Legal Characterization // *Online Journal*. 2017. Vol. 58.

194. Bassiouni M. Response to the opinions expressed by Professors George Fletcher and John Quigley concerning the Palestinian Authority's submission of the Situation in Gaza // *ICCForum*. 2010. URL: <https://iccforum.com/forum/permalink/7/859> (дата обращения: 18.01.2022).

195. Boas A. The definition of the crime of aggression and its relevance for contemporary armed conflict // *International Crimes Database. Commentaries. Brief* 1. 2013. URL: <https://www.internationalcrimesdatabase.org/upload/documents/20141020T170547-ICD%20Brief%201%20-%20Boas.pdf> (дата обращения: 27.07.2022).

196. Cassese A. On Some Problematic Aspects of the Crime of Aggression // *Leiden J. Int'l L*. 2007. Vol. 20.

197. Clark R. The Mental Element in International Criminal Law: The Rome Statute of the ICC and the Elements of Offences // *Criminal Law Forum*. 2002. N 291(12).

198. Clark R. Negotiating Provisions Defining the Crime of Aggression // *Eur. J. Int'l L*. 2009. Vol. 20. N 4.

199. Collins R. Propaganda for War and Transparency // Denver University L. Rev. 2010. Vol. 87.
200. Delanis J. “Force” under Article 2(4) of the United Nations Charter. The Question of Economic and Political Coercion // Vanderbilt J of Transitional L. 1979. Vol. 12 Issue 1.
201. Dorr O. Use of force // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Oxford Public International Law [сайт]. URL: https://spacelaw.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_spacelaw/EPIL_Use_of_Force_Prohibition_of.pdf (дата обращения: 19.11.2023).
202. Ferencz B., Bassiouni Ch. The Crime Against Peace and Aggression: From Its Origin to the ICC // International Criminal Law. Vol. I. / Ed. by M. Bassiouni. Leiden, 2008.
203. Gillet M. The Anatomy of an International Crime: Aggression at the International Criminal Court // Int’l Crim. L. Rev. 2013. Vol. 13.
204. Glennon M. The Blank-Prose of the Crime of Aggression // The Yale J. Int’l L. 2010. Vol. 35.
205. Godara K. Crime of aggression: Expanding the relatively narrow parameters of article 8 *bis* of the Rome Statute // Novum Jus. 2019. Vol. 13. N 2.
206. Hajdin N. Individual Criminal Responsibility for the Crime of Aggression: Tracking Down the Leaders of a State // Lund University Libraries. 2015. URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/7855313> (дата обращения: 24.01.2020).
207. Hajdin N. Aggression and Criminal Responsibility (for Whom?) // OpinioJuris. 2018. URL: <http://opiniojuris.org/2018/04/09/33521/> (дата обращения: 09.04.2020).
208. Hajdin N. The Nature of Leadership in the Crime of Aggression: The ICC’s New Concern? // Int’l Crim. L. Rev. 2017. N 17.
209. Hajdin N. The *actus reus* of the crime of aggression // Leiden J. Int’l L. 2021. Vol. 34(2).

210. Hathaway O., Crotoof R., Levitz Ph., Nix H., Nowlan A., Perdue W., Spiegel J. The Law of Cyber-Attack // California L Rev. 2012. Vol. 100.
211. Heller K. Retreat from Nuremberg: The Leadership Requirement in the Crime of Aggression // Eur J. Int'l L. 2007. N 18.
212. Hofmann C., Schneekener U. Engaging non-state armed actors in state- and peace-building: options and strategies // International Review of the Red Cross. 2011. Vol. 93. N 883.
213. Jackson M., Arnold R. Article 28: Responsibility of Commanders and other Superiors // SSRN [сайт]: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4176909 (дата обращения: 7.05.2023).
214. Jensen E. Computer Attacks on Critical National Infrastructure: A Use of Force Invoking the Right of Self-Defense // Stanford J Int'l L. Vol. 38. Issue 207.
215. Kimenyi M. Can the International Criminal Court play fair in Africa? // Brookings [сайт]. URL: <https://www.brookings.edu/articles/can-the-international-criminal-court-play-fair-in-africa/> (дата обращения: 20.07.2023).
216. Kreß C. The Crime of Aggression before the First Review of the ICC Statute // Leiden J. Int'l L. 2007. Vol. 20.
217. Kreß C., Von Holtendorff L. The Kampala Compromise on the Crime of Aggression // J. Int'l. Crim. Justice. 2010. N 8.
218. Lee H. Defining “State” for the Purpose of the International Criminal Court: The problem Ahead After the Palestine Decision // University of Pittsburgh L Rev. 2016. Vol. 77. P. 380.
219. Mcwhorter D. Mandiant Report. APT1: Exposing One of China’s Cyber Espionage Units // Mandiant Advantage Platform. URL: <https://www.mandiant.com/sites/default/files/2021-09/mandiant-apt1-report.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).

220. Miller K. The Kampala Compromise and Cyberattacks: Can there be an international crime of cyber-aggression? // Southern California Interdisciplinary L. J. 2014. N 23.

221. Nehme J., Hassan M. The Meaning and Elements of International Crime // Palarch's J of Archaeology of Egypt/Egyptology. 2022. N 19(2).

222. Nerlich V. The Crime of Aggression and Modes of Liability – Is There Room Only for Principals? // Online J. 2017. Vol. 58.

223. Ophardt J. Cyber Warfare and The Crime of Aggression: The Need for Individual accountability on Tomorrow's Battlefield // Duke Law & Technology Rev. 2010. N 3.

224. Papanastasiou A. Application of International Law in Cyber Warfare Operations // SSRN Papers. 2010. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1673785 (дата обращения: 5.02.2022).

225. Paulus A. Second Thoughts on the Crime of Aggression // Eur. J. Int'l L. 2009. Vol. 20.

226. Petty K. Criminalizing Force: Resolving the Threshold Question for the Crime of Aggression in the Context of Modern Conflict // Seattle U.L. Rev. 2009. N 22.

227. Root J.L. First Do No Harm: Interpreting the Crime of Aggression to Exclude the Humanitarian Intervention // University of Baltimore J. Int'l L. 2013. Vol. 2.

228. Roscini M. World Wide Warfare – *Jus ad bellum* and the Use of Cyber Force // Max Planck Y.B. U.N. L. 2010. N 14.

229. Ruys T. The Meaning of “force” and the boundaries of the *jus ad bellum*: are “minimal” uses of force excluded from UN Charter article 2(4)? // American J. Int'l L. 2014. Vol. 108.

230. Ruys T. Criminalizing Aggression: How the Future of the Law on the Use of Force Rests in the Hands of the ICC // European J. Int'l L. 2018. Vol. 29.

231. Saslow B. Public Enemy: The Public Element of Direct and Public Incitement to Commit Genocide // Case Western Reserve J of Int'l L. 2016. Vol. 48.
232. Stone J. Hopes and Loopholes in the 1974 Definition of Aggression // The American J. Int'l Law. 1977. Vol. 71. N 2.
233. Tanodomdej P. The Tallinn Manuals and the Making of the International law on Cyber Operations // Masaryk University J of Law & Technology. Vol. 13. 2019.
234. Timmermann W. Incitement in International Criminal Law // Int'l Rev of the Red Cross. 2016. Vol. 88.
235. Trahan J. The Rome Statute Amendments on the Crime of Aggression: Negotiations at the Kampala Review Conference // Derechos. 2012. URL: <http://www.derechos.org/nizkor/aggression/doc/jtrahan1.html> (дата обращения: 12.08.2021).
236. Trahan J. A Meaningful Definition of the Crime of Aggression: A Response to Michael Glennon // University of Pennsylvania J. Int'l L. 2012. Vol. 33.
237. Van Schaack B. The Grass that Gets Trampled when Elephants Fight: Will the Codification of the Crime of Aggression Protect Women? // Santa Clara University Legal Studies Research Paper. 2010. Vol. 10.
238. Van Schaack B. The Crime of Aggression and Humanitarian Intervention on Behalf of Women // Int'l Crim. L. Rev. 2011. N 3.
239. Weisbord N. Prosecuting aggression // Harvard Int'l L. J. 2008. Vol. 49. N 1.
240. Weisbord N. Conceptualizing Aggression // Duke J. Comp. & Int'l L. 2009. Vol. 20.
241. Weisbord N. Judging aggression // Columbia J. Trans'l L. 2011. Vol. 50.
242. Weisbord N. The Mens Rea of the Crime of Aggression // Washington University Global Studies L. Rev. 2013. Vol. 12.

243. Wong F. Criticisms and Shortcomings of the ICC // Access Accountability [сайт]. URL: <https://accessaccountability.org/index.php/2019/09/26/criticisms-and-shortcomings-of-the-icc/#:~:text=Lack%20of%20Resources%3A,cases%20at%20any%20given%20time>. (дата обращения: 20.07.2023)

244. Wright Q. The concept of aggression in International Law // American J. Int'l L. 1935. N 3. Vol. 29.

245. Zimmermann T. Critical remarks on the International Court of Justice's interpretation of Article 3(g) of the "Definition of Aggression" (UNGA Resolution 3314/1974) // Revista Direito GV. 2018. Vol. 14. N 1.

Диссертации и авторефераты

246. Адельханян Р.А. Военные преступления как преступления против мира и безопасности человечества: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003.

247. Дряев Б.А. Агрессия в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

248. Лобанов С.А. Международная уголовная ответственность за военные преступления: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

249. Лобач Д.В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

250. Лямин Н.М. Международный уголовный суд и ответственность за преступные нарушения прав человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

251. Малахова О.В. Агрессия как преступление по национальному и международному уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2003.

252. Малярова Е.А. Контекстуальные обстоятельства как элемент состава преступления по международному уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

253. Молибога О.Ю. Уголовная ответственность за наемничество: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000.
254. Степанов П.П. Современные военные преступления: их причины и меры противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
255. Тимошков С.Г. Агрессия как международное преступление: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
256. Hajdin N. Individual Responsibility for the Crime of Aggression: Doctoral Thesis in Legal Science. Stockholm, 2021.
257. Kemp. G. Individual criminal liability for the international crime of aggression. Dissertation for the degree of Doctor of Law. Stellenbosch, 2008.
258. Van Schaack B. Negotiating at the Interface of Power & Law: The Crime of Aggression // Santa Clara University School of Law Legal Studies Research Papers Studies. 2010. No. 10-09.
259. Valo J. Cyber Attacks and the Use of Force in International Law. Master's Thesis. Helsinki, 2014.
260. Upeniece V. Conditions for the lawful exercise of the right of the self-defence in international law. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/01/shsconf_shw2018_01008.pdf (дата обращения: 28.01.2022).

Приложение 1. Судебная практика и иные источники

Судебная практика

Практика международных судов и трибуналов

Практика Международного военного трибунала, Международного военного трибунала по Дальнему Востоку и Нюрнбергского трибунала

1. 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946.
2. Opening Statement at Nuremberg by Robert L. Jackson, Chief Prosecutor for the United States in United States v. Göring et al., 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. 1946.
3. Dissenting opinion of the Soviet member of the International Military Tribunal. 2 Trial of the Major War Criminals Before International Military Tribunal. Judgment. 1946.
4. International Military Tribunal for the Far East. Judgment. 1948.
5. United States v. IG Farben. Military Tribunal VIII, 14 Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Washington, 1949.
6. United States v. Von Leeb et. al. Military Tribunal XI, 14 Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Washington, 1949.
7. United States v. von Weizsäcker et. al., Military Tribunal XII, 14 Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10. Washington, 1949.

Практика Международного суда ООН

8. Case concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) // ICJ Reports. 27 June 1986.
9. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion // ICJ Reports. 8 July 1996.

10. Case concerning Oil Platforms (Iran v. U.S.) Judgment // ICJ Reports. 6 November 2003.

11. Case concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda) // ICJ Reports. 19 December 2005.

Практика Международного трибунала по бывшей Югославии

12. Prosecutor v. Delalić et al. Case No IT-96-21-T. 16 November 1998.

13. Prosecutor v. Tadić. Case No IT-94-1-A. 15 July 1999.

14. Prosecutor v. Blaškić. Case No IT-95-14-T. 3 March 2000.

15. Prosecutor v. Aleksovski. Case No IT-95-14/1-A. 24 March 2000.

16. Prosecutor v. Delalić et al. Case No IT-96-21-A. 20 February 2001.

17. Prosecutor v. Mucic et al. Case No IT-96-21-A. 20 February 2001.

18. Prosecutor v. Milomir Stakić. Case No IT-97-24-T. 31 July 2003.

19. Prosecutor v. Blaškić. Case No IT-95-14-A. 29 July 2004.

20. Prosecutor v. Kordić and Čerkez. Case No IT-01-47A. 22 April 2008.

21. Prosecutor v. Šešelj. Case No IT-03-67-T. 31 March 2016.

Практика Международного трибунала по Руанде

22. Prosecutor v. Akayesu. Case No ICTR-96-4-T. 2 September 1998.

23. Prosecutor v. Kayishema et al. Case No ICTR-95-1-T. 21 May 1999.

24. Prosecutor v. Musema. Case No. ICTR-96-13-A. 27 January 2000.

25. Prosecutor v. Semanza. Case No ICTR-97-20-T. 15 May 2003.

26. Prosecutor v. Niyitegeka. Case No ICTR-96-14-T. 16 May 2003.

27. Prosecutor v. Kajelijeli. Case No ICTR-98-44A-T. 1 December 2003.

28. Prosecutor v. Niyitegeka. Case No ICTR-96-14-A. 9 July 2004.

29. Prosecutor v. Kajelijeli. Case No ICTR-98-44A-A. 23 May 2005.

30. Prosecutor v. Nahimana et al. Case No ICTR-99-52-A. 28 November 2007.

31. Prosecutor v. Bikindi. Case No ICTR-01-72-T. 2 December 2008.

32. Prosecutor v. Nzabonimana. Case No ICTR-98-44D-T. 31 May 2012.

33. Prosecutor v. Nzabonimana. Case No ICTR-98-44D-A. 29 September 2014.

34. Prosecutor v. Karemera et al. Case No ICTR-98-44-A. 29 September 2014.

Практика Международного трибунала по Сьерра-Леоне

35. Prosecutor v. Brima et al. Case No SCSL-04-16-T. 20 June 2007.

Практика Международного уголовного суда

36. Prosecutor v. Lubanga. Decision on the conformation of charges. Case No ICC-01/04-01/06. 29 January 2007.

37. Prosecutor v. Katanga et. al. Decision on the conformation of charges. Case No 01/04-01/07. 30 September 2008.

38. Prosecutor v. Bemba. Decision on the conformation of charges. Case No ICC-01/05-01/08. 15 June 2009.

39. Prosecutor v. Bemba. Decision pursuant to article 61(7)(a) and (b) of the Rome Statute on the Charges of the Prosecutor Against Jean-Pierre Bemba Gombo. Case No ICC-01/05-01/08. 15 June 2009.

40. Prosecutor v. Katanga. Judgment pursuant to article 74 of the Statute. Case No ICC-01/04-01/07. 7 March 2014.

Постановления Пленума Верховного Суда и практика судов общей юрисдикции

41. Постановление 23 Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1929 (ред. от 14.03.1963) «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» // СПС КонсультантПлюс.

42. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.06.2020) // СПС КонсультантПлюс.

43. «Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) N 2» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020). Вопрос 13 // СПС КонсультантПлюс.

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 N 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС КонсультантПлюс

45. Постановление Пленума Верховного Суда от 09.02.2012 N 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС КонсультантПлюс.

46. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенного преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС КонсультантПлюс.

47. Постановление Пленума Верховного суда от 17 декабря 2020 г. N 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324-327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

48. Приговор Верховного Суда Республики Крым от 2 августа 2017 г. N 1-18/2017 // СПС КонсультантПлюс.

49. Приговор Ульяновского областного суда от 18.09.2020 N 2-7/2020 // СПС КонсультантПлюс.

50. Приговор Волгоградского областного суда от 01.05.2021 N 2-10/2021 // СПС КонсультантПлюс.

51. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2021 по делу N 80-УДП21-3-А4 // СПС КонсультантПлюс.

52. Приговор Воронежского областного суда от 16.07.2021 N 2-23/2021 // СПС КонсультантПлюс.
53. Приговор Верховного Суда Республики Марий Эл от 21.07.2021 N 2-5/2020 // СПС КонсультантПлюс.
54. Приговор Верховного Суда Республики Калмыкия от 16.12.2021 N 2-4/2021 // СПС КонсультантПлюс.
55. Приговор Самарского областного суда от 01.03.2022 N 2-12/2022 (2-27/2021) // СПС КонсультантПлюс.
56. Приговор Омского областного суда от 06.12.2022 N 2-20/2022 // СПС КонсультантПлюс.
57. Приговор Омского областного суда от 28.12.2022 N 2-31/2022 // СПС КонсультантПлюс.
58. Приговор Омского областного суда от 16.02.2023 N 2-8/2023 (2-27/2022) // СПС КонсультантПлюс.
59. Приговор Архангельского областного суда от 24.02.2022 N 2-9/2022 // СПС КонсультантПлюс.
60. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 20.10.2022 по делу N 225-УД22-8-А6 // СПС КонсультантПлюс.
61. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 23.11.2022 по делу N 222-УД22-58-А6 // СПС КонсультантПлюс.
62. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 13.12.2021 по делу N 225-УД22-13 // СПС КонсультантПлюс.
63. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 16.12.2021 по делу N 223-УД21-21-А6 // СПС КонсультантПлюс.

64. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 14.04.2022 по делу N 225-УД22-3-А6 // СПС КонсультантПлюс.

65. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 31.05.2022 по делу N 225-УД22-5-А6 // СПС КонсультантПлюс.

66. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 11.04.2023 по делу N 224-УД23-4-А6 // СПС КонсультантПлюс.

67. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 09.02.2023 по делу N 222-УД23-2-А6 // СПС КонсультантПлюс.

Иные источники

68. Pro-Assad Syrian hackers launching cyber-attacks on western media. The Guardian. URL: (дата обращения: 01.02.2022).

69. Sanger D.: Obama Order Sped Up Wave of Cyberattacks Against Iran // New York Times. 2012, 1 June. URL: (дата обращения: 21.11.2023).

70. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. 1 декабря. 1975 г. URL: (дата обращения: 12.12.2021).

71. Письмо постоянного представителя Туниса при ООН от 19.04.1988 г. на имя председателя Совета Безопасности. S/19798.

72. Question of defining aggression. Report by the Secretary-General. A/2211. 3 October 1952 // UN Nations Digital Library System [сайт]. URL: file:///C:/Users/4456/Downloads/A_2211-EN.pdf (дата обращения: 16.11.2023).

73. International Law Commission Draft Code of Offences. 1951.

74. International Law Commission Draft Statute for an International Criminal Court. 1994.

75. International Law Commission Draft Code of Offences. 1996.

76. Report of the Special Committee on the Question of Defining Aggression. General Assembly Resolution 1471 (XXIX). A/C.6/SR.1471. 8 October 1974 // United Nations Digital Library [сайт]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/766649?ln=en> (дата обращения: 24.11.2023).

77. Proposal by Arab States on the First Session of the Preparatory Commission. February 1999.

78. Proposal by the Russian Federation on the Second Session of the Preparatory Commission. July/August 1999.

79. Proposal by Germany on the Sixth Session of the Preparatory Commission. November/December 2000.

80. Proposal by Greece and Portugal on the Sixth Session of the Preparatory Commission. November/December 2000.

81. Proposal by Samoa on the Tenth Session of the Preparatory Commission. July 2002.

82. Proposal by Colombia on the Tenth Session of the Preparatory Commission. July 2002.

83. Coordinator's Paper on the Tenth Session of the Preparatory Commission. July 2002.

84. Report of the First Princeton Meeting on the definition of crime of aggression. June 2004.

85. Discussion Paper 1 at the Fourth Session of Assembly of State Parties. 2005.

86. Report of the Second Princeton Meeting on the definition of crime of aggression. June 2005.

87. Report of the Third Princeton Meeting on the definition of crime of aggression. June 2006.

88. Report of the Fourth Princeton Meeting on the definition of crime of aggression. June 2007.

89. Report of Special Working Group on the Crime of Aggression. January 2007.

90. Report of Special Working Group on the Crime of Aggression. June 2008.
91. Report of Special Working Group on the Crime of Aggression. February 2009.
92. Proposal of Special Working Group on the Crime of Aggression. February 2009.
93. Chairman's Non-Paper on the Elements of Crimes. 2009.
94. Report of the Coalition for the International Criminal Court, Informal Inter-sessional Meeting of the Special Working Group on the Crime of Aggression (August 26, 2006).
95. Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Palestinian territories occupied since 1967 on the 71-st session. Situation of human rights in the Palestinian territories occupied since 1967. A/71/554. 19 October 2016.
96. Geneva Academy Report. Today's Armed Conflicts. URL: <https://geneva-academy.ch/galleries/today-s-armed-conflicts> (дата обращения: 27.07.2022).
97. Secretary General's remarks to the General Assembly on his priorities for 2022.
98. Statement by Cuba as Observer State after the adoption of resolution RC/Res.6 on the crime of aggression.

Приложение 2. Проект ст. 353 Уголовного кодекса РФ

«Статья 353. Совершение преступления агрессии.

Планирование, подготовка, инициирование или осуществление акта агрессии, совершенное лицом, фактически осуществляющим контроль или руководство над политическими или военными действиями государства или негосударственной вооруженной организованной группы, -

наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет.

Примечания. 1. Под актом агрессии (агрессией) в настоящей статье, а также статье 354 настоящего Кодекса, следует понимать незаконное применение государством, группой государств или негосударственной вооруженной организованной группой вооруженной силы против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо иным образом, несовместимым с соответствующим международным договором.

2. Любое из нижеперечисленных действий будет квалифицироваться как акт агрессии, независимо от объявления войны:

- а. вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы на территории другого государства или ее части;
- б. бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;
- в. блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;
- г. нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;

- д. применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;
- е. действия государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;
- ж. засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или их значительное участие в них;
- з. киберагрессия, выраженная в совершении государством или негосударственной вооруженной организованной группой или от их имени кибернетических атак, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или значительное участие в них;
- и. другие акты применения вооруженной силы против другого государства, равносильные перечисленным выше актам».